

Нет никого своего

LIVE
BOOK

Миранда Джулай

Миранда Джулай

Нет НИКОГО СВОЕЕ

Нет
НИКОГО
СВОЕЕ

Что я могу сказать об этой книге, чтобы оно не выглядело предвзятым? В этой книге 256 страниц, она начинается со слова «всё» и заканчивается словом «торжество». В ней 16 рассказов, у каждого свое собственное название. Дальше получается говорить об авторе и цитировать слова других людей, написавших что-то о книге, но тут не хватит места, факт, — у книжки такая маленькая спинка.

Миранда Джулай (р. 1974) → режиссер, актриса и писательница.

Видео-перфомансы и интернет-проекты → Музей современного искусства, Музей Гуггенхайма, бьеннале Уитни в 2002 и 2004 гг.

Сборник рассказов «Нет никого своего» (*No One Belongs Here More Than You*), 2007 г. → международная премия Фрэнка О'Коннора за лучший рассказ.

Публикации → «Paris Review», «Harper's», «New Yorker».

Первый полнометражный фильм (сценарист, режиссер, главная роль) «Я, ты и все, кого мы знаем» (*Me and You and Everyone We Know*, 2005) → спецприз от жюри на кинофестивале в Санденсе, четыре премии Каннского фестиваля, включая «Золотую камеру».

Miranda July

Миранда Джулай

НЕТ

НИКОГО

СВОЕЕ

No one belongs here more than you

Оглавление

Общая веранда	5
Учитесь плавать	19
Величество	27
Человек на лестнице	43
Сестра	51
Этот человек	66
То была романтика	71
Что-то такое, чему ничего не надо	78
Я целую дверь	119
Мальчишка из «Лам Кьена»	126
Занимались любовью — 2003	135
Десять истин	165
Жесты	182
Mon Plaisir	185
Родимое пятно	213
Как рассказывать детям сказки ..	223

Общая веранда

Все равно оно в счет, пусть даже все произошло, когда он был без сознания. Оно в счет дважды, потому что сознательный ум часто совершает ошибки, увлекаясь совершенно не теми, кем надо. Зато там, на дне колодца, где нет света и только тысячелетней давности вода, человеку незачем ошибаться. Господь говорит «давай» — и ты даешь. Люби ее — и быть посему. Он мой сосед. Он корейского происхождения. Его зовут Винсент Чан. Он не занимается

хапкидо. Когда говорят «кореец», кое-кому автоматически представляется южнокорейский инструктор Джеки Чана по хапкидо, Ким Джин Пал. А мне вот представляется Винсент.

Что вы можете назвать самым кошмарным происшествием в своей жизни? Было ли оно связано с автомобилем? Может быть, с кораблем? Или с животным? Ответ «да» на любой из этих вопросов не вызывает у меня удивления. Автомобили попадают в аварии, корабли тонут, а звери пугают одним своим видом. Отчего же не сделать себе одолжение и не держаться подальше от всего этого?

У Винсента есть жена по имени Хелена. Она гречанка и при этом блондинка. Крашенная. Хотела я проявить деликатность и не обозначать, что она крашенная, но почти уверена, что ей все равно, знает об этом кто-нибудь или нет. По-хорошему, думаю, она специально хочет выглядеть крашеной — чтобы видны были корни. Если бы мы были с ней друзьями. Если бы я взяла у нее что-нибудь поносить, а она сказала бы, мол, оставь себе — на тебе оно сидит лучше. Если бы она вдруг позвонила вся в слезах, и мне пришлось бы прийти и успокаивать ее, а Винсент попытался бы пробраться в кухню, а мы бы ему: «Не ходи сюда, тут разговор между нами, девочками». Что-то подобное я видела по телевизору; там две женщины обсуждали кражу какого-то нижнего белья,

и тут вошел мужчина, а они ему: «Не ходи сюда, тут разговор между нами, девочками!» Но мы никогда не подружмся с Хеленой по одной простой причине: я ее вдвое ниже ростом. Люди тяготеют к своей ростовой категории — так проще для шеи. Ну, если только это не романтическое увлечение — в этом случае разница в росте даже в некотором роде сексуальна. Она означает: «Ради тебя я готов преодолеть расстояние».

Если вам грустно, спросите себя почему. После чего снимите трубку, позвоните кому-нибудь и сообщите ему или ей ответ на этот вопрос. Если никого не знаете, позвоните оператору и сообщите ему или ей. Большинству людей неизвестно, что оператор обязан выслушать их — таков закон. Или вот, например, почтальону не дозволено заходить к вам в дом, но зато с ним можно говорить в общественном месте аж до четырех минут или до тех пор, пока ему не захочется уйти, — зависит от того, что наступит раньше.

Винсент расположился на общей веранде. Я вам расскажу про эту веранду. Она общая. На первый взгляд может показаться, что это Винсента и Хелены веранда, поскольку их дверь на задний двор открывается как раз на нее. Но когда я въезжала, хозяин дома сказал, что верандой могут пользоваться съемщики

с обеих этажей — нижнего и верхнего. Он так и сказал, мол, не стесняйся, пользуйся, ты платишь ровно столько же. Вот чего я не знала, так это сообщил ли он Винсенту и Хелене, что веранда общая. Я пыталась как-то предъявить свои права на нее, случайно оставляя то да се — туфли там или пасхальный флажок. А еще я стараюсь проводить на веранде ровно столько же времени, сколько и они. Так я могу быть уверена, что каждый из нас получает поровну за свои деньги. Всякий раз, когда вижу их на веранде, я ставлю отметочку в календаре. И когда в следующий раз веранда стоит пустая, усаживаюсь на ней. После чего зачеркиваю отметочку. Иногда я сильно отстаю от них и вынуждена торчать на веранде подолгу, чтобы к концу месяца наверстать упущенное.

Винсент расположился на веранде. Я вам расскажу про Винсента. Он настоящий пример Нового Мужчины. Может, читали статью о Новых Мужчинах в журнале «Тгве» за прошлый месяц? Новые Мужчины в куда лучшем контакте со своими чувствами, чем даже женщины, Новые Мужчины умеют плакать. Новые Мужчины желают иметь детей, им даже хочется рожать, и временами они плачут, потому что родить не могут: ребенку просто неоткуда появиться на свет. Новые Мужчины дают, дают и дают. Вот Винсент как раз такой. Однажды я видела, как он на нашей общей веранде дает сеанс массажа Хелене. Ирония

судьбы: если кто и нуждается в массаже, так это Винсент. У него легкая форма эпилепсии. Мой квартирный хозяин сообщил мне об этом в качестве предупреждения, когда я въезжала. Новые Мужчины временами такие хрупкие, а Винсент еще и работает арт-директором, что вообще очень типично для Новых Мужчин. Я узнала это от него самого, когда мы однажды вместе выходили из дому. Он — арт-директор журнала под названием «Punt». Довольно необычное совпадение, поскольку я — офис-менеджер в полиграфической конторе, и мы иногда тоже печатаем журналы. «Punt» мы не печатаем, зато печатаем журнал с похожим названием — «Positive». Правда, надо сказать, что это скорее информационный листок, нежели журнал — для ВИЧ-инфицированных.

Сердитесь? Побейте подушку. Полегчало? Маловероятно. Люди в наши дни слишком озлоблены, чтобы обходиться подушками. Вот что можно попробовать, так это пыряние ножом. Возьмите старую подушку и разместите ее на газоне перед домом. Воткните в нее с размаху большой нож с острым кончиком. Еще, еще и еще. Втыкайте так, чтобы кончик ножа входил в землю. Втыкайте до тех пор, пока подушка не перестанет существовать, а вы будете взгонять нож прямо в землю — еще и еще, как будто хотите убить ее за то, что она все еще вертится,

будто мстите за то, что вынуждены жить на ней день за днем, в одиночку.

Винсент расположился на общей веранде. Я уже отставала от них по части верандопользования, и поэтому несколько забеспокоилась, увидев его там под самый конец месяца. И тут у меня возникла идея: а что если пойти и посидеть вместе с ним? Я надела шорты, солнечные очки и намазалась маслом от загара. На дворе стоял октябрь, но мне все еще было по-летнему; и в голове моей еще роились летние планы. Однако, по правде сказать, было довольно ветрено, и мне пришлось сбегать за свитером. А через пару минут — за штанами. В итоге я уселась в шезлонг рядом с Винсентом на общей веранде, наблюдая, как масло пропитывает насквозь мои штаны цвета хаки. Он сказал, что ему всегда нравился запах масла от загара. Великодушная манера заглаживать неловкость. Великодушные — это так типично для Нового Мужчины. Я спросила его, как идут дела в «Punt», и он рассказал мне забавную историю про очепятку. И поскольку мы с ним — из одного «цеха», ему не пришлось объяснять, что «очепятка» — это жаргонное от «корректорской ошибки». Если бы вышла Хелена, нам пришлось бы прекратить баловаться сленгом, чтобы и ей было понятно, о чем идет речь, но она не вышла, поскольку в тот момент еще не вернулась с работы. Она — ассистент врача, что, может

быть, — а может и не быть — то же самое, что и медсестра.

Я задала Винсенту еще разных вопросов, и ответы его становились все пространнее и пространнее и достигли той непрерывной протяженности, которая освободила меня от необходимости спрашивать — он просто вещал. Что было довольно неожиданно — как если бы вдруг застать себя за работой в выходные. Что я тут делаю? Где проходили мои римские каникулы? Каково мне с моим американским английским в Париже? Да, в общем, так же, как с ним же, но в Америке. В конце концов он умолк и взглянул, прищурившись, в небо. Он, как мне показалось, конструировал теперь вопрос, фантастический вопрос, для ответа на который мне придется подняться над собой, собрав воедино все, что я знала о себе, о мифологии и об этой земле. Но паузу он сделал только для того, чтобы подчеркнуть сказанное: что дизайн обложки — не его вина. Хотя вопрос он все-таки задал. Он спросил, не считаю ли я, что это все же он виноват, — даже если учесть все то, что им было только что сказано? Я тоже взглянула в небо — просто чтобы понять, каково это. Я сделала вид, что умолкла перед тем как рассказать ему о тайном чувстве радости, которое я прячу у себя в груди, ожидая, ожидая, все ожидая, что кто-нибудь заметит, как я встаю каждое утро, не имея, казалось бы, ничего такого, ради чего стоило бы вставать, но я все равно

встаю — только благодаря этой тайной радости, любви Божьей, в груди. И я глянула вниз — с небес — ему в глаза и сказала, что он не виноват. Я простила ему обложку, а также все остальное. Простила то, что он пока никакой не Новый Мужчина. После чего воцарилось молчание; он больше не задавал вопросов. Я все еще была счастлива, сидя рядом с ним, но это оттого, что не ожидаю от большинства людей почти ничего, а он теперь стал Большинством Людей.

А потом вдруг он резко подался вперед. Одним внезапным движением согнулся под нечеловеческим углом, да так и остался. Эдак себя не ведет ни Большинство Людей, ни Новые Мужчины. Такое, вероятно, мог бы выкинуть какой-нибудь старик, пожилой человек. Я сказала: «Винсент, Винсент». Я заорала: «Винсент Чан!» Но он все сидел, согнутый пополам, грудью почти упираясь в колени. Я присела на корточки и заглянула ему в глаза. Они были открыты, но при этом закрыты, как магазин, с его потусторонним нутром при погашенных огнях. И при погашенных огнях мне вдруг стало видно, каким светящимся он был всего мгновение назад, пусть и эгоистичным. И тут меня осенило, что, вероятно, журнал «Тгве» заблуждался. Нет никаких Новых Мужчин. Вероятно, есть только живые и мертвые; и те, что еще живы, все равны и достойны друг друга. Упершись ему в плечи, я разогнула его — теперь он сно-

ва сидел в кресле прямо. Я ничего не знала об эпилепсии, но предполагала, что человека, как правило, должно трясти. Отбросила ему волосы с лица. Подставила ладонь ему под нос и ощутила мягкое, ровное дыхание. Прижала губы к его уху и прошептала: «Ты не виноват». Наверное, это как раз то единственное, что я хотела бы сказать кому угодно — и услышать сама.

Подтащила свое кресло и положила голову ему на плечо. И, хоть и по-настоящему испугалась этого эпилептического припадка, все же незаметно уснула. Как я могла совершить такой опасный и не подобающий ситуации поступок? Мне бы хотелось думать, что это не я его совершила, а он совершился надо мной. Я спала и видела во сне, как Винсент медленно скользит ладонями вверх по моей рубашке, и мы с ним целуемся. И было ясно по движениям его рук, что грудь у меня маленькая. Более мощная грудь потребовала бы куда меньшего залома запястий. Он держал мои груди так, будто давно желал этого, и тут мне вдруг открылось истинное положение вещей. Он любил меня. Он был сложной личностью с многослойными бурлящими эмоциями, часть из которых — духовного свойства, часть — несколько более светского, и он сгорал от страсти ко мне. Это затейливое человеческое пламя было моим. Держа его горячее лицо между ладоней, я задала ему прямой вопрос.

Как быть с Хеленой?

Все в порядке, она же медик. Они обязаны делать все для пользы здоровья.

Все верно, клятва Гиппократата.

Она, конечно, грустит, но не станет нам мешать — такова клятва Гиппократата.

Перенесешь свои вещи ко мне?

Нет, мне нужно продолжать жить с Хеленой — таковы наши с ней клятвы.

Ваши клятвы? А как же Гиппократ?

Все будет хорошо. По сравнению с нашим чувством остальное — чепуха.

Ты когда-нибудь ее любил по-настоящему?

Нет, по-настоящему нет.

А меня?

Да.

Невзирая на то, что я не держу хвост пистолетом?

О чем ты говоришь, ты — совершенное существо.

Ты считаешь, что я совершенна?

Да, это же в каждом твоём жесте. Я наблюдаю, как ты приседаешь попой на край ванны и подмываешься перед сном.

Ты это видел?

Каждый вечер.

Это я на всякий случай.

Я знаю. Но никто никогда не войдет в тебя, пока ты спишь.

Как ты можешь такое обещать?

Потому что я наблюдаю за тобой.

Я думала, что всего вот этого мне придется ждать до самой смерти.

Теперь я твой.

Несмотря ни на что? Даже когда ты с Хеленой, а я всего лишь дамочка-коротышка со второго этажа, — я все еще твоя?

Да, это наша с тобой непреложность, даже если мы больше ни разу об этом не поговорим.

Не верится, что все это происходит на самом деле.

И тут появилась Хелена, она трясла нас обоих. Но Винсент спал, а мне подумалось, не умер ли он, и если умер, то сказал мне все то, что во сне, перед тем как скончаться или после, и что из этих двух событий было ближе к реальности. И вот еще что: преступница ли я? Меня арестуют за преступную халатность? Я взглянула на Хелену: она в своих медсестринских одеждах прямо-таки кипела энергией. Производимая буря действий вызвала во мне головокружение; я снова закрыла глаза и было собралась вернуться к прерванному сну, как Хелена гаркнула: «Когда начался приступ?» и «Какого хера ты заснула?» Тем временем сама она, со всем профессиональным великолепием, была занята проверкой признаков жизни, и, когда в следующий раз она взглянула на меня, я поняла, что мне не придется отвечать на эти вопросы, поскольку неким образом я теперь стала ее ассистентом, ассистентом ассистента врача. Она велела мне сбегать в дом и принести пакет, который лежит на холодильнике. Я с благодарностью бросилась внутрь и закрыла за собой дверь.

В квартире было очень тихо. На цыпочках я прокралась через кухню и прижалась лицом к морозильнику, вдыхая сложный запах их жизни. На холодильнике размещались фотографии их детей. У них были друзья, а те, в свою очередь, дали жизнь другим друзьям. Никогда мне не доводилось видеть ничего более личного, чем фотографии этих детей. Я хотела дотянуться до пакета на холодильнике, но больше мне хотелось разглядеть каждого ребенка. Одного звали Тревор, и у него в эту субботу был день рождения. «Приходите!» — говорило приглашение. — «Будет грандиозно!» — а изображен на нем был кит. Настоящий кит, фотография настоящего кита. Я заглянула в его крошечный мудрый глаз и подумала, где он теперь. Жив и плавает или умер давным-давно, а может, умирает прямо сейчас, в эту самую минуту? Когда кит умирает, он опускается сквозь океанскую толщу, медленно, весь день. И все рыбы видят, как он падает, словно грандиозная статуя, словно дом, но очень медленно. Я сконцентрировала внимание на глазе, я попыталась проникнуть глубже, добраться до настоящего кита, умирающего кита, и прошептала: «Ты не виноват».

Хелена хлопнула дверью. Ненадолго прижалась грудью к моей спине, потянувшись за пакетом, и выбежала. Я обернулась и наблюдала теперь за ней через окно. Она сделала Винсенту укол. Он просыпался. Она целовала Винсента, а он потирал шею. Я гадала, что

именно он помнит. Она села к нему на колени и обнимала его за голову. Они не взглянули на меня, когда я прошла мимо.

Самое интересное в «Positive» заключается в том, что там никогда не упоминается ВИЧ. Если бы не реклама — ретровир, сустива, вирамун, — вы бы подумали, что это журнал о позитивном отношении к жизни, о том, как быть в ударе. И как раз поэтому «Positive» — мой любимый журнал. Все остальные закатывают вас на горку только для того, чтобы потом столкнуть, снова и снова, и для этого даже нет нужды проваливать тест «Вы суперсексуальны! Или так себе?» «Positive» публикует списки способов чувствовать себя лучше, например — «Верняк от Веры». Это только кажется, что их просто писать, но это иллюзия, создаваемая любым хорошим советом. Здравый смысл и правда должны иметь налет безавторства, писанности самим временем. Довольно сложно писать нечто, что заставит смертельно больного человека чувствовать себя лучше. И у «Positive» есть свои правила: нельзя просто взять рекомендации из Библии или книжки по дзен. Им нужен оригинальный материал. Пока ни одно мое предложение не получило у них отклика, но, по-моему, я почти у цели.

У вас сомнения по части собственной жизни? Не уверены, что все это того стоит?

Взгляните в небо: оно для вас. Взгляните в лицо каждому прохожему: эти лица для вас. И сама улица, и почва под ней, и огненный шар под почвой — все это для вас. Ровно в той же мере, как и для всех остальных людей. Помните об этом, когда просыпаетесь утром и вдруг думаете, что у вас ничего нет. Встаньте лицом к востоку. А теперь возблагодарите небо и свет внутри каждого человека под этим небом. Нет ничего страшного в неуверенности. Но продолжайте благодарить, благодарите, благодарите.

Учитесь плавать

Вот история, которую я не рассказывала бы тебе, будь я все еще твоей девушкой. А ты все спрашивал и спрашивал, и твои догадки были такими зловещими и детальными. Может, я была содержанкой? Может, в Бельведере, как в Неваде, проституция узаконена? Я там что, весь год ходила голая? Реальность же начала казаться мне облезлой. И со временем я осознала, что если взаправдашнее положение вещей кажется порожним, значит, недолго мне быть твоей девушкой.

Я не хотела жить в Бельведере, но просить у родителей денег на переезд было невыносимо. Каждое утро меня шокировала сама мысль о том, что я живу одна в этом городе, который и городом-то не был — такой крошечный. Несколько домов у бензоколонки, а в миле от нее — магазин. И все. У меня не было машины, у меня не было телефона, мне было двадцать два, и каждую неделю я писала родителям и рассказывала им истории о том, как я работаю в программе Б.У.К.В.А. Мы устраивали чтения для рискованной части молодежи. Это государственная пилотная программа. Я так и не придумала, что бы такое значила Б.У.К.В.А., но всякий раз, произнося слова «пилотная программа», я в некотором смысле восхищалась собой.

Эта история долгой не будет, поскольку самым поразительным в тот год было почти полное отсутствие событий. Жители Бельведера думали, что меня зовут Мария. Я никогда не называла этого имени, но как-то оно прижилось, и мне стоило немалого труда донести свое настоящее имя до всех троих. Этих троих звали Элизабет, Келда и Джек Джек. Не знаю, почему Джек дважды, и у меня нет уверенности по поводу Келды, но вот так оно звучало, и ровно эти звуки я произносила, когда звала ее по имени. Я знала этих людей, потому что давала им уроки плавания. И вот тут-то и есть самый смак всей истории, поскольку в Бельведере нет ни одного водоема, никаких

бассейнов. Они однажды разговорились об этом в магазине, и Джек Джек, который сейчас уже наверняка умер, потому что уже тогда был очень стар, сказал, что это и не важно, поскольку они с Келдой не умеют плавать и, случись что, были бы повинны в собственном утопленничестве. Думается, Элизабет была кузиной Келды. А Келда была женой Джека Джека. Им всем было по меньшей мере за восемьдесят. Элизабет сказала, что когда-то плавала, и не раз — летом, когда еще была девчонкой и гостила у некой кузины (очевидно, не у кузины Келды). Единственная причина, по которой я присоединилась к беседе, — заявление Элизабет, что для того чтобы плавать, надо дышать под водой.

— А вот и нет! — завопила я. Это были первые слова, которые я произнесла вслух впервые за несколько недель. Сердце колотилось, будто я приглашала кого-то на свидание. — Просто задерживаешь дыхание.

Элизабет, кажется, рассердилась и сказала, что пошутила.

Келда сообщила, что боится задерживать дыхание, потому что у нее был дядя, который умер оттого, что задержал дыхание слишком надолго в соревновании «Задержи дыхание».

Джек Джек спросил, правда ли она верит в это, на что Келда сказала: «Да, конечно, да», — а Джек Джек сказал: «Твой дядя умер от инсульта, и я просто не знаю, откуда ты берешь подобные истории, Келда».

После этого мы какое-то время постояли молча. Мне очень нравилась такая компания, и я надеялась, что общение продолжится, что и произошло, поскольку Джек Джек сказал: «Так значит, вы плавали».

Я рассказала им, как состояла в сборной школы по плаванию и даже участвовала в соревнованиях на уровне штата, но нас сразу обставили ребята из «Епископа О'Доуда», католической школы. Моим новым друзьям эта история показалась явно интересной. Я и не думала раньше, что тут вообще есть что рассказывать, но теперь мне стало ясно, что это и в самом деле увлекательнейшая история, полная драматизма, хлорки и еще много чего такого, о чем ни Элизабет, ни Келда, ни Джек Джек не имели до сих пор достоверной информации. И как раз Келда сказала, как ей жаль, что в Бельведере нет бассейна, потому что это большое везение — жить в одном городе с настоящим тренером по плаванию. Я не говорила, что тренирую пловцов, но поняла, что она имела в виду. Да, жаль.

И тут произошла странная штука. Я взглянула на свои туфли там, внизу, на коричневом линолеуме, и подумала о том, что готова поспорить: этот пол не мыли уже миллион лет, и внезапно почувствовала, что сейчас умру. Но вместо того, чтобы умереть, сказала: «Я могу научить вас плавать. И нам не нужен бассейн».

Мы встречались у меня в квартире дважды в неделю. К их приходу я расставляла на полу

в ряд три таза с теплой водой из-под крана, а четвертый — посередине перед ними, тренерский таз. В воду я добавляла соли, поскольку соленую воду втягивать носом вроде бы полезно, а мне думалось, что время от времени они случайно будут ее втягивать. Я показала им, как опускать нос и рот в воду и вдыхать, поворачивая голову из стороны в сторону. Потом мы подключили ноги, затем — руки. Я признавала, что это не идеальные условия для обучения плаванию, но, заметила я, именно так тренируются пловцы-олимпийцы, когда поблизости нет бассейна. Да-да-да, врачи, но они были нам необходимы — нам четверым, лежащим на полу в кухне, дрыгающим ногами, словно мы сердились, словно в бешенстве, словно в разочаровании и раздражении, без страха это показать. Привязку к плаванию нужно было усилить подходящими словами. Келде пришлось потратить несколько недель, пока она научилась погружать лицо в воду.

— Все в порядке, все хорошо! — сказала я. — Начнем с плавательной доски. — Я дала ей книгу. — Совершенно нормально сопротивляться тазу, Келда.

— Тело заявляет вам, что не желает умирать. Не желает, — сказала Келда.

Я научила их всем стилям, какие знала. Баттерфляй особенно поражал воображение — такое тебе вряд ли доводилось видеть.казалось, кухонный пол вот-вот поддастся и станет жидким, и они уплывут, с Джек Джеком во

главе. А тот был ой как сноровист — если не сказать больше. Он по-всамделишному двигался взад-вперед по полу, вместе со своим тазом и с водой в нем. Он приплывал, запыхавшись, из коридора в спальню, весь в поту и пыли, а Келда взглядывала на него, держась за свою книгу обеими руками, и сияла улыбкой.

— Плыви ко мне, — говорил он, но ей было слишком боязно, да и потом — плавание на суше требует недюжинной силы торса.

Я была из породы тренеров, которые ходят вдоль бортика бассейна, а не сидят в нем, но у меня не было ни одной свободной минуты. Может быть, это прозвучит слишком нескромно, но я была им вместо воды. Я поддерживала непрерывность процесса. Я все время говорила, как инструктор по аэробике, я свистела в свисток с равными интервалами, отмечая свистом края бассейна. Они разворачивались в унисон и плыли в другую сторону. Когда Элизабет забывала грести руками, я выкрикивала: «Элизабет! Ноги наверху, а голова-то тонет!» И та тут же начинала бешено грести, стремительно выравнивая тело. Благодаря дотошности моего тренерского метода все прыжки в воду начинались с идеальной стартовой позы на письменном столе и заканчивались плюханьем животом на кровать. Мера безопасности, не более. Все равно мы ныряли, мы преодолевали гордость млекопитающих, мы вверялись силам тяготения. Элизабет ввела правило: когда падаешь, издавай звук. Перебор с креативом,

на мой вкус, но я была открыта новаторству. Мне хотелось быть таким учителем, который учится у своих учеников. Келда издавала звук падающего дерева — женского дерева. Элизабет предпочитала «спонтанные звуки», которые всякий раз были совершенно одинаковыми, а Джек Джек выдавал: «Снаряды к бою!» В конце занятия мы все закутывались в полотенца, и Джек Джек тряс мне руку, а Келда или Элизабет оставляли мне чего-нибудь горяченького вроде запеканки или спагетти. Вот такой обмен, благодаря которому у меня не было необходимости находить себе другую работу.

Все это занимало два часа в неделю, но все остальные часы служили поддержкой этим двум. Утром по вторникам и четвергам я просыпалась и думала: плавательная тренировка. В другие утра я просыпалась и думала: неплавательная тренировка. Завидев кого-то из моих учеников в городе — скажем, на бензоколонке или в магазине, — я говорила что-нибудь вроде:

— Тренировали ныряние ласточкой?

И мне отвечали:

— Я работаю над этим, тренер!

Понимаю, как тебе трудно представить, что кто-то зовет меня тренером. Там, в Бельведере, у меня была совершенно другая репутация, и именно поэтому с тобой так сложно говорить о тех временах. У меня там не было бойфренда, я не занималась искусством,

я вообще не была артистична. Эдакий дурик. Совершеннейший дурик — тренер команды по плаванию. Если бы думала, что тебе это все будет хоть сколько-нибудь интересно, я бы уже давно обо всем рассказала, и, вероятно, мы бы все еще встречались. Прошло три часа с тех пор, как я столкнулась с тобой в книжном магазине — и с твоей дамой в белом пальто. В сказочном белом пальто. Ты, очевидно, уже совершенно счастлив и удовлетворен, хоть мы и расстались всего две недели назад. У меня даже не было уверенности, что мы расстались, пока я не увидела тебя с ней. Ты мне показался невероятно далеким — как будто с другой стороны озера. Крошечная точка, такая маленькая, что и не старая, и не молодая, не мужчина и не женщина; просто улыбающаяся. По кому я скучаю? Сегодня? По Элизабет, Келде и Джек Джеку. Они умерли, в этом я уверена. Какое колоссально грустное чувство; я, наверное, самый грустный тренер по плаванию в истории человечества. Вся моя команда покинула меня.

Величество

Не из тех я людей, что интересуются британской королевской семьей. Я навещала чаты, набитые подобного рода персонажами, и все это люди с маленькими мирками, они не смотрят в будущее, их не волнует личный фронт; они слишком заняты мыслями о королевской семье чужой страны. Королевскими одеяниями, королевскими сплетнями, королевскими печальями, особенно печальями этой конкретной семьи. Мне же был интересен только мальчик. Старший. Одно время я даже не знала его имени. Если бы

кто-нибудь показал мне фотографию, я бы догадалась, кто это, но я точно не могла назвать его имя, или вес, или увлечения, или имена девиц, которые учились вместе с ним. Если бы существовала карта солнечной системы, но вместо звезд она показывала бы людей и степень их разобщенности, моя звезда была бы как раз той, с которой до его пришлось бы лететь максимум световых лет. Вы бы умерли, пытаясь добраться до него. Вы бы надеялись только на то, что внуки ваших внуков долетят до него. Но они не будут знать, что делать; они не будут знать, как его удержать. Да и он сам будет мертв; на его месте будет сын его праправнука, красивый, крепкий сын. Все его сыновья будут красивыми крепкими королевичами, а мои дочери будут женщинами среднего возраста, работницами местного некоммерческого сектора, возглавляющими районные группы оперативной готовности к землетрясениям. Мы происходим из длинных верениц людей, которым никогда не суждено встретиться.

Всю свою жизнь я видела один и тот же сон. Такие сны называют рекуррентными. Он всегда имеет одну и ту же развязку. За исключением 9 октября 2002 года. Тот сон начался так же, как и обычно, в стране, где очень низкое небо, и где все вынуждены ползать на четвереньках. Но на этот раз я осознала, что все вокруг заняты сексом — как следствие горизонтального положения. В бешенстве я пыталась разнять пары, но те оставались слипши-

мися, как спаривающиеся жуки. И тут вдруг я увидела его. Уилл. В сновидении я осознала, что он — знаменитость, но не понимала, кто именно. Я ужасно смутилась, поскольку знала, что он привык находиться в окружении симпатичных молодых девиц и, вероятно, никогда раньше не видел никого, кто бы выглядел, как я. Но постепенно до меня стало доходить, что он задрал подол моей юбки и тыкался носом мне между булок. И делал он это, потому что любил меня. И то был такой способ любить, о возможности которого я не подозревала. И тут я проснулась. Вот так я завершала все истории, которые рассказывала в школе: *и тут я проснулась*. Но это был не конец — когда я открыла глаза, мимо по улице проехала машина, и прогремела музыка, которую я обычно терпеть не могу и, по-хорошему, считаю, что ее надо объявить вне закона, но эта песня оказалась просто прекрасной — что-то типа: «Все, что мне нужно, — это чудо, все, что мне нужно, — это ты». Что в точности совпадало с ощущением, оставшимся после сна. Я выбралась из постели и, будто ища дополнительных доказательств, открыла «Сакраменто Би», и там, в разделе международных новостей, была статья про визит принца Чарльза в один из жилых кварталов Глазго — поездку, которую он предпринял вместе со своим сыном, принцем Уильямом Артуром Филиппом Луи. И там помещалась фотография. Он выглядел в точности так же, как в момент тыканья носом мне

между булок, — та же блондинистая уверенность в себе, тот же нос.

Я забила словосочетание «королевская семья» на сайте толкования сновидений, но такого в их базе данных не оказалось, тогда я набрала «зад», и вот что мне было явлено: *Видеть во сне собственный зад — значит сталкиваться со своими инстинктами и побуждениями.* Еще там говорилось, что *наблюдение во сне собственного зада неправильной формы предположительно означает недоразвитость или болезненные аспекты вашей психики.* Но задница у меня во сне была что надо, и это дало мне понять, что психика у меня развита, а первая часть трактовки говорила мне доверять собственным инстинктам, доверять собственной заднице, заднице, которая доверяла ему.

Весь тот день я носила свой сон, как полный стакан с водой, передвигаясь с изяществом, чтобы не расплескать ни капли. На мне была длинная юбка — как раз такая, какую он задрал, и я надела ее с новым сексуальным ощущением. Я влилась на рабочее место, я скользила по офисной кухне. Моя сестра зовет подобные юбки «дендл»*. В унижительном смысле слова. После обеда она заглянула ко мне в офис в «Бдения Землетрясения» — попользовать ксерокс. Она почти удивилась,

* От нем. Dirndl — юбка со сборками, традиционный сельский женский наряд некоторых швейцарских кантонов.

увидев меня там, будто мы наткнулись друг на друга в «Кинко»*. Задача «Бдений Землетрясения» — воспитывать в населении готовность к землетрясениям, а также оказывать помощь жертвам землетрясений по всему миру. Моя сестра любит шутить, что она практически жертва землетрясения — такой у нее в доме беспорядок.

— Как там эта штука называется? Дендл?

— Это юбка. Ты же знаешь, что юбка.

— Но не странно ли, что вот этот аккуратно сшитый, льстящий фигуре кусок ткани, который я ношу, тоже называется юбкой? Должна же быть какая-то разница?

— Не всем кажется, что коротко — значит возбуждающе.

— Возбуждающе? Ты сказала «возбуждающе»? Мы что, говорили о возбуждении? Боже мой, я прямо не верю, что ты это сказала. Ну-ка повтори еще раз.

— Что? Возбуждающе.

— Все, больше не говори. Уже перебор — это как будто ты сказала «ёб» или что-нибудь подобное.

— Ну, нет.

— Нет. Тебе не кажется, что ты уже ни разу больше не потрахнешься? Когда ты сказала, что Карл тебя бросил, это было первое, что пришло мне на ум: она уже никогда больше не трахнется.

---

* «Кинко» — сеть офисов быстрых копировальных и переплетных работ по всей Америке.

- Зачем ты так?
- А что? Мне застегнуться на все пуговицы, как ты? Тс-тс? Так здоровее, думаешь?
- Ничего я не застегнута на все пуговицы.
- Ну, я бы с удовольствием дернула с тобой во все тяжкие, но для этого мне нужны хоть какие-то доказательства этой твоей расстегнутости.
- У меня есть любовник!

Впрочем, этого я не сказала. Я не сказала, что любима, что достойна любви и нисколько не грязная — спросите принца Уильяма. В тот вечер я набросала список способов встретиться с ним в реальности:

Отправиться к нему в школу с лекцией о мерах безопасности во время землетрясений.

Прошвырнуться по барам недалеко от его школы и подкараулить его.

Способы не были взаимоисключающими. И тот и другой — вполне разумные пути познакомиться. Люди встречаются в барах каждый день, и часто у них бывает секс с теми, кого они встречаются в барах. Моя сестра делает так постоянно — ну, или по меньшей мере делала, когда училась в колледже. После она звонила мне и докладывала обо всех деталях прошедшей ночи, и не потому что мы были близки — вообще нет. А потому что с ней что-то не так.

Я бы даже назвала такое поведение изнасилованием, но поскольку она моя младшая сестра, должен быть какой-то иной термин. Она вся — через край. Вот и все, что я могу о ней сказать. Если край — это там, где я, то она — через него, нависая надо мной нагишом.

На следующее утро я проснулась в шесть и отправилась гулять. Зная, что никогда не буду худенькой, я все же решила поработать над повсеместной упругостью, которая бы воспринималась сносно, прикоснись он ко мне в темноте. Сбросив десяток фунтов, я буду готова к походу в тренажерный зал. А до тех пор буду ходить, ходить, ходить. Перемещаясь по округе, я заново распалила в себе воспоминания о сне, добившись такой пронзительной ясности, что почувствовала: того и гляди увижу его за поворотом. И как только его увижу, я сразу суну голову ему под рубашку и останусь там навсегда. Мне виделся солнечный свет, струящийся сквозь полосы на его пуловере; мой мир сделался маленьким и пах мужчиной. В таком положении я практически ослепла и не заметила женщину, пока та не оказалась у меня перед носом. На ней был желтый банный халат.

— Черт. Вы не видели, не пробежала ли здесь маленькая бурая собачка? Потэйтоу!

— Нет.

— Уверены? Потэйтоу! Он вот только что убежал. Потэйтоу!

— Я не обратила внимания.

— Ну, вы должны были его заметить.
Черт. Потэйтоу!

— Извините.

— Господи. Ладно, если увидите его, хватайте и тащите сюда. Маленькая бурая собачка, зовут Потэйтоу. Потэйтоу!

— Окей.

Я пошла дальше. Самое время сосредоточиться на нем. Планы первый и второй. Я уже бывала в других школах и вела дискуссии о мерах безопасности при землетрясениях, не впервой. В округе есть школа, Бакман Элементарн, и они каждый год приглашают пожарных, чтобы те объяснили как правильно замирать-падаться-кататься*, а во второй половине дня прихожу я и рассказываю о мерах безопасности при землетрясениях. К сожалению, мало что можно предпринять. Можно замереть, можно упасть, можно скакать и размахивать руками, но если это оно, Большое Землетрясение, лучше бы просто молиться. В прошлом году один мальчик спросил, почему меня можно считать экспертом, и я была с ним откровенна. Я сказала ему, что боюсь землетрясений больше, чем любой из моих знакомых. С детьми надо быть откровенным. Я описала ему свой рекуррентный кошмар удушения под завалами. Понимаешь, что значит «удушение»? Я продемонстрировала ему смысл слова, натужно дыша, с выпученными глазами,

* Простая инструкция для детей на случай возгорания одежды: stop, drop, and roll.

скрючившись на ковре и пытаюсь проскрестись к воздуху. Пока я приходила в себя после демонстрации, он положил мне руку на плечо и протянул мне листок дерева в форме акулы. Он показал мне и другие из своей коллекции, и все они были все-таки скорее листья, нежели акулы. Мой оказался наиакульейшим. Я отнесла его домой в кошельке; я положила его на кухонный стол; я поглядела на него, прежде чем отправиться спать. А потом, среди ночи, я встала и бросила его в корзину для мусора. В моей жизни просто нет места подобным вещам. Вопрос: а землетрясения-то у них там, в Англии, вообще есть? Если нет, то этот подход никуда не годится. Но если нет, то у меня есть дополнительная причина хотеть жить вместе с ним у него во дворце, а не уговаривать его переехать в мою квартиру.

И тут мимо пробежал Потэйтоу. Маленькая бурая собачка, точно как описала та женщина. Он пронесся мимо меня, будто опаздывал на самолет. Когда я осознала, что это был Потэйтоу, его и след простыл. Но вид у него был довольный, и я подумала: вот и правильно. Осуществи мечту, Потэйтоу.

Отставляем визит в школу. Отправляюсь в паб. Вот так называются у них там бары. Отправляюсь в паб. На мне будет юбка — как та, которую он задрал у меня во сне. Я увижу его там — с друзьями и телохранителями. Не заметит меня, весь будет светиться, каждый золотой волосок у него на руках будет

светиться. А я подойду к музыкальному автомату и заряджу «All I Need Is a Miracle». Это придаст мне уверенности в себе. Я присяду за стойкой, закажу выпить и начну толкать телегу. Телега — это такая история, которая склеивает людей вместе, как и положено телеге. Я соберу их вместе, людей у стойки. Там будет часть истории, в которой всем захочется поучаствовать, что-нибудь такое, что вынудит людей в определенный момент кричать хором. Я пока не думала над самой историей, но можно было бы вот так, например: «И я опять постучала в дверь и закричала: „Впусти меня! Впусти меня!“» — и все люди за стойкой повторяли бы за мной: «Впусти меня! Впусти меня!» Мало-помалу все люди вокруг начали бы повторять эти слова, и круг повторяющих бы рос и рос, по мере того как их тянуло к нам любопытство. Скоро Уильям начал бы гадать, что же там за кутерьма. И он подошел бы со смущенной улыбкой. Что теперь поделывают обыватели? И я бы видела его совсем рядом, совсем рядом со мной, рядом с каждой частью меня, но я бы не стала останавливаться, я бы все толкала свою телегу, и когда в следующий раз я постучу в дверь, он будет кричать вместе со всеми: «Впусти меня! Впусти меня!» И неким образом эта история, эта удивительная история, завербовавшая половину английской глубинки, концовкой будет иметь нечто, обращенное лично к Уильяму. Это будет новейший вид концовки, совсем не похожий на вариан-

ты вроде «кто-кто, дед пихто». Эта концовка притянет его ко мне, и он будет стоять передо мной со слезами на глазах и молить: «Впусти меня! Впусти!» А я прижму его громадную голову к своей груди, и, поскольку телега еще будет не совсем завершена, я скажу:

— Попроси мои груди, мои сорокашестилетние груди.

И он бы сдавленно кричал прямо в них: «Впусти меня! Впусти меня!»

— А теперь живот, попроси мой живот.

— Впусти меня! Впусти меня!

— Встань на колени, Твое Высочество, и попроси мою вагину, это уродливое чудовище.

— Впусти меня. Впусти меня. Впусти меня.

Солнце падало к горизонту с яростным, как доисторическое, свечением. Я была не только ослеплена, но и потеряна — или буд-то сама потеряла что-то. И вновь появилась она, та женщина в желтом банном халате. На сей раз она сидела в маленькой красной машине. Она так и не оделась, осталась при своем халате. И вопила «Потэйтоу» так отчаянно, что забывала высовывать голову из окна и кричала внутри машины, совершенно бессмысленно, как если бы Потэйтоу был внутри нее, как Бог. Крик ее из-под сводов гортани ошеломлял своей скорбью. Она потеряла кого-то любимого, она тревожилась за его безопасность, и все это происходило по-настоящему, прямо сейчас. И я оказалась

вовлечена, потому что видела Потэйтоу. Я подбежала к машине.

— Он побежал туда.

— Что?

— По Эффи-стрит.

— Почему вы его не остановили?

— Он бежал так быстро, что мне потребовалось время, чтобы понять, что это был он.

— Это был Потэйтоу.

— Да.

— Он был ранен?

— Нет, он выглядел счастливым.

— Счастливым? Да он был в ужасе!

После этих слов я подумала о том, с какой бешеной скоростью он несся, и поняла, что она была права. Он бежал в слепой панике, в ужасе. Филиппинский подросток подошел к машине и встал неподалеку, ровно так, как стоят зеваки рядом с местом какой-нибудь катастрофы. Мы не обращали на него внимания.

— Он побежал туда?

— Да, но это было как минимум десять минут назад.

— Черт!

Она стартовала с ревом, вниз по Эффи-стрит. Мальчик остался стоять, как будто мы были с ним вместе.

— Она потеряла собаку.

Он кивнул и огляделся по сторонам, словно собака могла быть где-то рядом.

— Какое вознаграждение?

— Не думаю, что оно уже назначено.

— Она должна дать вознаграждение.

Подобное заявление показалось мне грубым, но прежде чем я успела это сказать, вернулась красная машина. Она катилась теперь очень не спеша. Женщина опустила стекло, и я подошла ближе с убийственным чувством внутри. Она была в ночной рубашке. Желтый банный халат был свернут в гнездо на пассажирском сиденье, а в гнезде лежал Потэйтоу, мертвый. Я сказала, что мне ужасно жаль. Женщина ответила взглядом, который сообщил мне, что я несу за гибель песика личную ответственность, и что она не обменяется ни единым словом с профессиональной собакоубийцей. Я задумалась, сколько еще всякого проскочило мимо меня навстречу собственной гибели. Наверное, много чего. Может, это я проносила мимо них, как старуха с косой, возвещая тем самым о конце. Это многое бы объяснило.

Она уехала, и мы с мальчиком опять остались одни. Я находилась всего в паре кварталов от дома, но мне было трудно уйти. Я не понимала, о чем буду думать, когда снова начну двигаться. Уильям. Кто такой Уильям. Думать о нем сейчас было каким-то извращением, почти нелегальщиной. И утомительно. Вдруг показалось, что наши отношения вынесли горы на своих плечах. Она, наверное, сейчас хоронила собаку у себя в саду. Яглянула на мальчика; тот был полной противоположностью принцу. У него ничего не было за

душой. Когда моя сестрица училась в колледже, она таскала подобных мальчиков к себе домой. На следующее утро она звонила мне.

— Я видела его у него в штанах, он был, типа, полувставший, но уже стало понятно, что у него большой.

— Пожалуйста, перестань.

— Но когда он снял штаны, я чуть не обделалась, я ему такая: «Пожалуйста, миленький, срочно вгони мне эту штуку, скорее!»

— Так.

— И тогда он вытащил маленький черный шнурок или что-то типа того и завязал вокруг члена, а я ему такая «зачем это?» А он рассмеялся таким, знаешь, смехом, как маленький паршивый мальчишка. А я сама была в тех понтовых трусиках, которые только-только купила, на них молния спереди, и она идет прям до самого конца сзади. Но ему они, похоже, как-то не понравились, потому что он их с меня стянул и сказал, чтобы я все сделала сама. Ты когда-нибудь слышала, чтобы парень так говорил? «Делай сама»?

— Нет.

— Ну еще бы. Короче, я терлась об него и терлась, и вся стала супермокрая, и он все это размазал мне по лицу, и я вся просто схожу с ума от этого, и тут, представляешь, он обкончал мне все лицо. Еще до того, как его себе сунула. Представляешь?

— Да.

— Ну да, воображаю. Наверное, он просто слишком молоденький и просто никогда такой белой писечки не видел.

И тут сестра приостановилась, чтобы послушать мое дыхание в трубке. Ей было слышно, что я — все, кончила. И она говорила «пока», и я говорила «пока», и мы вешали трубки. Вот так оно между нами. И всегда так было. Она таким образом проявляла заботу обо мне. Если бы я могла потихоньку убить ее, чтобы никто не узнал, я бы так и сделала.

Я смотрела на мальчика. Он смотрел на меня, будто мы уже обо всем договорились. Если бы я продолжила стоять еще минуту, это выглядело бы как предложение. Я уже не могла уйти, ничего ему не предложив.

— Можешь помыть мою машину.

— Почему?

— За десятку?

— За десятку я вообще ничего не стану делать.

— Хорошо.

Я открыла кошелек и дала ему десять долларов, и он двинулся вдоль Эффи-стрит в сторону неизбежной смерти, а я отправилась домой. В рекуррентном сне все уже давно осыпалось и придавило меня. Я ползу, иногда днями напролет, под завалами. И пока ползу, я понимаю, что это оно, Большое З. Землетрясение, потрясшее весь мир и уничтожившее все на свете. Но это еще не самое страшное. Самое

страшное происходит как раз перед тем, как я просыпаюсь. Я ползу и вдруг вспоминаю, что землетрясение произошло годы тому назад. Эта боль и угасание стали нормой. Такая вот жизнь. На самом деле, доходит до меня, никакого землетрясения не было. Это жизнь вся такая — вся поломанная, и я схожу с ума на предмет увидеть во сне иное.

Человек на лестнице

Тихий звук, но он разбудил меня, потому что произведен был человеком. Я задержала дыхание, и он послышался снова, и опять: шаги на лестнице. Я попробовала прошептать: «Кто-то поднимается по лестнице», — но дыхание сорвалось, и я не смогла собрать фразу. Я сжала запястье Кевина, морзянкой, три раза, два, еще раз три. Я пыталась изобрести язык, который мог бы проникнуть в его сон. Но чуть погодя я осознала, что даже не сжимаю его запястье — я тискаю

воздух. Настолько я испугалась, что мяла воздух. А звук повторялся, человек поднимался по лестнице. Он двигался медленнейшим образом. Казалось, он располагает всем временем мира, господи, всем временем. Я вот никогда и ничего не делала так бережно. Это вообще проблема всей моей жизни — я несусь по ней, как будто за мной гонятся. Даже в том, что по сути своей есть медлительность — питье расслабляющего чая, к примеру. Когда пью расслабляющий чай, я всасываю его с такой скоростью, как будто на соревновании, кто быстрее выпьет расслабляющий чай. Или если я в горячем бассейне с другими людьми, и мы все смотрим на звезды, я первая заявлю, как же тут красиво. Чем скорее скажешь, как же тут красиво, тем быстрее добавишь, мол, что-то я перегрелся.

Человек на лестнице двигался так медленно, что я забывала об опасности на целые мгновения и почти соскальзывала обратно в сон, чтобы вновь проснуться от того, что он там переносит вес с одной ноги на другую. Я готовилась к смерти, и процесс, похоже, мог затянуться навечно. Я бросила попытки разбудить Кевина — побоялась, что он при пробуждении мог издать какой-нибудь звук, вроде: «Что?» или «Что, милая?». Человек на лестнице услышит это и поймет, в каком мы уязвимом положении. Он узнает, что мой бойфренд зовет меня «милая». Он даже, быть может, услышит легкое раздражение в голосе моего бойфрен-

да, его усталость от ссоры накануне. Мы оба представляем себе других людей, когда занимаемся сексом, но ему нравится рассказывать, кого именно он представляет, а мне — нет. С чего вдруг? Это мое личное дело. И я не виновата, что он кончает оттого, что ставит меня в известность. Он любит говорить это как раз за секунду до того как кончить — кот, притакивающий дохлую птичку в подарок. Я никогда не просила об этом.

Я не хотела, чтобы человек на лестнице узнал все это о нас. Но он узнает. В ту секунду, когда он включит свет и наставит на нас пистолет, или нож, или тяжелый камень, в ту секунду, когда он приставит пистолет к моей голове или нож к моему сердцу или занесет камень над моей грудью, он будет знать. Он увидит это в глазах моего бойфренда: делай с ней что хочешь, пощади меня. А в моих глазах он прочтет: а я так толком и не знала настоящей любви. Посочувствует ли он нам? Знает ли он, каково это? Многие знают. Все время чувствуешь, будто один в мире, будто все остальные с ума сходят друг по другу. Но это неправда. В основном люди друг друга очень не любят. И друзей это тоже касается. Иногда лежа в постели я думаю о том, на кого именно из моих друзей мне по-настоящему не наплевать, и все время прихожу к выводу, что ни на кого. Я когда-то думала, что это друзья на закуску, а настоящие появятся попозже. Нет. Это и есть мои настоящие друзья. Это люди с работой,

лежащей в сфере их интересов. Моя старейшая подруга, Мэрилин, обожает петь и возглавляет приемную комиссию в престижной музыкальной школе. Хорошая работа, но не настолько же хорошая, насколько простое открывание рта и пение. Ля. Я всегда думала, что буду дружить с профессиональным певцом. Джазовым певцом. Лучший друг — джазовый певец и лихой, но осторожный водитель. Есть и еще кое-что, что я себе нафантазировала. Я воображала друзей, которые бы меня обожали. Эти вот мои друзья считают меня занудой. Я представляю, как начала бы все заново и уничтожила бы тянувшийся за мной шлейф занудства. Кажется, я уже нащупала, в чем тут дело. Вот три ключевых пункта моего занудства:

Я никогда не перезваниваю.

Я ложная скромница.

У меня несоразмерное чувство вины по поводу предыдущих двух пунктов, что делает меня неприятной в компании.

Перезванивать и скромничать натуральнее было бы не так сложно, но применительно к этим друзьям слишком поздно. Они не в состоянии будут заметить, что я больше не зануда. Мне нужны свежие, новые люди, которые ассоциируют меня с весельем. И в этом кроется вторая моя проблема: я вечно не удовлетворена тем, что имею. Она, эта проблема, идет

рука об руку с первой — со спешкой. И, наверное, они — не столько рука об руку, сколько две руки одного зверя. Может, это мои руки, а я — зверь.

Я втюрилась в Кевина на тринадцать лет раньше, чем он, наконец, начал симпатизировать ответно. Сначала я не представляла для него интереса, потому что была ребенком. Мне было двенадцать, а ему двадцать пять. После того как мне исполнилось восемнадцать, прошло еще семь лет, прежде чем он начал воспринимать меня как по-настоящему взрослого человека, а не его ученицу. На наше первое свидание я надела платье, которое купила в семнадцать лет, специально для такого случая. Оно вышло из моды. По пути в ресторан мы остановились на бензоколонке. Я сидела в машине и смотрела, как мальчик из персонала протирает лобовое стекло, пока Кевин расплачивался за бензин. Мальчишка пользовался резиновой шваброй с деликатной точностью, которая заставляла думать, что эта работа не просто лежала в сфере его интересов — она была ровно тем, чего он всегда желал. Ля. Когда мы выезжали с бензоколонки, я глазела в идеально вымытое стекло на этого подростка и думала: вот с кем мне на самом деле следовало быть.

Мужчина на лестнице замирает на такой невообразимо долгий период времени, что мне становится почти любопытно, не возникли ли

у него там проблемы. Может, он инвалид или глубокий старик. А может, он просто очень устал. Может, он уже поубивал всех в квартале и теперь совершенно вымотан. В отдельные моменты мне почти видится, как он облокачивается на перила и всматривается в темноту. У меня тоже глаза открыты. Кевин спит, он сейчас очень далеко и всегда будет там. Тишина все длится и длится, и я начинаю подозревать, что его там, на лестнице, нет. Единственный звук — дыхание Кевина. А что если бы я провела остаток своих дней вот в этой кровати, слушая, как дышит Кевин? Но чу! Громкий и отчетливый скрип доносится с лестницы, и я вдруг ощущаю восторженное облегчение. Он правда там, на лестнице, и он все еще приближается в своем захватывающем дух медленном темпе. Если доживу до света дня, я никогда не забуду этот урок бережности. Этот человек охотился за мной осторожнее, чем я делала вообще что бы то ни было. Если бы я посвятила столько же времени слушанию Мэрилин, то что бы случилось? Может, она бы заобожала меня, а я бы зауважала ее, и мы обе стали бы профессиональными джазовыми певицами, ну, или хотя бы лихими, но осторожными водителями. Может быть. Может быть, человек на лестнице сел бы к нам в машину и, когда его пронял бы испуг от нашего бесшабашного вождения, я бы притянула его голову поближе к своим губам и прошептала бы: это безопаснее, чем ходить пешком.

Я отбросила одеяло и выбралась из постели. На мне была только футболка, штаны я надевать не стала, потому что кому какое дело. Может, он там тоже полуголый; может, он без головы и весь в крови. Я встала у выхода на лестничную клетку, на самой верхней ступеньке. Там было темнее, чем в спальне, и я почувствовала себя слепой. Я стояла и ждала, что либо умру, либо глаза успеют привыкнуть — смотря что случится раньше. Прежде чем что-нибудь разглядеть, я услышала звук его дыхания, он был прямо передо мной. Я подалась вперед, я чувствовала, как он дышит. Я унюхала его кислый запах. Все это нехорошо, он — нехороший, и намерения у него нехорошие. Я стояла, и он стоял. Он выдыхал горечь, которая заставляет женщин сомневаться во всем на свете, и я вдыхала ее, как всегда делала. Я выпускала пыль — порошок из всего на свете, что я уничтожила сомнением, — и он втягивал ее себе в легкие. Глаза привыкали понемногу, и я разглядела мужчину, обыкновенного мужчину, незнакомца. Мы смотрели друг на друга, и вдруг внезапно я ощутила ярость. «Уходи, — прошептала я. — Пошел вон, убирайся из моего дома».

По выезде с заправки мы поехали в ресторан, который, как думалось Кевину, мог мне понравиться. Но я все думала о мальчишке со шваброй и систематически делала все, что хотел Кевин, но с точностью до наоборот. Я не заказала ни десерта, ни вина, а только

маленький салатик, которым осталась недовольна. Но он не сдавался; он рассказывал анекдоты, дурацкие анекдоты, в машине по дороге ко мне домой. Я закалила себя против смеха; лучше умереть, чем рассмеяться. Я не смеялась, н е с м е я л а с ь. Но все равно умерла, у м е р л а.

Сестра

Много раз меня спрашивали разные люди, не желаю ли я познакомиться с их сестрами. Некоторые женщины никогда не выходят замуж и не устраивают суеты по поводу собственной внешности, и годы не проходят мимо них на цыпочках. И вот у таких женщин обычно бывают братья, а у братьев таких женщин — знакомые вроде меня: одинокие старики. У одиноких мужчин частенько бывают один-два крупных недостатка, но они таковы, что братья думают, будто их сестры смогут с ними ужиться. Пример: не

проходящая любовь к уже почившей супруге. Это не мой случай — я никогда никого не любил, ни живого, ни мертвого. Но вот это как раз яркий пример проблемы, имеющейся у мужчин вроде меня. И поэтому нас частенько знакомят с сестрами всяких людей. Сестры бывают любых возрастов; мне потребовалось некоторое время, чтобы это осознать. У меня нет братьев-сестер, но я помню, как мальчишки в школе обсуждали своих сестриц, и мне всегда казалось, что все сестры — определенного возраста, а именно — школьного. Хотелось ли мне познакомиться с этими сестрами? Поначалу меня ошеломил вид одной здоровенной старшей сестры. Но, понятное дело, теперь уж все они старые, даже самые красивые из сестер тех мальчишек, которых я знавал в школе. Такая уйма времени прошла с тех пор, как меня последний раз познакомили с молоденькой девочкой... Мужчины вроде меня, старые холостяки, менее всего подходят для знакомств с молоденькими девочками. И я могу объяснить, почему так обстоят дела, одним словом — изнасилование.

Почти все кошельки в мире делаются в одном месте — на «Диган Лэзер». Даже если к ним приделаны разные ярлыки, даже если на одних написано «Сделано в Шри-Ланке», а на других — «С гордостью сделано в США», все их пошили в Ричмонде, Калифорния, на «Дигане». Когда завершаешь свой двад-

цатый год непрерывного стажа на «Дигане», тебе устраивают вечеринку с гавайским пуншем, и ты получаешь право на бесплатные кошельки до конца своих дней. Мы с Виктором Цезарь-Санчесом вдвоем — единственные на данный момент люди, которым закатили подобные вечеринки. Мы с ним играем теперь в игру «что бы такого хорошего сотворить из неограниченного количества кошельков». Примеры: кожаный дом или даже кожаный аэроплан, который мог бы летать. Я не знал имени жены Виктора, пока та не умерла в прошлом году: Кэролайн. Наверное, она не была мексиканкой, как он; а я представлял ее все время именно как мексиканку. И понятия не имел, что у Виктора есть сестра, пока он не спросил, не желаю ли я с ней познакомиться. Ее зовут Бланка Цезарь-Санчес. И я опять совершил ошибку, представив ее подростком. Девушкой-подростком в белом платье. Свежие маленькие грудки. Да, конечно, я хотел познакомиться.

Он организовал наше знакомство с Бланкой на благотворительном вечере в пользу больных СПИДом. На этой вечеринке было много 20- и 30-летних, и я пытался угадать среди них Бланку или ее друзей. Я из кожи вон лез, чтобы как-то подстроиться под них. Там были и люди под сорок, пятьдесят, шестьдесят и даже семьдесят, и каждый из них тоже мог быть Бланкой, или родителями Бланки, или дедами Бланки или даже ее прадедами — если Бланка

была совсем ребенком. Вокруг носились дети, сестры своих братьев, которые могли быть Бланкой или внуками Бланки. Вечер шел своим чередом. Не раз я замечал Виктора, и он говорил мне, что только что видел ее, но она опять пропала из поля зрения. Потом он сказал, что вообще-то отправил ее к моему столу не более пятнадцати минут назад, чтобы она представилась сама. Видел ли я ее? Нет.

— Ну и как она тебе?

— Я ее не видел!

— Да? А мне показалось, ты сказал, что видел.

— Нет, я сказал, что нет. Я не видел.

— Вот досада. Кажется, она уехала. Она сказала, что ты ей понравился.

— Но мы так и не увиделись!

— Полегче! Ты о моей сестре говоришь.

Росту во мне шесть футов три дюйма. Весу сто восемьдесят фунтов. У меня седые редющие волосы. Я не спортсмен, но у меня от природы быстрый метаболизм, и оттого я худощав. Если не считать живота.

Бланка появлялась и исчезала из моей жизни в течение нескольких следующих недель, но ни разу не приблизилась настолько, что бы я мог ее увидеть. Я упустил встречу с ней столькими разными способами, что так или иначе стал узнавать ее. Я уже знал качества конкретно ее отсутствия. Я наряжался для этих okazji. Я носил костюм, который ни в какую не сидел в 70-х, зато теперь сел иде-

ально. Необычный такой костюм — светло-бежевый, почти белый. Нечасто встретишь такой цвет в больших количествах — и пиджак, и жилетка. Он стал моей униформой для встреч с Бланкой.

— Не было ли ее вчера вечером в «Тайни Бабл Лонж»?

— Была! Познакомились?

— Нет.

— Я ей говорил, что ты там иногда бываешь. Она теперь туда частенько заезжает.

— Хотел бы я уже наконец встретиться с ней.

— И она тоже.

— Виктор, пусть она уже появится. Она мне снится.

— И как она выглядит?

— Чистый ангел.

— Это Бланка. Она.

— Она блондинка?

— Нет, она темненькая, как я.

— Брюнетка.

— Ну, этого я не знаю.

— Ты только что сам сказал.

— Ага. Только мне не нравится, когда о моей сестре так говорят.

— Брюнетка? Нет тут ничего такого.

— Ну да. Только вся штука в том, как ты это сказал.

Брюнетка. Сказано мужчиной, который дробит двумя руками каждую ночь, — вот что

она со мной сделала. Я знал, когда она рядом, потому что дышать становилось тяжелее. Атмосфера вокруг менялась: ее запах обволакивал мне яйца, и я просто чуял, что она тут, и не мог прекратить думать о ней как о подростке. Несмотря на всю бессмысленность этого. Бар был полон дыма и мужиков, но я видел ее, за чьей-то спиной, недосыгаемую для глаз, в тесных джинсах и спортивных туфлях, жует жвачку, у нее проколоты уши, а волосы собраны назад какой-нибудь резинкой. Или ленточкой. И уши проколоты. Это я уже говорил. Ладно. Вот что мне виделось. Кто-то мог бы сказать, что такая девчонка не может быть готова к отношениям с мужчиной, особенно с мужчиной под семьдесят. На что я могу заявить: ничего-то мы не знаем. Мы не знаем, как лечить простуду или что там себе думают собаки. Мы делаем жуткие вещи, устраиваем войны, убиваем людей из жадности. И кто мы такие тогда, чтобы судить о том, каково оно — любить? Я не стал бы принуждать ее. Мне не пришлось бы. Она сама захотела бы меня. Мы бы любили друг друга. Много вы понимаете. Ничего вы не понимаете. Позвоните, когда найдете лекарство от СПИДа, наберите мой номер, вот тогда поговорим.

Она была нужна мне по многу раз на дню. Когда я гулял и когда ехал в автобусе на «Диган», когда двигался и когда пребывал в неподвижности. Когда проверял качество кошельков, и все они как один были безупречны,

до последней прокладки. День за днем ни единого брака, а только растущее напряжение, густеющий туман, который мог прорвать лишь пришитый задом наперед ремешок или отсутствующая пряжка. Кто-то может жить и так, не морщась при этом, не плача. А я плакал, Бланка! И под непривычно ярким и высоким солнцем, и под севшим за горизонт, особенно под севшим — глубоко, за холмы, и я тогда чувствовал, что нечто похожее, яркое, заходит во мне самом, и я звал: «Бланка!» Я взывал к собственному сердцу, словно она была внутри меня, как яйцо, пока еще не созревшее; без пяти минут бытие, как яйцо.

Я никогда вплотную не думал о Викторе, но теперь его персона стала меня будоражить. Потому что он — брат Бланки. И Виктор стал думать обо мне по-другому, почти как о члене семьи. Как будто мы с Бланкой уже были парой. Он пригласил меня на семейный ужин с Бланкой и их родителями. Встреча происходила в доме престарелых, и мистер и миссис Цезарь-Санчес оказались самыми старыми людьми, каких мне приходилось видеть живьем. Пища, которую они употребляли, была целиком внутривенной. А когда я спросил миссис Цезарь-Санчес, где ее дочь, она выглядела настолько озадаченной, что я оставил эту затею с расспросами. На стене висел портрет — не Бланки, а ее матери, когда та была молодой. У нее был взгляд Бланки: мол, иди же ко мне. Виктор разговаривал с родителями так, как

будто они его понимали, но я-то видел, что нет. Он подарил им по барсетке, в популярном стиле «Сохо», через плечо, из рифленой кожи. Не похоже было, что родители уже когда-нибудь встанут, а чересплечная барсетка предполагает ношение на ходу, стоя. Гуляя, живя, нуждаясь, заботясь, в стиле барсетки. Казалось, они давно уже были по ту сторону от всего этого, но наверняка сказать не могу — мои родители умерли до того, как я дожился до возраста, когда мог уже что-нибудь им подарить. Мы с Виктором ели китайскую жареную курицу, которую принесли с собой, а потом смотрели телешоу, в котором пары соревновались в ремонте собственных кухонь. Виктор потом отвез меня домой, и по дороге мы не разговаривали, потому что тут уж что скажешь? В восемьсот миллионов триллионный раз она не явилась.

Виктор на сей раз проявил сверхзаботу обо мне — он понимал, что отчасти это и его вина. Я ни разу не влюблялся, жил себе мирно, а теперь вот пребывал в распаленных чувствах. Я ушибался сам об себя, будто поселил в себе двух неуклюжих задир. Я хватал предметы слишком сильно; переворачивая страницы чего-нибудь, вырывал их с корнем, а иногда выпускал вещи из рук — тарелки, к примеру, — и бил их. Виктор присаживался ко мне за обедом всю неделю подряд и пытался увлечь меня совершенно неинтересными разговорами. В конце концов он пригласил меня

к себе — выпить в компании Бланки. И я понял, что вот оно наконец. Я дал обет их родителям — своим успокаивающим молчанием. Некоторым людям некомфортно молчать. Но не мне. Мне никогда не было особого дела до паролей и отзывов. Временами я подумываю, не сказать ли чего-нибудь, а потом спрашиваю себя: а оно того стоит? И оказывается, что нет. Я надел все то же самое, что и все те многие разы, когда думал, что встречу ее, — все бежевое, но на этот раз отнесся к своему внешнему виду еще внимательнее. Заправил рубашку в трусы, прежде чем натянуть брюки, а когда натянул — почувствовал, как они скользнули по волосам на ногах. Я замечал все, я был сплошное электричество.

Бланка, конечно же, опаздывала. Мы с Виктором посмеялись над этим, и я и впрямь смеялся, потому что теперь это стало по-настоящему забавным — как никогда раньше. Черт бы побрал эту девчонку! Знает ведь, как раздражить мужика. Мы с Виктором выпили за Бланку и ее опоздания. Я налил в ее бокал и опрокинул его за нее — за мою девочку! Мою малышку!

В полночь Виктор откашлялся и проговорил, что ему нужно кое-что мне сказать.

- Она не придет?
- Нет, придет.
- А, хорошо.
- Но у меня есть кое-какой план — по части тебя и Бланки.

- Какой?
- У меня есть «Э».
- Что?
- «Э».
- Что такое «Э»?
- Экстази.
- Уф.
- Пробовал?
- Нет. Я лучше по пиву.
- Тебе понравится.
- Я как-то дунул и потом в себя не мог прийти целый год.
- Тут все не так. Оно тебя расслабит и делает душкой.
- Не думаю, что я ей сдался расслабленным.
- Уж поверь мне, сдался. Я для нее прибе-
рег третью, когда она придет.
- Бланке эта фигня нравится?
- Конечно.
- Она что же... безумный без тормозов
подросток?
- Сам знаешь, что да.
- Боже, я подозревал, что она такая, но не
хотел спрашивать.
- Просто положи под язык, вот так.
- Окей. Ей семнадцать?
- Ага. А теперь давай послушаем музыку,
пока оно забирает.

Мы сели с Виктором на диван и стали слу-
шать Джонни Кэша. Или кого-то в том же духе.
Ковбоя, поющего свои ковбойские песни. Я ду-
мал о Бланке и чувствовал, что она уже близ-

ко. Я почти слышал звук ее шагов под окнами, как она взбегает по лестнице, как распахивает дверь. Я представлял это снова и снова, надеясь, что дверь распахнется как раз в тот момент, когда я это представляю в очередной раз, и мечта станет реальностью. Музыка и ковбой были частью всего этого. Воздух становился плотнее, будто я думал за пределами собственной головы. Мысли витали в воздухе, несясь верхом на песне, как на лошади. Я начал представлять Виктора ковбоем. И зачем-то сказал это вслух. Невзирая на свою нелюбовь к пароллям и отзовам. Я назвал пароль.

— Виктор.

— Да.

— Ты вроде как ковбой.

— Ага. Какой ковбой?

— Который поет ковбойскую песню.

— Точно, это я. Слышишь грусть в моем голосе?

— Слышу.

— По-моему, тебе больно не меньше моего.

— Да. Я так хочу ее увидеть, Виктор. Ты себе не представляешь.

— Я знаю.

— Ну хоть покажи мне ее фото, а? Пожалуйста.

— Ты же знаешь, что я не могу.

— Почему?

— Иди сюда.

Я сел рядом с Виктором и уже знал, что вот оно. Забрало. Он держал меня за руку, а

я гладил его, все сильнее и сильнее, и было хорошо. Но вот уже мы гладили друг друга целиком, во всю нашу гигантскую старческую длину. Как вдоль по яру. Я думал об орлах, которые наяривают друг другу, но потом вспомнил, что они не наяривают, они откладывают яйца. Оттолкнул его.

— А если Бланка войдет? Ты же ее брат.

— Давай снимем рубашки. Штаны можем оставить.

— Ты что, гей?

— Я же сказал: штаны можно оставить.

— Когда уже эта дрянь выдохнется? Если я воды попью, она перестанет быстрее?

— Ну пусть оно уже случится. Все хорошо. Будь что будет. Нет никакой Бланки.

Я три часа не мог ему поверить. Я сидел в спальне у Виктора, он — на диване, и мы ждали, пока нас отпустит. Я ждал Бланку. Когда отпустило, я вдруг понял, что он прав. Будто я был обдолбан все эти три месяца, а теперь протрезвел. Я вышел из спальни и сел на диван. Ощущение такое, будто ее убили.

— Прости.

— У тебя вообще когда-нибудь была сестра?

— Нет.

— Зачем ты водил меня к родителям?

— Я хотел, чтобы они с тобой познакомились, пока живы.

— А.

Казалось, воздух приумножился, и еще даже не думалось о том, что сказал Виктор, — так я был обеспокоен. Тем, что не смогу справиться со всем этим воздухом. Старался представить себя аппаратом искусственного дыхания. Говорил себе: от переизбытка воздуха не умирают, ты — аппарат искусственного дыхания, особым образом откалиброванный под изменяющийся объем воздуха в комнате.

Он промолвил:

- Расскажи мне о девушках.
- Каких девушек?
- Тебе же нравятся маленькие девочки.
- Нет, подростки.
- Где ты их находишь?
- Что? Да не делаю я ничего такого, только думаю.
- Это хорошо.
- Ага. Я бы не стал ничего такого делать.
- Даже с Бланкой?
- Ну, с Бланкой — да, но она — другая.
- Тебе что, не нравятся взрослые женщины?
- Ну, до сих пор нет. Пока нет.
- У тебя был секс с женщиной?
- Да.
- А с мужчиной?
- Нет.

И тут Виктор обнял меня, и меня замутило — и даже член у меня замутило тоже. Его лихорадило, ему было больно, и я потерял его.

Чтобы немного прояснилось в голове. И Виктор тоже его потер, со слезами на щеках и губах. А мне захотелось ударить его, пробить дыру насквозь, а потом заполнить эту дыру своим телом. И я сделал ровно это. Он плакал, как Бланка бы плакала, — как ребенок. Когда я кончил, то кончил на диван. Не хотелось кончать в него — из-за того, что сперма способна сделать с человеком, но он все слизал с дивана и потом поцеловал меня с языком, и поэтому все, что сперма способна сделать с человеком, она сделала со мной. Мы заснули. Мы спали сто лет. А потом мы проснулись, и все еще была ночь, и Виктор потянулся и включил лампу.

Вот они мы — два старика. Все казалось совершенно обыденным, слишком даже обыденным. По комнате летала муха, жужжанием своим говоря нам, что ничего удивительного в этих местах не произошло. Я начал думать о работе, о новых рабочих в прокладочном цехе. Надо бы не забыть сказать им о том, что на спаечном аппарате не хватает зажима. И я знал, что если сейчас что-нибудь подобное скажу, если произнесу слово «прокладочный», то все станет как ни в чем не бывало, во веки веков, аминь.

— Завтра надо бы поговорить с новичками.

— Да? А Альби разве не постажировал их в среду?

— Оно да, но эти, которые из...

Я собрался сказать «прокладочников». Слово «прокладочник» восставало из влаж-

ной темноты в глубине гортани; «пр» выдвигалось вперед с характерной гримасой, которая сопровождает звук «пр». Но именно в тот момент жужжавшая муха ринулась в сторону моего уха, и со звериной прытью, ожесточенной и бездумной, я дернулся в сторону и сбил торшер. Он разлетелся на больше частей, чем входило в его сборку, рассыпаясь и дробясь, будто был в двенадцать раз крупнее собственных размеров. И последним аккордом взорвалась лампочка, фейерверком, осыпавшимся тихонько, гася самое себя. Мы ничего не сказали, но внезапное восстановление темноты ощущалось как вопрошание, как вскинутые брови, как ожидание. Что бы я ни сделал, чтобы ни сказал, — ранит меня. Я не озвучил «прокладочников», но «пр» застряло у меня в горле, собирая голос воедино.

Я зарычал.

И Виктор повернулся ко мне, тут же, прижимая лицо к моей шее. И новая жизнь с легкостью настала — после рыка.

Этот человек

Некто вдруг ощущает себя взбудораженным. Некто дрожит от возбуждения, потому что того и гляди с этим человеком произойдет нечто потрясающее. Этот человек оделся соответственно случаю. Этот человек надеялся и мечтал, и вот оно случается наяву, и этот человек едва может поверить в происходящее. Но вопрос веры уже не стоит — время веры и фантазий истекло, — оно, то самое, происходит, по-настоящему. И требует сделать шаг вперед и склонить голову. Может быть, даже преклонить колени,

словно его посвящают в рыцари. Кто-то почти никогда не встает на колени. Но этот человек может на них встать и получить на каждое плечо прикосновение меча. Или даже так: этот человек будет в машине, или в магазине, или под клеенчатым зонтиком, когда произойдет оно. Или онлайн, или на телефоне. А может быть даже, оно придет в виде электронного письма с темой: «ге: ваше посвящение в рыцари». Или долгим, смешливым, сумбурным сообщением на автоответчике, в котором каждый человек, которого когда-либо знал этот человек, говорит по громкой связи, и все они вместе заявляют: «Ты прошел испытание, это была всего лишь проверка, мы пошутили; настоящая жизнь намного лучше того, что тут было». Этот человек смеется в голос, с облегчением, и проигрывает сообщение заново, чтобы записать адрес места, где каждый человек, которого этот человек когда-либо знал, дожидается этого человека, чтобы обнять и понести в самое лоно жизни. Все это восхитительно и не мечта, а самая настоящая явь. Все они ждут за столом для пикников в парке, мимо которого этот человек много раз проезжал. Они все там, все до единого. К скамейкам привязаны воздушные шары, а девушка, рядом с которой этот человек стоял на автобусной остановке, бросает серпантин. Все улыбаются. На мгновение этот человек готов ужаснуться от всего происходящего, но оно так типично для этого человека — впадать в депрессию даже в самый

счастливым день его жизни, и этот человек вскидывается и присоединяется к толпе.

Учителя по предметам, по которым этот человек никогда не успевал, целуют его и отрезаются от дисциплин, которые преподавали. Математички говорят, что математика — это такой забавный способ сказать «я вас люблю». Но теперь они ровно это и говорят — я вас люблю, — и химички, и тренеры по физкультуре говорят то же самое, и этот человек понимает, что именно это все они и имеют в виду. Что совершенно поразительно. Время от времени появляются отдельные козлы, и дураки, и уроды, но, судя по всему, они пережили пластическую операцию — потому что лица их искажены любовью. Красавцы-засранцы просты и милы, а уроды-козлы — очаровательны, они аккуратно складывают свитер этого человека и убирают в такое место, где он не испачкается. Самое замечательное, что каждый человек, которого этот человек когда-либо любил, — тоже здесь. Даже те, что ушли. Они держат этого человека за руки и говорят ему, как им было тяжело изображать бешенство и удаляться, чтобы никогда не вернуться. Этот человек с трудом верит в то, что слышит, но все кажется таким настоящим; сердце этого человека было разбито, а теперь — исцелено, и вот уже этот человек не знает, что и думать. Этот человек почти сходит с ума. Но все вокруг стараются его успокоить. Все вокруг объясняют, что такова была необходимость — узнать, насколько

ко этот человек силен духом. Ой, глядите-ка, а вот и доктор, прописавший этому человеку лекарство, от которого этот человек временно ослеп. А вот человек, заплативший этому человеку две тысячи долларов, чтобы переспать с ним, когда этот человек сидел без гроша. Оба человека тут и, похоже, знают друг друга. У обоих в руках маленькие медальки, которые они прищипливают на лацкан этому человеку. Это знаки великого почета и мужества. Знаки сверкают на солнце, и все аплодируют.

Но вдруг этот человек чувствует, что нужно проверить свой почтовый ящик. Старинная привычка, и даже если дальше все будет просто великолепно, этот человек все равно хочет получать письма. Этот человек говорит, что скоро вернется, и каждый человек, которого этот человек когда-либо знал, отвечает: «Давай-давай, не спеши». Этот человек садится в машину, едет на почту и открывает почтовый ящик, а в нем — ничего. Невзирая на то, что на дворе вторник — день, знаменитый своей почтовой плодovitостью. Этот человек ужасно разочарован. Этот человек садится в машину и, совершенно позабыв о пикнике, едет домой и проверяет сообщения на автоответчике, но и там пусто, только те, старые, пройденное испытание и жизнь, которая лучше. И никаких е-мэйлов — быть может, оттого, что все на пикнике. Но этот человек, похоже, не вернется на пикник. Этот человек осознает, что, оставаясь дома, он подводит всех, кого

когда-либо знал. Но желание остаться дома огромно. Этот человек хочет залечь в ванну, а потом, с книжкой, — в постель. В ванне этот человек гоняет мыльную пену и слушает, как лопаются миллионы пузырьков одновременно. Из чего получается один мягкий звук вместо множества крошечных. Грудь этого человека едва видна над водой. Этот человек нагребает пену и выкладывает на груди странные фигуры. Теперь уже всем должно быть очевидно, что этот человек не вернется на пикник. Все, как оказалось, заблуждались — этот человек не тот, кем, как всем думалось, он является. Этот человек уходит под воду и там болтает волосами, как морской анемон. Этот человек может находиться под водой впечатляюще долго — но только в ванне. Этот человек размышляет о том, не случатся ли когда-нибудь олимпийские состязания по задерживанию дыхания под водой в ванне. Если бы такие состязания произошли, этот человек наверняка бы их выиграл. Олимпийская медаль могла бы оправдать этого человека в глазах всех, кого этот человек когда-либо знал. Но такого состязания не существует, а значит, не будет и оправдания. Этот человек скорбит о том, что упустил возможность быть всеми любимым. Пока этот человек забирается в кровать, тяжесть трагедии давит на грудь. И это такая утешительная тяжесть, почти человеческая по весу. Этот человек вздыхает. Глаза этого человека начинают закрываться, этот человек спит.

То была романтика

— Вот этим мы и отличаемся от животных, — сказала она. — Но держите глаза открытыми, чтобы вам была видна ткань.

У каждой из нас была белая тряпочная салфетка на лице, и сквозь нее сиял свет. Под ней было даже ярче, будто салфетка отфильтровывала темноту, находившуюся в других углах зала — темные лучи, которые испускают вещи и люди. Инструктор, продолжая говорить, прохаживалась туда-сюда и была поэтому везде

одновременно. Ее лицо и ненатуральные кудри забыты; один только голос и белый свет, и вместе взятые две эти вещи походили на правду.

— Вам никогда не быть частью этого мира, — она теперь стояла довольно близко. — Люди создают свои собственные миры в маленьком пространстве прямо рядом со своим лицом, — теперь она была на противоположном конце зала.

— Почему, как вы думаете, мы единственные животные, которые целуются? — она опять была рядом. — Потому что область в непосредственной близости от лица — самая интимная наша зона, — она перевела дух. — И вот поэтому люди — единственные романтические животные!

Мы вели себя тихо и молча размышляли, каждая под своей салфеткой. Откуда она это знает? А собаки? Разве собаки не чувствуют все то же самое, что и мы, только помноженное на сто? Но мы не могли видеть друг друга, чтобы сплести цепь сомнения между каждой парой глаз. А ее голос излучал жизнерадостную уверенность, и, веря ему, можно было чувствовать себя просто и свободно. Зачем отделять палец, когда можно просто считать его частью руки? Ведь он и *есть* рука! Конечно! Пальцы и руки суть одно, а любые различия подобны оковам. Я вижу свет, он льется сквозь салфетку.

Малюсенький мир перед моим носом — иллюзия, и романтическая увлеченность — тоже иллюзия!

Мы все порывисто вздохнули. Но с отставанием: медленная мы группа.

Даже самую раздачу салфеток оказалось сложно организовать. В конце концов остановились на том, что каждый берет по одной и передает остальное дальше.

— Романтика не есть настоящее, так же, как ваш мирок под салфеткой. Но, поскольку вы — люди, вам никогда не снять салфетки. Так что проще научиться быть настолько романтической женщиной, насколько вы в принципе способны. Вот что люди могут сотворить: романтику. А теперь можете снять салфетку.

Мы все чувствовали, что у нас это может не получиться, потому что мы — люди, но она за просто снялась, и зал показался темнее, чем раньше. Я надеялась, что теперь-то мы будем другим видом животных, таким, который может быть частью этого мира. Но салфетка служила всего лишь метафорой, а мы — всё те же сорок женщин, собравшихся утром в субботу, чтобы стать романтичнее. У одной из нас салфетка все еще лежала на лице, она, вероятно, заснула.

Мы трудились на славу, потому что желали получить результат. Мы зеркалили друг друга, вдыхали «нет» и выдыхали «да». Мы обхватывали лодыжки руками и представляли, что это чьи-то чужие лодыжки, и потом пытались бежать и представляли, что это кто-то другой пытается бежать, кто-то, кого мы любили, пытаются удрать, и мы держали себя за лодыжки,

и вдыхали «нет», и выдыхали «да», и отпускали лодыжки, и снова бежали, по всему залу, сорок женщин. А потом мы вернулись в круг и говорили о феромонах и прочих туманностях.

— Помните, необязательно делать романтическим весь мир, даже всю свою спальню не надо. Только небольшое пространство непосредственно перед лицом. Вполне себе управляемая территория, даже работающие женщины не станут возражать. Потому что когда он смотрит на вас (или она — романтика не терпит предубежденностей!), он вынужден смотреть сквозь воздух перед вашим лицом. Замусорено ли это пространство? Или цветет и пахнет? Затянута дымкой? Подумайте над этими вопросами во время перерыва на обед.

Мы жевали сэндвичи и смотрели друг на друга сквозь воздух перед нашими лицами. Он выглядел прозрачным, но может, он таким не был. Мы усиленно думали об этом, пока пили минералку, предоставленную организаторами. Потому что это могло все изменить.

Я поднялась со своего места и стояла теперь одна в коридоре, прижавшись лицом к стене. Она была отделана деревом и пахла мочой, как и многие другие вещи. Романтика. Моя квартира. Романтика. Моя «хонда». Романтика. Состояние моей кожи. Романтика. Моя работа.

Я повернула голову и прижалась к стене другой щекой. Звонок уже призывал нас всех в зал на завершающую сессию.

Романтика. Полное отсутствие у меня друзей, которые бы разделяли мои интересы. Романтика. Душа. Романтика. Жизнь на других планетах. Романтика. Я вглядывалась в глубь коридора. Там кто-то был. Это Тереза, с которой мы были в паре, когда делали «зеркало-дыхание». Мы синхронизировали наши дыхания, а затем их синкопировали, а потом обсуждали, какой вариант романтичнее. Правильный ответ был «синкопированный». Я двинулась по коридору и увидела, что Тереза сидит на полу рядом со стулом. А это всегда дурной знак. Скользящая дорожка: лучше сидеть на стульях, есть, когда голодный, спать, просыпаться и работать. Но с кем такого не бывало: стулья, они для людей, а тут ты не вполне уверен, что ты из них. Я погладила ее по спине, потом перестала, подумав, что, быть может, это слишком фамильярно, но ничего не делать — значит проявить холодность, и я похлопала ее по плечу, и это означало, что я прикасаюсь к ней одну треть всего времени. Другие две трети моя ладонь либо двигалась навстречу ее плечу, либо удалялась от него. Чем дольше я похлопывала, тем труднее оно становилось — я слишком сосредоточилась на интервалах между похлопываниями и никак не могла найти естественный ритм. Ощущала, что бью в барабанчик, и как только я это почувствовала, мне пришлось выбить эдакое ча-ча-ча, и Тереза расплакалась. Я прекратила похлопывание и обняла ее, а она обняла меня в ответ. Все, что

я сделала, было, видимо, настолько чудовищно, что вывело Терезину печаль на следующий уровень, и я к ней там присоединилась. То было место переполняющей обоюдной грусти, и мы рыдали вместе. Мы чувствовали запахи наших шампуней и стиральных порошков, которыми пользуемся, и я унюхала, что она сама не курит, но кто-то, кого она любила, — да, а она чувствовала, что я полновата, но не генетически предрасположена к этому, не перманентно толстая, а до тех пор, пока снова не найду свою дорогу. Молнии на наших джинсах прижались друг к другу, а груди обменялись своими печальными историями, байками об избыточном и недоиспользовании, о потопах, о голоде, о «да ладно, уходи». Мы промачивали друг другу блузки и выталкивали наш плач вперед себя, как фонарь, в поисках новых и забытых скорбей, тех, что вежливо почтили много лет назад, но, как выяснилось, не до конца и, чуть политые, вернулись к жизни. Мы любили людей, которых, правда, не стоило любить, а потом выходили замуж за других людей, чтобы как-то забыть те свои невозможные любви, или, однажды крикнув в котел этого мира «привет», удирали прежде, чем кто-либо успевал нам ответить.

Вечно убегая и вечно желая вернуться назад, но вечно оказываясь все дальше и дальше, пока наконец все это не превращалось в сцену из фильма, где девица кричит «привет» в котел этого мира, а ты — женщина, которая смотрит

это кино вместе с мужем, на диване, и ноги его покоятся у тебя на коленях, а тебе нужно в туалет. И вот об этом, в общем и целом, мы плакали. Но самая главная причина наших слез состояла в том, что нам надо было промочить воздух перед нашими лицами. Вот это была романтика. Не в смысле влюбленности, а в смысле общего теперь воздуха между нашими парами глаз, плеч, грудей, животов и бедер. Стольким воздухом можно было поделиться. Мало-помалу плач стал утихать, а потом и вовсе прекратился, и после долгой неподвижной паузы — прощай — мы разошлись. А потом накатила эйфория, теплый ветер с Гавайев, высушивая слезы, расчищая путь назад, в материальный мир. Хорошо было сидеть рядом со стулом. Мы подержались за руки и посмеялись с поддельным смущением, которое постепенно набрало силу и стало настоящим.

Мы встали, и Тереза энергично отряхнула зад, будто только что упала. Мы прошли по коридору в зал как раз вовремя, чтобы помочь собрать стулья. Системы сбора стульев нам не предложили, и мы случайным образом понаделали много башен, которые оказались слишком тяжелыми для складывания в общие башни. Башни разной высоты стояли порознь там и сям. Мы взяли сумки и пошли к машинам.

Что-то такое, чему ничего не надо

В идеальном мире мы были бы сиротами. Мы чувствовали себя сиротами, ощущали, что заслуживаем жалости, которой удостаиваются сироты, но, вот незадача, у нас были родители. У меня — аж двое. Они бы меня ни за что не отпустили, поэтому я не прощальась; собрала крохотную сумочку и оставила записку. По дороге к Пип я обналичила чеки, подаренные мне к выпускному. После чего уселась

на крыльце ее дома и представила, что мне двенадцать, пятнадцать или даже шестнадцать. В каждом возрасте я мечтала об этом самом дне; я даже представляла, как усядусь тут и в последний раз дождусь Пип. У нее была обратная проблема: ее мама готова была ее отпустить. У ее мамы были гигантские распущенные ноги — симптом чего-то куда более серьезного, и она непрерывно пользовала себя прописанной врачом марихуаной.

— Мы уезжаем, мам.

— Куда?

— В Портленд.

— Можешь сначала одно дело сделать? Покажи мне вон тот журнал.

У Пип в Портленде жила бабушка, но у нее мы остановились только в первую ночь. Нам не терпелось зажить жизнью людей, у которых нет рядом никого из своих. Снять квартиру оказалось просто, поскольку никаких требований к ней у нас не было; нас изумляло уже то, что вот она — *наша* дверь, *наш* истлевший палас, *наша* обсиженность тараканами. Мы украсили пространство серпантином и китайскими фонариками и расположились вдвоем на одной допотопной кровати, которая шла в комплекте с нашей студией. И все это было восхитительно — для одной из нас. Одна из нас всегда была влюблена в другую. Одна из нас жила в вечном желании другой. Но мы познакомились, когда были еще детьми и, по-

хоже, оказались обречены спать как дети или как престарелые супруги, встретившиеся еще до сексуальной революции и слишком застенчивые, чтобы осваивать новый стиль жизни.

Мы жаждали найти работу; куда бы ни приходили, мы везде заполняли анкеты. Но стоило нам наняться — в качестве полировщиц мебели, — и мы были ошарашены: неужели вот этим можно заниматься целыми днями? Все, что, по нашим представлениям, составляло этот мир, оказалось результатом чьей-то работы. Каждая полоска на тротуаре, каждый крекер. И у каждого был свой истлевший палас и дверь, за которые надо было платить. Мы уволились в полной оторопи. Должен же быть куда более достойный способ устраивать жизнь. Просматривая объявления о работе, я отвлеклась на изучение типографской краски на странице. Я размышляла о том, местного ли они производства, и могла бы я быть тем человеком, который их производит, и станут ли мне давать за это типографскую краску бесплатно, и что я могла бы с ней делать, с краской — может, учредить свою собственную газету, — и что бы я стала туда писать — наверное, рассказы. Снова и снова мы приходили к одному и тому же выводу: работа — это самый окольный путь к свободе, к которой мы так стремились. Нам требовалось время, чтобы разобраться в себе, чтобы предложить теорию, кто мы есть на самом деле, и положить все это на музыку.

Идея принадлежала Пип. Три недели подряд мы писали, переписывали и перепосылали объявление в местную газету. Наконец наше предложение перестало выглядеть как вопиющая проституция, и тем не менее — для соответствующего читателя — двух прочтений быть не могло. «Портленд Уикли» приняла объявление. Наши клиенты — состоятельные женщины, тяготеющие к женщинам. Существовало ли такое вообще? Еще это могла бы быть дама среднего достатка с некоторыми сбережениями.

Объявление мы дали на месяц, и наш автоответчик разбух от проявленного интереса. Ежедневно мы продирались через сотни мужских сообщений в поисках той одной особой дамы, которая бы оплатила наши расходы на жилье. А она не торопилась появиться. Она, быть может, даже и не читала этот раздел бесплатной газетки. Мы начали входить в раж. Мы знали, что это единственный способ зарабатывать деньги, не идя на компромисс с самими собой. Могли ли мы платить мистеру Хильдебранду, хозяину квартиры, продуктовыми талонами. Не могли. А не заинтересовал бы его старинный фотоаппарат, который Пип одолжила у бабушки? Не заинтересовал бы. Он желал, чтобы ему платили традиционным способом. Мы устроили заседание и единогласно решили выбрать мужчину. Мы никому не скажем. Даже самим себе. Мы все время будем держать глаза закрытыми и представлять Элли

Шиди*, и как она подводит черным контурным карандашом веки. Пип принялась мрачно перебирать сообщения в поисках деликатного мужчины, мужчины, которому хотелось всего лишь поглядеть, как мы скачем вокруг него в исподнем. Я наблюдала за мальчишески сосредоточенным лицом Пип, и тут до меня дошло: Пип — в ужасе. Я подумала об ее маленькой попке, которая так напоминала сдобу, и о теплом хитросплетенном мире ее промежути. Кто защитит все это, если не я? Я прикусила язык и молилась: сударыня, я знаю, что вы есть. Пожалуйста, позвоните нам, и мы сделаем вам хорошо. Пип записала некий номер телефона.

— Кто он? Приятный по голосу?

— Это женщина.

Автобус довез нас до начала гравийной дорожки, которую Лесли описала по телефону. Мы сказали ей, что нас зовут Астрид и Таллула, и надеялись, что Лесли — это тоже псевдоним. Нам хотелось, чтобы на ней был атласный пиджак или боа. Мы надеялись, что она знакома с творчеством Анаис Нин. А еще мы надеялись, что она все-таки не такая, какой показалась по телефону. Не бедная, не старая, не желающая платить просто за общество любых людей, готовых добраться до Нехалема с населением в двести десять человек. Мы с Пип прошагали

* Американская актриса, в 80-х гг. — звезда молодежных сериалов.

по гравийной тропке до маленького бурого домика. Здесь явно готовили плохую еду — мы сразу это унюхали. И тут на крыльцо вышла женщина, она хмурилась. Ее возраст был трудноопределим с нашей точки обзора, с позиции наших лет, не позволявших корректно оценивать тела старше наших. Она, вероятно, была в летах старшей сестры моей матери. Как и тетя Линн, она была облачена в ярко-синие рейтузы и просторную, застегнутую на все пуговицы рубашку с чем-то вроде аппликации. Мой мозг наполнился нервическим страхом, словно воздушный шарик. Я взглянула на Пип и на мгновение ощутила, что та не представляет для меня ничего особенного, если посмотреть в масштабе всей жизни. Просто какая-то девчонка, привязавшая меня к ноге, чтобы уж точно утонуть, спрыгнув с моста. А потом я сморгнула и снова оказалась влюблена в нее.

Она машет рукой, и мы машем. Мы машем, пока не подходим достаточно близко, чтобы поздороваться, и тогда здороваемся. Теперь мы настолько рядом, что могли бы обняться, но не обнимаемся. Она говорит: «Входите», — а внутри темно и бездетно. Конечно же, бездетно. Пип просит деньги вперед — мы так договорились заранее. Это ужасно — вообще просить о чем-либо. Хотелось бы нам быть чем-то таким, чему ничего не надо, вроде краски. Но даже краску приходится время от времени покрывать слоем свежей. А еще мы

решили не пользоваться никакими приспособлениями, потому что ничего такого у нас не было. Все подобные штуки нас смущают. А уж теперь, когда мы здесь, нам, похоже, не помогут ни специальные приборы, ни жидкости. Лесли говорит, что мы младше, чем она ожидала, и приглашает присесть. Мы устраиваемся на старом клеенчатом диване, а она выходит из комнаты. Жуткая комната, заваленная кучами журналов и заставленная мебелью, вероятно, мотельного происхождения. Мы не смотрим друг на друга и ни на что, дающее отражение. Я разглядываю собственные коленки.

Довольно долго мы не знаем, где она, но вот потихоньку я начинаю чувствовать, что она стоит прямо позади нас. Я осознаю это как раз перед тем, как ее пальцы с длинными ногтями забираются мне в волосы. Поначалу она не показалась мне сексуально заинтересованной, но теперь мне ясно, что ничегошеньки-то я не понимаю. Все началось, и с каждой секундой мы все ближе к концу. Я говорю себе, что длинные ногти эквивалентны состоятельности; мысль о богатстве всегда действует на меня успокаивающе.

Я воображаю, что вдыхаю аромат духов. Предположим, что все мы тут пользуемся дорогим шампунем. Предположим, что все это — шутка, и не о чем беспокоиться. Мозги мои расслабляются, и я делаю упражнение, в котором представляешь, что превращаешься в мед. Ум затормаживается до той скорости,

на которой он не может функционировать ни в каких других обстоятельствах. Я жива лишь каждую четвертую секунду, фиксирую всего пятнадцать минут из целого часа. Вижу: она стоит перед нами в стрингах, и они не слишком чистые, — и умираю. Вижу: Пип снимает с нее туфли, — и умираю. Вижу: я сжимаю сосок, — и умираю.

За всю долгую дорогу домой ни одна из нас не промолвила ни слова. Как воздушные змеи, рвущиеся в разные стороны, но удерживаемые одной рукой. Заработанные нами деньги находились в той же руке. Рядом с домом Пип остановилась купить пакет чипсов, и теперь у нас было на 1,99\$ меньше, чем сумма арендной платы. Теперь нам казалось очевидным, что надо было брать больше. Мы постучали, прежде чем открыть дверь в квартиру: наш сигнал тараканам, что мы собираемся войти. Большинство из них попряталось — если не считать стариков и неопытную молодежь, бродивших по дому триллионами. Пип положила деньги в конверт и надписала: «Мистеру Хильдербранду». Я и она, мы стояли порознь, измочаленные, пахнущие Лесли. Мне хотелось обняться, но это не входило в категорию совместно практикуемых нами жестов.

— Ну, вот что. Я иду в душ.

Я сказала это слишком громко, и реплика прозвучала как приглашение. Мы отвернулись друг от друга и занялись затягиванием

крошечных пут нашей общей гадливости. В ванной я решила, что все, что мне нужно, это полуванна: выключила воду, когда та добралась до щиколоток. Но прежде чем сесть в ванну, я услышала, как закрылась входная дверь; она ушла. Она изредка делала это. В моменты, когда другие пары ругались бы или уединялись, она бросала меня. Стоя одной ногой в ванне, я ждала ее возвращения. Я прождала нелогично долго, этого времени было достаточно, чтобы осознать: она, по всей видимости, отправилась к бабушке. Она не вернется этим вечером. Но что если я дождусь, если простою голая до ее возвращения? И тогда, как только она ступит на порог, я завершу начатое движение, усаживаясь в тогда уже холодную воду. И это не был просто лирический порыв: я уже проделывала подобные странные штуки. Я часами могла прятаться под машинами, ожидая, когда меня найдут. Я писала одно и то же слово семь тысяч раз, пытаюсь алхимизировать время. Я исследовала свое положение по отношению к ванне. Ступня, находившаяся в воде, уже успела наморщиться. Каково мне будет когда наступит ночь? А если она вернется, то сколько пройдет времени прежде чем она заглянет в ванную? Вспомнит ли она, что я собиралась принять ванну, когда она ушла, поймет ли, что время в тот момент остановилось? И даже если поймет, что я совершила этот немыслимый подвиг ради нее, что тог-

да? Она никогда не была ни благодарной, ни милосердной.

Я быстренько помылась, и все движения мои были преувеличенны — чтобы разогнать сковавший меня паралич.

Я ходила взад-вперед по нашей крошечной комнатке. Мне даже в голову не приходило выйти на улицу — я не представляла себе, как обходиться с городом без нее. И только одного я не могла делать, когда она была рядом, и некоторое время спустя я улеглась на диван и сделала это. Я закрыла глаза. Во всех порядком затасканных воспоминаниях, нам было лет по шесть — восемь. Мы лежали под одеялом на раскладушке ее матери, или на верхней полке моей двухъярусной кровати, или в палатке у нее во дворе. Каждая из этих мизансцен имела свои преимущества; мне памятливы были все их опасные моменты и запахи. Независимо от того, где именно мы расположились, все начиналось с шепота Пип: «Давай спариваться». Она забиралась на меня, мы сцепляли руки — каждая за спиной у другой. Мы терлись бедрами, пытаясь подобрать точный ритм. И оно накатывало как головокружение, только по всему телу.

Но как раз перед тем как оно почти случилось, я уловила пощелкивающий шумок. Он был отвлекающе близким, негромко настырным. Я встала с дивана и медленно оглядела комнату. Никакого движения. А потом я взглянула вверх. Над моей головой пять

подсвеченных нами китайских бумажных фонариков слегка подрагивали, каждый сам по себе. Я знала, что это может быть, но не успела поймать себя за руку, потянувшуюся к фонарику. Я тряхнула его, и из дырки в нижней его части потоком хлынули тараканы. Они продолжали взбираться друг на друга, даже когда падали. Упорно, желая выжить, пролетая друг мимо друга. Они планировали экспансию места приземления еще до того, как падение завершится. А упав на пол, они не умирали — даже не думали об этом. Они удирали.

Когда Пип наконец вернулась домой, мы решили, что затея с Лесли не стоила того. Но несколько дней спустя мы увидели Настасью Кински в фильме «Париж, Техас». На ней был восхитительный наряд медсестры, и она работала в пип-шоу. Мне подумалось, что это довольно легкая работа — если не являлся Гарри Дин Стентон, но Пип не согласилась.

— Ни за что не стану я этого делать.

— Я могу заняться этим сама.

Это разозлило ее до такой степени, что она помыла посуду. Мы сроду этого не делали, кроме тех случаев, когда хотели произвести впечатление широким жестом или продемонстрировать самоуничтожение. Я стояла в дверном проеме и пыталась как-то поддерживать свою половину нашего общего молчания, наблюдая, как она отскребает окаменевшие макароны. По правде сказать, я еще не научи-

лась ненавидеть кого бы то ни было, кроме собственных родителей. Я стояла совершенно влюбленная. А на самом деле даже не стояла: если бы она вдруг ушла, я бы упала. Но этого я еще не знала.

— Я не буду, фиг с ним, — сказала я скороговоркой.

— Ты, похоже, разочарована, — и она воткнула ложку в запекшуюся на дне кастрюли массу.

— Нет.

— Да ничего. Я знаю, тебе хочется, чтобы они на тебя смотрели.

— Кто?

— Мужчины.

— Нет, не хочется.

— Если ты это сделаешь, я не смогу больше быть с тобой.

Вот это было, в каком-то смысле, самое романтическое из того, что она когда-либо говорила мне. Оно подразумевало, что мы жили вместе не потому, что выросли вместе, и не потому, что больше никого вокруг не знали, а из-за чего-то еще. Потому что мы обе не хотели, чтобы на меня пялились мужчины. Я сказала ей, что никогда не буду работать в пип-шоу, в ответ на что она бросила мыть посуду, что, в свою очередь, означало, что с ней все опять было в порядке. Зато не все было в порядке со мной. За последние десять лет мы прикасались друг к другу всего трижды, не считая всей этой истории с Лесли. Кажется, мы перестали

спариваться в тот день, когда узнали, что такое «трахаться». Вот те самые три раза:

Когда ей было одиннадцать, ее дядя пытался соблазнить ее. Она рассказала мне об этом, а я разревелась, и она залепила мне в подбородок, и я свернулась в клубок минут на сорок, пока она меня не развернула. Я не открывала глаза, когда она отрывала мои колени от груди, и чувствовала, что она смотрит на мое тело, и знала, что, если не открою глаза и дальше, все случится — и оно случилось. Она скользнула рукой мне в трусики и нащарила местечко, зная, где такое же находится у нее самой. Она потрясла пальцем — грубо, по-звериному — и давно знакомая волна снова накрыла меня. Когда все закончилось, она велела мне никому не говорить, и я не поняла, имела ли она в виду то, что произошло между нами, или с ее дядей. Я пообещала, что не скажу.

Когда нам было по четырнадцать, мы впервые напились, и где-то минут на девять все почудилось возможным, и мы поцеловались. Подобное излияние чувств казалось многообещающе нормальным, и в следующие дни я ждала продолжения поцелуев, а быть может, и чего-нибудь вроде обмена кольцами, или романтическими медальонами, или даже свадебных нарядов. Но мы так ничем и не обменялись, каждая осталась при своих вещах.

В последнем классе школы у меня вдруг завелась еще одна подруга. Нормальная девчонка, и звали ее Тэмми, и ей нравились «The

Smiths». Я бы никогда не смогла влюбиться в нее, потому что она была такой же никчемной, как и я сама. Каждый день она рассказывала мне обо всем, что ей думалось, и мне казалось, что ровно этим занимаются все девчонки, когда вместе. Я тоже ужасно хотела поговорить о себе, но не знала с чего начать. Она всегда намного обгоняла меня в сиюминутности стихоплетства навеждавших ее мечтаний. Посему я просто болталась поблизости от нее, вяло подражая Пип. Пип же почти не думала о Тэмми, но была слегка заинтригована обычностью нашей дружбы.

— Вы вообще чем занимаетесь-то?

— Ничем. Слушаем кассеты, типа такого.

— И все?

— В прошлые выходные пекли печенье с арахисовым маслом.

— М-м. Прикольно.

— Это сарказм?

— Нет. Правда.

Когда я в следующий раз отправилась к Тэмми домой, она увязалась со мной. Это заставило меня слегка понервничать, поскольку у Тэмми дома вечно были родители. Обычно родители не понимали, как обращаться с Пип, поскольку та выглядела куда более мальчиково, нежели девчонково, что неким образом заставляло матерей флиртовать, а отцов — ощущать невнятную жутенькую угрозу. Но родители Тэмми смотрели кино и просто помахали рукой, не отрываясь от телевизора, когда мы

вошли. Как и было предсказано, мы слушали музыку. Пип спросила, будем ли мы печь печенье с арахисовым маслом, но Тэмми сказала, что у нее нет нужных ингредиентов. После чего плюхнулась на кровать и спросила, мол, мы, что ли, типа друг другу девушки? В комнате повисла ошарашенная тишина. Я уставилась в окно и принялась про себя повторять слово «окно» и готова была оконно окнить окно до бесконечности, но тут вдруг Пип ответила:

— Ага.

— Круто. А у меня двоюродная сестра — лесбиянка.

Тэмми сказала нам, что у нее в комнате мы в полной безопасности, и нам не нужно притворяться, после чего показала нам флуоресцентную розовую наклейку, которую ей прислала сестра. Наклейка гласила: «Fuck your Gender»*. Мы втроем молча глядели на стикер, проникаясь двусмысленностью написанного. Как минимум двусмысленностью, а может, и более-смысленностью. Тэмми будто ждала чего-то — что мы с Пип послушно кинемся друг на друга, стоит нам только прочесть директиву на наклейке. Я понимала, какое разочарование для нее, что мы робко сидим на кровати. Пип, видимо, тоже это почувствовала, потому что резко приобняла меня за плечи. Такого раньше никогда не случалось, и я, естественно, застыла. А потом потихоньку настроила

---

* «Трахайся со своим полом» или «наплевать на твой пол» (англ.).

тело на расслабление. Пип сморгнула, когда я, вздохнув, плюхнула руку ей на коленку. Тэмми наблюдала за всем этим и даже слегка кивнула одобрительно, после чего переключила внимание на музыку. Мы прослушали «The Smiths», «Velvet Underground» и «Sugarcubes». Мы с Пип ни разу не поменяли позы, ее рука у меня на плече, моя рука у нее на колене. Ничего другого мы предложить нашей зрительнице не могли, но это, как оказалось, отлично прокатило. Но через час двадцать у меня заглохло спину, а посиневшая онемевшая рука ощущала себе отдельной от остального тела. Поза моей мечты, но если мы не сменим ее, мне придется сбегать. Я спросила Тэмми, где туалет, после чего выскочила из комнаты.

В ватном тепле ванной я впала в эйфорию. Я закрылась и проделала серию непроизвольных вычурных жестов перед зеркалом. Я остервенело обмахивалась и строила жуткие отталкивающие гримасы. Я вымыла руки, как маленьких детей, нянча сначала одну, потом другую. Я переживала пароксизм самости, научное название этого переживания — «последнее УРА». Ощущение быстро прошло, я вытерла руки о малюсенькое голубое полотенце и вернулась в комнату с освеженным чувством голода, в ужасе от того, кем я могла бы стать, если бы не принадлежала ей.

Я знала все еще до того, как увидела. Я знала, что найду их на кровати, знала, что остолбенею, знала, что они отпрянут друг от друга

и утрут губы. Пип будет избегать моего взгляда. Я больше никогда не стану разговаривать с Тэмми. Я знала, что мы закончим школу, что мы с Пип, как и планировалось, станем жить вместе. И я знала, что вот так меня она не хочет. И никогда не будет хотеть. Других девчонок, каких угодно, но только не меня.

Теперь, заплатив за жилье, мы почувствовали, что имеем право упомянуть ситуацию с тараканами при хозяине. Он сказал, что кого-нибудь пришлет, но что особых надежд питать не стоит.

— Почему?

— Да потому что дело не только в вашей квартире, все здание заражено.

— Ну, тогда, может, стоит обработать все здание?

— Не поможет. Они придут из других домов.

— Что, весь квартал?..

— Весь мир.

На что я ответила ему, что, мол, ну и ладно, раз так, и быстро повесила трубку, прежде чем он услышит, как колотит молотком Пип. Мы устроили небольшой ремонт, а именно — начали строить подвал. Квартирка крошечная, зато потолки высоченные, и пространство над нашими головами вводило в мучительное искушение. Пип считала, что чердаки — это для хиппи, и, невзирая на то, что студия наша находилась на втором этаже, она набросала про-

ект, который позволил бы нам жить на основном этаже под низким потолком, а в совсем уж крайних случаях спускаться по лестнице в подвал. Тяжелые вещи оставим внизу — холодильник и ванну, например, — а все остальное заберем наверх. Мы обе представляли себе это во всех деталях, и, думаю, одинаково — подвал. С печкой, стиральной машиной и сушилкой, или, может быть, с парой старых пыльных клюшек для гольфа и, конечно же, с несколькими коробками старых фотографий. В этом подвале царил влажный земляной запах, но без заброшенности. Там тепло, и даже призрачный свет струится сквозь потолок. Над нами дом. Там нас ждет ужин.

Одной из многих веских причин, по которым мы решились на строительство подвала, был доступ к бесплатным доскам. Пип познакомилась с девушкой, отец которой владел «Лесопилкой Берримана». Кейт Берриман. Она была всего на год моложе нас и ходила в частную школу рядом с домом бабушки Пип. Я ее ни разу не видела, но рада была тому, что мы могли ее использовать. Мы практиковали вполне отвязную, спорадическую разновидность классовой борьбы, которая санкционировала любой вид воровства. Не существовало такого человека, бизнеса, библиотеки, больницы или парка, который не обокрал нас, будь то физически или исторически, и мы, в свою очередь, вечно пытались вернуть себе свое же. Кейт, наверное, думала, что она на нашей стороне

реституции, когда изо всех сил тянула обрезки досок из родительского фургона. Она оставляла их в проулке позади нашего дома, сигналяла трижды и уезжала. По ее сигналу мы выбирались из дому, делая вид, что идем гулять, иногда приостанавливаясь купить газировки.

Мы всякий раз шумно изумлялись, обнаружив валяющиеся доски, громко спрашивая друг друга, действительно ли этично с нашей стороны взять их себе. После продолжительных переговоров с Господом, мы втаскивали доски к себе, наверх, чувствуя довольно уверенно, что мы всех провели. Нам все сходило с рук, что подразумевало, что кто-то всегда за нами приглядывает, что означало, что мы не одни в этом мире.

Каждое утро Пип составляла список дел, которые мы должны были сделать в течение дня. Первым пунктом списка обычно фигурировало «сходить в банк» — там давали бесплатный кофе. Следующие по списку дела частенько бывали довольно туманны — «выяснить что-нибудь про продуктовые карточки», «читательский билет в библиотеку», но сам по себе список этот создавал у меня уютное ощущение. Мне нравилось наблюдать за тем, как она его составляет, и знать, что кто-то управляет нашим днем. По воскресеньям она ужинала с бабушкой и приносила мне еду, завернутую в фольгу. По ночам мы часто обсуждали, как будем украшать наш подвал, но днем дело двигалось медленно. По-хорошему, все, что у нас было, — это

охапка досок; они отирались по стенам и лежали на софе, как невоспитанные собаки.

Мы попытались приколотить несущую балку к линолеуму в кухне, и тут Пип решила, что нам нужен особого вида крепеж.

— Ты уверена?

— Да. Я позвоню Кейт, и она привезет.

— А она разве не в школе?

— Все нормально.

Пип позвонила, после чего отправилась в душ. Я продолжила забивать длиннющие гвозди сквозь балку в пол. Балка встала накрепко. Это порождало чувство удовлетворения. Она не выдержит никакой нагрузки, но сама по себе стоит. Доска была почти с меня высотой, и я не смогла удержаться от соблазна дать ей имя. Гвен.

Зазвонил дверной звонок, и Пип, еще мокрая, подбежала к двери. Кейт. Меня удивило, что она приехала прямо к нам домой, но, наверное, крепеж был слишком маленьким для тайной доставки. Я взглянула на нее, так и не встав с пола. На ней была школьная форма. И в руках у нее не было крепежа. Быть может, она припрятала его в складках юбки.

— А где крепеж? — спросила я.

Запаниковав, Кейт вскинула глаза на Пип. Пип взяла ее за руку, и они вместе обернулись ко мне с видом суровой осмысленности.

— Нам нужно кое-что тебе сообщить, — сказала Пип.

Мне вдруг стало холодно. Уши замерзли так, что пришлось прижать их ладонями. Но я быстро осознала, что при этом выгляжу со стороны, как та обезьянка, которая не желает слышать дурного. И тогда я просто потерла ладони друг о друга и спросила: «У вас уши не мерзнут?» Пип не ответила, а Кейт помотала головой.

Пип попыталась продолжить свою речь, но я вдруг опять забыла, как выгляжу, и закрыла уши. Она смотрела на меня как на идиотку, и я опять вспомнила и села на свои ладони.

— Окей, давай, — сказала я.

— Мы с Кейт собираемся жить вместе у нее дома.

— Почему?

— В каком смысле?

— Ну, я уверена, что папа Кейт не хочет, чтобы ты жила в его доме после того, как ты сколько всего у него украла.

— Я буду работать на лесопилке Берримана, чтобы заплатить за украденное. Я, может, даже заработаю на машину.

Я уже думала об этом. Я представляла, как Пип ведет машину, модель «Т», в мотоциклетных очках и шарфе, плещущемся позади нее по ветру.

— А мне можно работать на лесопилке Берримана?

Пип вдруг рассердилась:

— Ну, ты что!

— А что? Нельзя? Тогда так и скажи, если нельзя.

— Ты специально делаешь вид, что ничего не понимаешь!

— Что?

Она подняла руку Кейт, заключила ее в свои и потрясла в воздухе.

И тут же уши у меня вспыхнули, прямо-таки вскипели, и мне пришлось обмахивать их, чтобы остудить. Это добило Пип окончательно; она схватила свой рюкзак и вышла вон из квартиры. Кейт побежала за ней, и дверь за ними захлопнулась.

Я не могла позволить ей покинуть дом. Я догнала ее в коридоре и напрыгнула на нее. Она стряхнула меня; я обхватила ее за колени. Я обливалась слезами и рыдала в голос, но не как в мультике каком-нибудь, где плачут и рыдают, а по-настоящему. Если она уйдет, я онемею, как те дети, что видели всякие чудовищные жестокости. Никто бы не понял меня, кроме этих вот детей. Она не могла покинуть здание. Она отрывала мои пальцы от своих щиколоток. Кейт присела на колени, чтобы помочь ей, и меня охватило отвращение от прикосновения ее пудингообразной кожи, мне хотелось прорвать ее, я повисла у нее на груди. Пип воспользовалась моментом и скатилась вниз по лестнице, и Кейт оказалась позади нее. Я держала в руках ее кофту. Я побежала за ними вслед, видела, как они несутся к машине Кейт. И прежде чем они успели отъехать, я закрыла глаза и с размаху распласталась на тротуаре. Я лежала. Это была

моя последняя надежда — что она пожалеет меня. Я слышала, как их машина пыхтит на холостых оборотах рядом со мной. Я слушала шум проезжающих мимо автомобилей и шаги пешеходов, осторожно обходящих меня стороной. Я почти слышала, как Кейт с Пип спорят в машине, Пип хочет выйти и помочь мне, а Кейт торопит ее уехать. Я молитвенно прижалась щекой к асфальту. Высокие каблуки процокали в моем направлении и остановились; немолодой женский голос спросил, все ли со мной в порядке. Я прошептала, что все нормально, и молча умоляла ее идти своей дорогой. Пип решила, что за мной присмотрят. Но пожилая дама оказалась настойчивой, и в конце концов я открыла глаза, чтобы убедить ее уйти. Машины Кейт уже не было. Раз — и ее совершенно и полностью не было. Когда они успели уехать? Всего мгновение назад? Или несколько минут назад? Может, они уехали ровно в тот момент, когда я упала, медленно и с легкостью.

Я подтащила телефон к кровати и проспала три дня подряд. По временам я открывала глаза, держала их открытыми ровно столько, сколько нужно было, чтобы вспомнить, что она ушла, после чего опять погружалась в бессознательность. Во сне я пробивала к ней тоннель, и, если копать достаточно глубоко, я бы нашла ее. По мере того как я ползла вперед, тоннели все сужались, пока наконец не стали

невозможно запутанными прядями волос, за которые я могла лишь цепляться.

На третий день после обеда зазвонил телефон. Я вытащила его из плодородных недр постели. Я хотела, чтобы она знала, с того самого момента как услышит мой голос, что я умираю. Я сняла трубку и донесла до нее приветствие с такою унылой душою, так убито, что речь звучала, как шуршание гальки. Привет.

Звонил мистер Хильдербранд, хозяин квартиры. В некой причудливой альтернативной научно-популярной реальности подошел срок оплаты жилья. Прошел всего месяц с того дня, когда мы встретились с грязноватыми трусами Лесли. Я повесила трубку и оглядела квартиру. Тараканы бродили стадами по прериям разбросанной одежды. Тактичная Гвен все так же молча стояла на кухне. Посреди комнаты громоздилась опасно высокая столообразная конструкция. Это был первый квадратный метр верхнего этажа. Я заползла под него и вообразила, как Пип и Кейт ужинают с мистером и миссис Берриман. Пип частенько описывала эту сцену. Мы не могли пройти мимо какого-нибудь симпатичного домика без того, чтобы Пип не посчитала: хозяева обязательно захотели бы, чтобы она поселилась у них, только узнай они о такой возможности. Она считала себя очаровательной уличной дворняжкой, потенциальным домашним любимцем состоятельной мамочки. Это было чистое жульничество. Такое же, как

наше воровство буханки хлеба, на которой мы чиркали зеленым фломастером и заявляли потом в голос, что хлеб заплесневел, и требовали деньги назад. Такое же, как тот случай, когда мы уговаривали одноклассницу застраховать свой багаж, чтобы мы могли стибрить его с багажной транспортной ленты, а она могла требовать для нас деньги. Такое же точно. Как поест и удрать, не заплатив, как свистнуть пробник губной помады с парфюмерной стойки. И совсем не такое, как любовь. Они не держали друг друга в объятиях в чистенькой постельке Кейт, Пип не перчила ее детское тельце поцелуями, ее тряский палец не забирался Кейт под школьное платьице. А если и забирался, то оно было частью общего жульничества. Даже и люби они друг друга, это все было лишь уловкой. Не было в мире ничего, что не являлось бы надувательством, вдруг поняла я. Ничто не имело значения, и терять было нечего.

Я отправилась в ванную и поплескала водой в лицо, и это было просто. В самом деле — я могу сделать все что хочу. Я стащила с себя футболку и джинсы, в которых спала. Сидя на корточках голышом на полу, я обрезала штанины джинсов перочинным ножом. Надела то, что получилось, а получилось нечто крошечное. Крошка-малышка. Я отпилила от футболки солидную ее часть, оставив «если любишь джаз» на полу. «Сигналь» едва прикрывала мою маленькую грудь, но эй! Эй,

я ухожу из этой квартиры. Я прошла по коридору, и там, перед дверью соседей, меня ждала небольшая корзина старых яблок с табличкой на ней «Для моих соседей, пожалуйста, угощайтесь». И, эй, я была голодна. Я взяла яблоко, и дверь распахнулась. Я никогда не видела эту свою соседку, а она оказалась наркушей. Старой наркушей. И на ней была кофта, которую, понятное дело, она подобрала в коридоре. Кофта Кейт. Она предложила мне взять еще яблоко, а потом попросила обнять ее. Я крепко обняла ее, сжимая в каждой руке по яблоку. Еще неделю назад я бы побоялась даже прикоснуться к ней, но теперь-то я знала, что могу делать все что угодно.

У меня не было денег на автобус, и я пошла пешком. Расстояние оказалось невероятным. Лошадь бы устала, скачи она все это время галопом. Когда на такое расстояние летали птицы, это называлось миграцией. Но путешествие оказалось не утомительным, а просто требовало некоторого времени, а у меня впереди было лет шестьдесят — семьдесят. Новый для меня опыт — идти по городу в крошечных шортиках и полумайке, на которой написано «сигналь». Мне сигналили, еще даже не успев разглядеть мою майку. Часто мне чудилось, что меня могут застрелить в спину, из лука или ружья, но этого не произошло. Нет, мир не был безопаснее, чем мне думалось; напротив, он был настолько опасен, что, вся опасно обнаженная, я сама прекрасно подходила

ему, как автомобильные аварии, случавшиеся ежедневно.

Место, к которому я шагала, было в торговом ряду, между зоомагазином и банковским отделением для обналички чеков. Я спросила у человека на кассе, есть ли у них вакансии, и он дал мне планшет с формой для заполнения. Когда я вернула ее, он уставился в бумагу, не двигая глазами, это заставило меня подумать, что, быть может, он не умеет читать. Он сказал, что я могу приступить этой же ночью, если приду к девяти. Я сказала, что это отлично. Он сказал, что его зовут Аллен. Я сказала, что меня зовут Гвен.

Я проболталась по торговому ряду в течение трех часов. Зоомагазин был закрыт, но в витрине было видно кроликов. Я прижала пальцы к стеклу, и крупный ушастик вяло запрыгал в мою сторону. Он посмотрел на меня сначала одним глазом, потом вторым. Я нагнулась и сложила руки в иллюминатор вокруг лица; мы теперь были совсем рядом, ближе некуда, с витринным стеклом между нами. Он пошевелил носом, и на мгновение мне показалось, что он меня узнал. Он уже знал меня до этой встречи, как старый учитель или друг моих родителей. Кроличьи глазки оглядели мое облачение, он унюхал мои диковатые, грустные намерения и догадался, что ничего хорошего от меня не жди. Но я смогла устоять перед этим посланцем нежности. Я присела перед ним, прижалась бедром к стеклу и проговорила

беззвучно: «Все равно». После чего встала, отряхнула колени и отправилась в «Лавку Видео и Прочего для Взрослых Мистера Пипа».

«Прочая» часть находилась на задах магазина. Аллен оставил меня там с женщиной по имени Кристи. Она сидела в зеленом пластмассовом кресле, и на ней было розовое платье-комбинезон из ОшКош Б'Гош*. Глядя на грубоватые золотые застёжки комбинезона, я гадала, а не было ли все, что мне знакомо, частью некоего тайного сексуального мирка. Она показала мне будку и начала собирать свои дилдо, бутылочки и нитки бус в спортивную адидасовскую сумку. Адидас. Ее инструментарий был разложен на стареньком полотенце в цветочек, и я знала, что если понюхать его, то оно пахнет, как моя бабушка. Бабуля. Кристи обернула полотенце вокруг пустой банки из-под варенья.

— А это зачем?

— Для мочи.

Даже моча шла в ход. Она показала мне преЙскурант и прорезь для денег. Она вскинула руку, показывая, как поднимается занавес. Она протерла телефонную трубку влажной, а потом сухой салфеткой и велела никогда не оставлять трубку липкой. После чего с привычной стремительной сноровистостью стянула длинные жидкие волосы в хвост, закинула адидасовскую сумку на плечо и ушла.

* OshKosh B'Gosh — американская сеть магазинов одежды для всей семьи.

В магазине было тихо, как в библиотеке. Я сидела в зеленом пластмассовом кресле иправляла шорты и майку. Флуоресцентные огни гудели с вневременной постоянностью. Я глядела на них и представляла, что именно они, а не звезды в небе, нависали над становлением цивилизации. Они гудели со времен ледникового периода и неандертальцев, а теперь они гудели надо мной. Я встала и отправилась в свою будку. У меня с собой не было ничего, что можно было бы разложить на полотенце; у меня и полотенца-то не было. Все, что у меня было, это ключ от квартиры. Если я сегодня ничего не заработаю, мне придется идти обратно пешком. Ночью. В этом наряде. Я оказалась в уникальной ситуации: необходимо устроить Живое Шоу Фантазии, чтобы обеспечить собственную безопасность.

Я попрактиковалась в снятии трубки. Я сделала это пять раз, все быстрее и быстрее, будто это и было тем навыком, за который мне платят. Я ни разу не произносила тех слов, которые мне придется говорить, — только в порядке матерщины. А теперь мне придется думать о них как о словах соблазнения. Я попыталась произнести их в трубку соблазнительно, но они выбрались наружу в виде сдавленного шепота. А вдруг я не смогу их сказать? Насколько неловко это будет выглядеть? Мужчина попросит свои деньги назад, а мне не удастся вернуться на автобусе. В панике я сказала все грязные слова, какие знала,

одним длинным ругательством: член сосать яйцо лизать сука шлюха пизда писька лизать засранец ебать. Повесила трубку. Хотя бы произнести это я могла.

Я просидела в пластмассовом кресле больше трех часов. За это время в магазин зашли двое разных мужчин. Оба глянули на меня поверх стеллажей с видео, но ни один не пришел в мои владения. После того как ушел второй, Аллен прокричал из-за стойки:

— Это уже второй, которого ты упустила!

— Что?

— Тебе стоит быть понапористее! А ты сидишь там себе на жопе!

— Поняла!

Двадцать минут спустя зашел мужчина в черной майке. Он оглядел меня из-за стойки с журналами, а я встала и направилась в его сторону. У него на майке был рисунок галактики со стрелкой, указывающей на крошечную точку, и подписью «Ты — здесь». Мужчина вскинул на меня взгляд и сделал вид, что удивлен. Я вообразила, как он инстинктивно стягивает с головы шляпу в присутствии дамы, но на нем не было шляпы, и все это было не кино, и я сама была там.

— Вас не интересует ли Живое Шоу Фантазии, сэр?

— Ага. Давай.

Он прошел за мной к задворкам магазина. Мы расстались на мгновение и воссоединились в моей будке, через занавешенное стекло

между нами. Я услышала, как расстегивается кошелек, и двадцать долларов скользнули в прорезь, и занавес поднялся. Он уже держал в одной руке свой член, а в другой — трубку. Но, как я и боялась, я онемела. Стояла парализованная, как на скале над холодным озером. Мне всегда не хватало мужества спрыгнуть, отпустить одну стихию и объять другую. Я могла простоять так хоть весь день, пропуская и пропуская других детей вперед. Он наяривал себя, и это выглядело странно, такие вещи видишь не каждый день; вообще говоря, я такое видела впервые. Он что-то сказал в трубку, но я не уловила, что. Невзирая на всю нашу близость, качество связи оставляло желать лучшего.

— Простите, что?

— Ты можешь раздеться?

— Ой. Хорошо.

С самого начала нас учат не раздеваться на глазах у незнакомцев. Оставаться одетым есть правило номер один нашей цивилизации. Даже утка или медведь выглядят цивилизованно, когда они одеты. Медведь — в жилете. Утка — в галстук-бабочке. Я спустила джинсовые шорты, выбралась из трусов, стянула через голову майку. Осталась стоять голая, как медведь или утка. Мужчина смотрел на меня со злобщей сосредоточенностью, на мои бледные груди и на пушок у меня между ног, мигрируя взглядом между этими полюсами. Время от времени он проверял, про-

должаю ли я смотреть на него. Я старательно пялилась на его пенис в надежде, что этого достаточно, но через несколько секунд он спросил, нравится ли мне то, что я вижу. И снова я оказалась на скале, а дети плескались внизу и кричали мне: «Прыгай», — а кто-то даже грозился спихнуть меня. Но я-то знала, что спрыгнуть означает умереть, и мне придется отречься от всего на свете. Я перебрала в уме, а что, собственно, у меня есть. Она не позволила и не позвонит, я была здесь одна, — и не в абстрактном смысле слова, не просто на земле или во вселенной, но именно *здесь*, стояла нагишом перед этим мужчиной. Я просунула руку между ног и сказала: «Твой огромный стоячий член меня очень заводит».

В пять утра я скользила через темноту на автобусе. Хотя автобус был чистой формальностью: я летела по воздуху и была выше большинства людей, во мне было не то девять, не то все двенадцать футов росту, я могла летать, перескакивать через машины, я могла сказать слово «член» боязливо, нежно, игриво, требовательно, я могла летать. И у меня в кармане лежало \$ 325. Стоять одной ногой в ванне до ее возвращения — не просто метод остановки времени, это был приворотный ритуал, чтобы вернуть ее. Я буду Гвен, пока она не вернется.

Я купила лимонно-зеленое неглиже, дилдо, которым лишила саму себя невинности и короткий каштановый парик под названием Элан. Я ненавидела свою работу, но мне

нравилось то, что я могу ее делать. Когда-то я верила в свою бесценную внутреннюю сущность, но не теперь. Как будто я вдруг преуспела в спорте. Мне было плевать на футбол, но не поразительно ли оказаться в НФЛ? Я рассказывала долгие вдохновенные истории, вращавшиеся вокруг моей постоянно мокрой письки, я раскрывала нараспашку все до единой части своего тела; я говорила клиентам, что скучаю по ним, и они становились постоянными, а потом и оголтелыми поклонниками. Я научилась сидеть в лавке ровно до момента прибытия автобуса, чтобы проскочить незамеченной мимо тех, кто сновал по парковке, маша им рукой и крича: «Приходите в следующий четверг!» И я страшно по ней скучала.

Однажды ночью автобус опоздал, и один клиент провожал меня до остановки. Он стоял рядом, а я не обращала на него внимания, и тогда он начал плевать. Сначала он плюнул на тротуар, потом более общо, в воздух. Я ощутила, как мне на лицо приземляются мелкие капельки его плевка, напрягла коленки и шагнула в сторону. Он тоже шагнул и продолжил распылять в воздух свою мокроту. Его поведение исходило из логики настолько для меня чуждой, что я растерялась, я не могла понять, как это — глупо или пугающе, и именно это чувство подсказало мне вернуться в магазин. Я прошла мимо него, сначала двигалась шагом, потом бегом, и наконец захлопнула за собой дверь. Но «Мистер Пипс» нельзя сказать чтоб

был воплощенным островком безопасности, и не могла же я оставаться внутри вечно. Я попросила Аллена выйти и посмотреть, ушел ли этот тип. Не ушел. Не мог бы Аллен попросить его уйти? Аллен считал, что нет, потому что: а) тот не нарушал пока никакого закона, б) он был хорошим клиентом. Аллен считал, что мне стоит позвонить каким-нибудь друзьям, чтобы те приехали и забрали меня.

Я ждала этого момента и была в восторге от естественности его прихода. Я обычно представляла, что отравлюсь или попаду под машину. И тогда какое-нибудь официальное лицо, вроде медсестры или полицейского, спросит, нет ли кого-то, кому я бы хотела позвонить. И я бы выдохнула ее имя. Она работает на «Лесопилке Берримана», сказала бы я. Сейчас ситуация не была настолько патовой, но речь, тем не менее, шла о моей безопасности, и, что важно, идея позвонить ей принадлежала не мне. Мне велел, почти приказал мой начальник, Аллен. Я начисто отмела идею с такси.

Я быстро, почти рассеянно, набрала «Лесопилку Берримана», решив выдать себя за специалиста по смене цепей на бензопилах. Но когда прозвучал гудок, все чувства мои расширились, выталкивая прочь все, что не было этим гудком и стуком моего собственного сердца.

— «Лесопилка Берримана», чем могу помочь?

- Я могу поговорить с Пип Грили?
- Одну секунду.

Одну секунду. Всего два мгновения. Одну жизнь. Одну секунду.

- Алло?
- Это я.
- Ой. Привет.

Я знала, что так не пойдет. Вот это вот «ой», «привет». Я не могла быть человеком, который выжал бы из себя подобный ответ. Я поправила парик. Я улыбнулась в пространство — так, как улыбалась клиентам, когда те распускали ремни, и заставила свои глаза смеяться, как будто все происходящее было не чем иным, кроме как развлечением. И начала заново.

— Слушай, я тут попала в переделку и вот думаю, не могла бы ты меня выручить?

— Да? Что случилось?

— Я работаю в «Мистере Пипсе», знаешь? И тут ошивается довольно подозрительный субъект. У тебя есть машина?

На мгновение она примолкла. Мне почти было слышно, как имя «Мистер Пипс» жужжит у нее в голове; такое имя может быть у человека с глазами размером с циферблат часов. Она посвятила всю свою жизнь избеганию мистера Пипса, и на тебе, вот она я, забавляюсь с ним. Я была либо отвратительна, либо глупа, либо нечто совсем иное. Нечто удивительное. Я задержала дыхание.

Она сказала, что, наверное, сможет одолжить грузовой фургон, и не подожду ли я минут двадцать, пока она закончит работу? Я сказала, что, наверное, смогу.

В фургоне мы не разговаривали, и я даже не смотрела на нее, но чувствовала, что она поглядывает на меня потрясенно. Обычно я снимала парик и переодевалась прежде чем ехать домой, но оказалась права, не сделав этого сегодня. Я смотрела в окно и искала глазами других пассажиров, влюбленных в своих водителей, но мы все знатно скрытничали, маскируясь при помощи скуки и озабоченности пробками. Но когда в поле зрения показался ее предыдущий дом, она сделала неожиданный поворот налево и спросила, не хочу ли я посмотреть, где она теперь обитает.

— Ты имеешь в виду дом Кейт?

— Нет, там не сложилось. Я живу в подвале у одного парня, с которым работаю.

— Конечно.

Подвал был, что называется, «не доделан». С земляным полом, с жалкими досками, разбросанными там и сям, на паре из которых держалась кровать, и несколько пакетов из-под молока. Она поводила по своему жилищу фонариком и сказала, что все это — всего за семьдесят пять долларов в месяц.

— Правда?

— Ага, вся эта комната! Больше пятисот квадратных футов. Я тут могу делать, что хочу.

Она провела меня между балок, описывая свои планы. Над нами кто-то слил воду в туалете, и я почти смогла представить, как он ходит у нас над головами. Вот остановился, скрипнула кровать, включился телевизор. Шли новости. Она просунула фонарик в проволочную петлю, и сумрачный полусвет упал на подушку. Я растянулась на кровати и зевнула. Она разглядывала мою простертую протяженность.

— Можешь остаться здесь, если хочешь. В смысле — если ты устала.

— Я бы подремала.

— Мне тут прибраться надо.

— Ты прибирайся, а я посплю.

Я слушала, как она подметает четыре не прибитые к полу доски. Она мела все ближе и ближе, она обмела матрас по периметру. После чего отложила веник и улеглась на постель. Мы лежали рядом, совершенно неподвижно, невозможно долгое время. Наконец человек над нами кашлянул, и этот звук запустил волну кинетической энергии. Пип расправила плечи — так, что внешний край рукава ее футболки скользнул по моей руке; я скрестила ноги, невзначай расположив их так, что моя лодыжка соприкоснулась с ее. Прошло еще пять секунд, словно удары в тяжкий бас-барабан, и все мы трое были неподвижны. И тут он подвинулся у себя на диване, и мы немедленно повернулись друг к другу, один рот накрыл другой, руки ухватились за рядом

лежащую — лихорадочно, почти болезненно. Казалось, сначала необходимо быть грубыми, чтобы выразить гнев и ничего не скрывать. Но когда мы провоевали так до глубокой ночи и выключили фонарик, я поразились ее нежному вниманию. Так вот оно как, оказывается, мне не быть самой собой. А ей — быть. Потому что, не забудьте, я все это время была в парике. Я верила, что именно он и сделал все происходящее возможным и, думаю, была права. Парик и тот факт, что я не разревелась, хоть и хотела этого невыносимо, хотела сказать ей, насколько была несчастна, прижать ее к себе и заставить пообещать, что она больше никогда не уйдет. Я хотела, чтобы она умоляла меня бросить эту работу, и в тот момент я действительно хотела ее бросить.

Но она не попросила, и, на самом деле, мистер Пипс был тут ключевой фигурой. Каждый вечер она забирала меня на фургоне «Лесопилки Берримана», везла к себе в подвал и занималась со мной любовью. И каждое утро я шла домой и снимала парик. Я чесала свой пропотевший череп, давала голове подышать пару часов, прежде чем сесть в автобус и снова отправиться на работу. Я прожила так восемь прекрасных дней. На девятый день Пип предложила отправиться позавтракать перед тем как мне ехать на работу.

— Было б здорово, но мне надо зайти домой и приготовить.

— Ты отлично выглядишь.

- Мне нужно помыть голову.
- Но у тебя полный порядок с волосами.

Я дернула себя за парик и рассмеялась, но она не улыбнулась.

- Правда, они прекрасно выглядят.

Мы встретились взглядами, и между нами проскочило неприятное чувство. Конечно, это был парик, и я знала, что она это знает, но она вдруг решила повестись на мой трюк. Я вообразила, что у нас дуэль, хрупкие рапиры высоко вздеты.

- Окей, пошли завтракать.
- Я тебя отвезу к «Мистеру Пипсу».
- Хорошо. Спасибо.

Все знают, что если нарисовать человека полностью бытовой краской, он останется жить, пока не дорисованы подошвы ног. Такая малость может его убить. Я носила парик не снимая почти тридцать часов подряд, и, пока раздевалась, извивалась и стонала, я начала ощущать, что мне жарко, слишком жарко. Но после каждого шоу появлялся новый клиент — как раз в ту минуту, когда я собиралась стянуть парик. К полудню по лицу струился пот, но мужики продолжали идти, день выдался невероятно доходным. Аллен даже хлопал меня по спине, когда я уходила, сказав: «Отличная работа, чувак». Пип ждала меня в фургоне, но я пересекала парковку невероятно долго, со странным чувством. Мне показалось, что я видела клиента, скрючившегося

у своей машины, но нет, это был обычный человек, склонившийся над чем-то, находящимся в клетке. Он бормотал: «Вот так, вот так, мы заберем тебя домой».

Пип уложила меня в кровать и даже одолжила градусник у коллеги сверху. Но она не предложила мне снять парик, и даже в своем лихорадочном состоянии я поняла, что это значит. Я увидела ее на поляне с пистолетом в руке и знала, что мои-то руки пусты. Но я могла выиграть, лишь прикинувшись, что у меня есть пистолет. Скажи я «пиф-паф» и позволь пристрелить себя, я бы выиграла. Умри я вот так, будучи Гвен, продолжит ли жить все остальное я? И что это — остальное? Я заснула с этим вопросом и прорывалась сквозь тоннели всю ночь, продираясь через спутанные пряди, пока не показался парик. Я не надела его утром, а Пип не спросила, как я себя чувствую; она и так видела, что все в порядке. Она не предложила отвезти меня на работу, и мы обе понимали, что ее не будет вечером, чтобы забрать меня.

Я сидела в зеленом пластмассовом кресле под флуоресцентными огнями. День был поразительно медленный. Создавалось ощущение, что мужчины в мире сегодня слишком заняты, чтобы мастурбировать. Я представляла, как они виртуозно исполняют свои дела, раскрывая преступления и обучая детей кувырмам. Шел последний час моего восьмичасового

дежурства, и я не дала ни одного шоу. Это было почти зловеще. Я поглядывала на часы и на входную дверь и делала ставки. Если в ближайшие пятнадцать минут не будет ни одного клиента, я выкрикну имя Аллена. Прошло пятнадцать минут.

— Аллен!

— Что?

— Ничего.

Осталось всего двадцать минут. Если никто не зайдет в следующие двенадцать минут, я крикну слово «я» — в смысле «мне, меня». Через семь минут дверь звякнула, и вошел мужчина. Он купил видеофильм и вышел.

— Я!

— Что?

— Ничего.

И вот осталось последние восемь. Если не придет ни одного клиента, я выкрикну слово «ухожу». В смысле «хватит, достаточно, я возвращаюсь домой». Я устояла на двери. Она грозила открыться с каждым моим вздохом, с каждой уходящей минутой. Одна. Две. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь.

Я целую дверь

Теперь-то, когда я знаю, все кажется таким очевидным. Вдруг оказывается, что нет такого куска воспоминаний, в котором не содержалась бы подсказка. Я помню отличное синее шерстяное пальто с плоскими серебряными пуговицами. Оно идеально сидело на ней, облегалo ее фигуру.

- Где ты нашла такое пальто?
- Отец купил.
- Правда? Здорово.

— Его доставили только сегодня утром.

— Он сам выбирал? Как это он умудрился выбрать такую классную вещь?

— Понятия не имею.

Это казалось мне несправедливым: почему это Элинор такая красотка и солистка лучшей группы, да еще и с отцом повезло — тот присылает чудесную одежду из дорогих магазинов, сшитую как будто специально на нее. Мой папаша ничего мне не посылает, только звонит время от времени и просит устроить на работу.

— Я официантка!

— Но ведь есть должность и ниже официантки? Как насчет нее?

— Помощник официанта?

— Ага!

— У нас нет помощников. Я сама убираю посуду со столиков.

— Ты можешь нанять меня сама; это сэкономит тебе кучу времени.

— Послушай, я не могу послать тебе денег.

— Разве я прошу денег? Мне нужна работа!

— Все равно сейчас не могу.

— Деньги мне не нужны, мне нужен правильный путь в жизни!

— Мне пора идти.

— Всего пятьдесят баксов. Стоимость переезда я оплачу.

Когда «Робкая пантера» выступала в лицейском городке, отец Элинор пришел по-

любоваться на дочь, и мне, наконец, довелось с ним встретиться. Он был невероятно красив, такой представительный. Она при нем помалкивала, и вообще на его фоне казалась не такой интересной, как обычно. Когда настало время выходить на сцену, ее едва заметное присутствие там казалось почти нахальством: да кто она вообще такая? С чего вообразила, что кто-нибудь захочет ее слушать? Она запела:

*Он похож на дверь,
Он на вкус как дверь,
И когда его целую —
Я целую дверь.*

Ее фирменный голос казался монотонным, ее знаменитая манера держаться на сцене в тени — все это в тот вечер ничего не стоило. Она больше не казалась крутой. Скорее напоминала простую девчонку, которую учителя заставили выступать перед залом. Я смотрела на нее из-за кулис, стоя рядом с ее отцом, и гадала: то ли он действительно прижимается ко мне плечом, то ли мне это только кажется. Да, я заигрывала с ним, и не только в тот момент, а весь вечер. Он сказал мне одну фразу, которую я до сих пор повторяю про себя каждый день. Он сказал: «Мужчину заводит, когда женщина выше него». Теперь-то я лучше разбираюсь в жизни и добавила бы в начало его фраз «в раю». В раю мужчину

заводит, когда женщина выше него. И все псы попадают в рай и снова там оживают. Когда выступление закончилось, Элинор и ее отец подбросили меня до дома, а я растерялась и ревновала, как будто он предпочел ее мне. Только тогда я не отдавала себе в этом отчета, это я устраиваю себе психоанализ задним числом.

***

К тому времени, как вышло «Грозное сердце», мы с ней уже не общались. Не из-за того вечера, а потому что я спала с Маршаллом. Он не ее парень, сказала я себе, целуя его в ширинку, но я знала: она считает обоих ребят в группе своими. Член у него был длинный и загибался книзу, так что я могла трахать его, лежа у него на спине и просунув член между его ног в себя. Звучит неправдоподобно, но так и есть. Если бы я нарисовала схему, вы бы сразу поняли, как это.

— Ты когда-нибудь делал так раньше? — спросила я у него.

— Нет.

— Врешь!

— Да нет же, я даже не знал, что так можно.

— Значит, я кое-чему тебя научила! Теперь ты всегда можешь делать вот так.

— Ага. Только, по-моему, это один из тех трюков, который приятнее для девушки.

— Правда? О господи, извини. Хочешь, прекратим?

— Ты собираешься слезть или как?

— Да, я могла бы.

— Да ладно, и так нормально. Наслаждайся.

— Нет, вообще-то я уже не могу. Давай сменим позу.

Это Маршалл рассказал мне про Элинор. Я не виделась с ним больше года, и за это время я встретила Джима, и, мне кажется, уже была беременна Эйприл. Он рассказал мне все, пока мы стояли посреди магазина «Спиллерс», в отделе музыки соул.

— С родителями? Почему?

— Не с родителями, — уточнил он, — только с отцом. Они развелись.

— Но почему же? Она в порядке?

— Ну-у... нет, вряд ли, раз уж она живет с ним.

— Она что, заболела?

— Нет. Ты когда-нибудь видела ее отца?

— Угу, на концерте в лицее.

— Тогда ты знаешь насчет него.

— Что именно?

— Ну, про то, что он любит ее.

— Что?!

— Господи, так ты не знала?

— О чем?!

— Он развелся с ее мамашей, чтобы остаться с ней вдвоем. Вот почему она жила в Лампстере, когда училась в старших классах.

— Дело не в этом.

— Как раз в этом. Когда она перешла в старшие классы, они стали жить вместе, как семейная пара.

— Ушам своим не верю. Да нет, не может быть! Она бы мне сказала.

— Извини.

— Почему же она мне не сказала?

— Извини.

— О боже. Значит, она живет с ним? В этом смысле?

— Не знаю. С ней давно никто не общался.

— Но, возможно, живет?

— Ага, возможно.

— Ох, Элси... Добрая, милая Элси...

— Да. Элинора...

***

Когда я прокручиваю запись, это всегда как шпага. Или молот. «Грозное сердце». Это одно из потрясающих свидетельств ее истинной сущности. Ее самой, певшей единственно доступным ей голосом — она с чего-то решила, что у нее неплохой голос. Группа продержалась два года; единственные два года, когда она жила сама по себе, отдельно от отца. И, насколько я знаю, кроме Маршалла и Сэла она не посвящала в это никого. Она будто вырвалась из ада, чтобы завершить только одно дело, записать альбом, а потом вернулась назад. Но кто я такая, чтобы судить. Может, это вовсе и не ад. Может, она сама хотела вернуть-

ся. Маршалл говорит, они до сих пор вместе, живут в Милфорд-Хэвене. Он давал концерт в Кардиффе, и она пришла. Он спросил: «Ты все еще поешь?» Она рассмеялась и сказала: «Все еще? Ты мне льстишь».

Мальчишка из «Лам Кьена»

Я сделала двадцать семь шагов, а потом остановилась. Возле куста можжевельника. Передо мной салон красоты «Лам Кьен», позади — двери моего дома. Агорафобия тут ни при чем, на самом деле я не боюсь выходить из дома. Страх наваливается где-то через двадцать семь шагов, около можжевельника. Я изучила его и пришла к выводу, что куст ненастоящий; я отвергла собственную теорию;

я прикладывала все усилия, чтобы не развернуться и не отправиться домой, даже если это означало стоять там вечно. Когда я жевала несъедобную ягоду можжевельника, дверь «Лам Кьена» отворилась, и оттуда вышел мальчик. Возможно, сын Лам Кьена Билли Кьен. А может, «Лам Кьен» — вообще не имя, а перевод слов «салон красоты» или «ногти и все такое». Юный Кьен так и стоял в дверях, а я — в двадцати семи шагах от дома. Кажется, он ждал, когда я наконец сдвинусь с места. Да мы все этого ждали! Когда стало ясно, что этого не случится, он крикнул мне:

— У меня есть пес!

Я кивнула.

— Как его зовут?

Мальчик на миг погрузился, и я поняла, что на самом деле никакого пса у него нет. Я ощутила гордость избранных, которым позволено верить, что у него есть пес. Я как раз годилась для такого дела; он правильно поступил, что выбрал меня. Наконец он завопил:

— Поль!

И я послушно представила себе Поля: как он бежит с мальчиком наперегонки, как ластится к нему, как мальчик кормит своего питомца.

— А у тебя есть собака? — спросил хозяин Поля, подошел ко мне поближе и остановился посреди проезжей части.

— Не стой на дороге.

Он подошел ко мне поближе, встал рядом. Он меня не осуждал.

— У тебя есть какие-нибудь домашние животные? — поинтересовался он.

— Нет.

— Даже кошки нету?

— Нет.

— А почему?

— Не уверена, что смогу заботиться о питомце как следует. Я много путешествую.

— Но ты можешь завести совсем маленькое животное, которое не очень хочет есть.

Я много чего знала о тех, кто не очень хочет есть; в моей жизни таких было полно. Довольно с меня жалких созданий, которым достаточно лишь воды и тепла, от которых нет никаких отходов и которые так малы, что даже хоронишь их с равнодушием. Если я решу привести в свой дом еще кого-нибудь, он будет большой и голодный. Но я не могла так поступить. Не могла выложить все это мальчугану, потому что была всего лишь «верящей в его собаку».

— И какое животное ты предлагаешь мне завести?

— Головастика.

— Но он же вырастет и станет лягушкой. Ни за что не позволю, чтобы по всему дому скакала лягушка.

— Головастик не станет скакать, он же маленький! Но тебе придется купить аквариум.

— Со временем головастик все равно превратится в лягушку.

— Нет, не превратится! Это совсем не лягушка, а другая рыба.

— Какая же?

— Малек.

Я сдалась. Перед моим внутренним взором, наряду с мальчиком и его псом, появился аквариум с одним крошечным головастиком, лишенным аппетита. Он плавал туда-сюда, ощущая непреходящую готовность к прыжку, готовность ощутить прикосновение ветерка к спине; готовый к поразительной, фантастической перемене. Он плавал вечно, и Поль был бессмертен, а мы с мальчиком менялись, даже пока стояли и разговаривали. Мальчику становилось скучно, и это было формой взросления. У меня делалось все паршивее на душе, и это была целиком моя вина. Такой чудесный денек, рядом мальчик, который сам решил заговорить со мной. Но я уже чувствовала, что скоро этому настанет конец; у мальчика на рубашке были нарисованы мультяшные персонажи. Мультяшные персонажи удирали от меня: стоило мальчишке приблизиться на шаг, как они на шаг удалялись. Встав совсем близко, мальчик ущипнул меня за руку и спросил:

— А можно посмотреть на твою квартиру?

Какое облегчение. Даже щипок — это ничего. Я отлично понимала: когда что-то кому-то даешь, нужно причинить ему боль. Здорово, что у меня так быстро появилась причина вернуться домой. Захлопнув за нами

дверь, я сама себе удивилась. Нормально ли это с точки зрения закона: показывать свою квартиру ребенку, когда ты даже имени его не знаешь? Зато я знала, как зовут его воображаемую собаку. Я почувствовала, что могу произнести слово «Поль» и не выдать при этом, что знаю — его не существует. Когда судья скажет мне, что у мальчишки не было никакого пса, я поведу себя так, будто очень удивлена, разочарована, даже уязвлена. Я немного всплакну. Возможно, мальчишку посадят за вранье. Я покосилась на его замечательные теннисные туфли и решила, что он и с этим справится. А вот я, наоборот, никогда не умела убедительно носить спортивные шмотки, и тюремная жизнь наверняка меня прикончит.

Он прошелся по моей гостиной, прикасаясь к вещам, которые когда-то много для меня значили, а теперь казались не к месту. У меня много предметов абстрактного искусства. Он трогал их ногтем. Двумя пальцами подобрал валявшуюся на полу книгу и помахал ею в воздухе. Подзаголовок гласил: «Как сохранить любовь и близость при длительных отношениях». Я работала над книгой, слово за словом. Пока я освоила «Сохранить» и приступила к «Любви». Я беспокоилась, что пока дойду до «Длительных» и «Отношений», уже забуду о «Сохранить», не говоря уж про «Как», «Близость» и всё остальное. Так и держа книжку двумя пальцами, мальчик отнес ее на кухню

и аккуратно положил на пол в уголке. Я поблагодарила его, он кивнул.

— У тебя есть баклажаны под сыром пармезан?

Я сказала, что нет. Мы переместились в спальню. Он уселся на исполинскую кровать, скинул обувь, откинулся на спину, и лежал так, «звездочкой», растопыбив руки и ноги. Я переложила расческу, валявшуюся на туалетном столике, поаккуратнее и потихоньку сунула гель в ящик. Мне не хотелось, чтобы он подумал, будто я из тех, кто пользуется гелем для волос, потому что я не из тех. Гель оставила подруга. Разве не здорово? Допустим, у меня есть подруга, как-то раз она пришла в гости и забыла свой гель. Так бы я и объяснила, если бы он спросил. Если бы открыл ящик.

— Тебе нужно поставить двухъярусную кровать, тогда освободится много места, — заявил он, притворяясь, что его засасывает в узкую щель между кроватью и стеной.

— А зачем мне свободное место?

Невероятно, но теперь он стоял в этой узкой щели. Мне никогда не приходило в голову там пропылесосить.

— Тебе не нравятся двухъярусные кровати?

— Вообще-то мне такая штука ни к чему.

— Зато ты сможешь приглашать друзей и подруг с ночевкой.

— У меня и так достаточно широкая кровать, они могут спать со мной.

Он смерил меня долгим, странным взглядом, и мое внутреннее «я» съежилось, словно расплавленная ложка. Зачем кому-то спать рядом со мной, если можно устроиться на втором ярусе, как на корабле? Как он считает, есть ли двухъярусные кровати в «Мервинс»*, спросила я у него. Он сказал, что, наверное, да, но мне все же следует позвонить и уточнить. Я сходила в кабинет за телефонной книжкой и телефоном и вернулась. Пока я звонила в «Мервинс», он выдвинул ящик туалетного столика. Я покраснела. Он достал гель, выдавил большую порцию на ладонь, быстро зачесал свои гладкие черные волосы назад и посмотрелся в зеркало. Он походил на человека, стоящего на сильном ветру. Вид был настолько невероятный, что мы переглянулись и улыбнулись. В «Мервинс» сказали, что двухъярусная кровать стоит всего 499 долларов. Мальчик сказал, что цена вполне разумная. Сказал, что заплатил бы за двухъярусную кровать даже миллион, если бы он у него был.

Мы направились в прихожую, он сказал, что ему уже пора. Произнес это извиняющимся тоном, как будто я теперь без него не выживу. Я сказала, что это очень кстати, потому что у меня полно работы. Говоря «полно работы», я широко развела руки — мол, вон ее сколько, этой работы. Он уставился в про-

* «Mervyns» — американская сеть универсальных магазинов, торгующих одеждой, мебелью, косметикой и бытовой техникой.

странство между моими ладонями и спросил, не играю ли я на аккордеоне. Я представила аккордеон в своих руках, представила, как бы мальчишка обрадовался, если бы я ответила «да». Я сказала «нет», и с дивана свалилась подушка, сама собой. Такое иногда случается, я предпочитаю не обращать внимания. Мальчик слегка приподнял брови, и я поняла, что спасена. Я не играю на аккордеоне, у меня нет двухъярусной кровати, зато есть подушки. Они иногда шевелятся. Я открыла дверь, и он ушел не попрощавшись. Я глядела, как он переходит через улицу, направляясь к салону красоты «Лам Кьен». Вот дверь за ним захлопнулась. Я тоже захлопнула свою дверь и услышала свист. Это был звук, с которым Земля, вращаясь, уходила из-под ног — с такой скоростью, что трудно и вообразить. И, уносясь прочь в похожем на воронку вихре, всё сущее на Земле саркастически смеялось — мол, теперь-то тебе уже никогда всего этого не изведать. Я выглянула в окно. За кустом можжевельника ничего не было, только густой серый дым, расплывшийся во все стороны. Я резко сдвинула шторы так, что одна захлестнула другую. Прошлась по квартире. Поглядела на книжку, лежавшую на кухонном полу, в уголке. Снова прикрыла флакон с гелем крышечкой. Покрывало на кровати было смято. Я провела рукой по географическим изгибам одеяла. Вот поймы рек, а вот горные цепи. А вот гладкая и пустынная тундра.

А вот город, и в этом городе есть салон красоты. Я скинула обувь и забралась под одеяло. Прошептала: «Закрой глаза», — в самом деле закрыла глаза и представила, что сейчас ночь и весь мир вокруг спит. Я говорила себе, что мое дыхание — это дыхание всех живых существ в мире, даже людей, даже мальчика, даже его собаки. Все вместе, все дышат, все на свете, ночью.

Занимались любовью — 2003

У нее была подушечка-игельница с надписью: «Занимались любовью — 2002». На диване сзади было написано голубым цветом: «Занимались любовью — 1997», — и завитушки. Наверное, были и еще надписи, но я решила их не искать. Боялась найти датированную этим годом. А если такой не было, мне не хотелось знать, почему. Она задавала мне какие-то

дежурные, вежливые вопросы, мы ждали ее мужа.

— Он говорит, у вас большой талант. Вы самоучка?

— Да. Хотя вообще-то я только начинаю. Мне еще столькому надо научиться!

— Ну, судя по всему, вы взяли удачный старт.

— Спасибо.

Вскоре мне показалось, что она начинает слегка раздражаться: на мужа, который никак не приходит, и на меня, никак не желавшую уходить. До меня дошло, что, если он не объявится в самое ближайшее время, уйти все-таки придется. Сердце мое опустилось, я ведь не планировала свое будущее дальше этой встречи. У меня на компьютере висела его приклеенная визитка, я составила себе подробное расписание на год вперед, и вот, все было выполнено, а он просил позвонить, когда все будет выполнено, и я позвонила, и теперь ход за ним. Я в его распоряжении, пусть делает со мной что хочет. А что он захочет? Что мужчины делают с очень талантливыми девушками, которые написали за них книгу? Может, он меня поцелует? А может, предложит стать его дочерью, женой или нянькой? Отправит меня вместе с книгой на следующую ступень, в издательство? Помассирует мне ноги и заставит кричать? Мы с его женой ждали, чем все закончится. У нее терпения было меньше, чем у меня. Я была готова ждать

вечно, а она давала ему всего пять минут. Мы просидели пять минут в тишине, а потом она встала и сказала:

— Ну что ж...

Я подняла на нее взгляд и улыбнулась. Я прикинулась иностранкой, не понимающей ее жестов и намеков. Она стиснула губы и поглядела на собственные руки.

— Возможно, он звонил вам домой, чтобы перенести встречу.

Я кивнула, но знала, что никуда он не звонил, потому что я выехала из квартиры и перетащила все вещи в машину, которая была припаркована перед его домом. Я была готова сняться с места и двинуться в путь. Куда уж тут переносить встречи? Я могла подождать в машине или в доме, но больше мне деться было некуда. Я предпочитала ждать в доме.

— Занимайтесь своими обычными делами, не обращайтесь на меня внимания, — сказала я.

Она смерила меня таким взглядом, будто раньше подобных дур ей видеть не доводилось. Мне было плевать. Это ведь не ее визитка была приклеена к моему компьютеру, лежавшему на заднем сиденье моей машины.

— Обычно я в это время пишу, — сказала она. Я в этом сомневалась, но, может, она и не врет. Может, она пишет письма своей сестре. Или пишет «свитера» на большой коробке со свитерами, которую нужно на лето убрать на чердак.

— А что вы пишете?

— Это продолжение книги, которую я написала несколько лет назад.

— Ясно. А как называлась та, первая книга?

— «Стремительно вращающаяся планета», — она произнесла это деликатно, вежливо, зная, что я слышала это название. Я встала и почувствовала боль в затекших ногах. Я не собиралась подниматься, пока он не придет, но вот она я, поглядите, стою перед известной писательницей Мэделин Лэнгл. Я еще раз оглядела гостиную. Это была гостиная Мэделин Лэнгл. «Занимались любовью — 2002», «Занимались любовью — 1997». Возможно, в других комнатах накопилось еще много таких подушечек, аж с самых шестидесятых. Я посмотрела на ее коричневые, с иголки, брюки и подумала, что и в эту самую минуту он тоже занимается с ней любовью. Когда достигаешь определенной точки накала, любовь входит в резонанс и становится бесконечной. Он задерживался, и это тоже способ проявления любви к ней, а она хотела заняться своей книгой, но вместо этого развлекала меня беседой, и это был ее способ проявления любви к нему. Я была просто частью любви между Мэделин Лэнгл и ее мужем. Маленьким фрагментом «Занимались любовью — 2003». Мне вдруг в одночасье стало ясно, насколько непродуманны были мои планы. Я сказала, что без ума от «Стремительно вращающейся планеты» и с нетерпением жду продолжения.

Она поблагодарила меня и заверила, что он непременно позвонит, если уже не позвонил. Она проводила меня до дверей. Там, у крыльца, стояла моя машина. Мы смотрели на машину. Салон был забит вещами, кое-что даже торчало из багажника. Мы обменялись рукопожатиями, и я зашагала к машине. Мне хотелось, чтобы можно было идти к ней вечно. По крайней мере, точно знаешь, куда идешь. Я иду к машине.

Когда не знаешь, куда едешь, это даже не похоже на вождение. Надо бы сделать в машинах такую функцию — езда на месте, почти как бег на месте. Или хотя бы поставить дополнительную фару между тормозными огнями, когда ты ее включаешь, то даешь окружающим понять: еду куда глаза глядят. Мне казалось, будто я обманываю остальных водителей, и хотелось сообщить им правду. Но чем дальше я ехала, тем явственнее чувствовала, что мне словно бы есть куда ехать. Я выполняла сложные левые повороты, на которые никто не решается, пока не приспичит. Иногда я постоянно поворачивала налево, огибая таким образом квартал, а когда возвращалась в исходную точку, с разочарованием обнаруживала, что все водители вокруг — новые. Это совсем не походило на кадрили, когда ты как по волшебству заканчиваешь танец с первоначальным партнером, смеясь и испытывая головокружительное облегче-

ние оттого, что, потанцевав со всеми на свете, снова нашла его. Но те водители развернулись и поехали дальше своим путем; кто-то из них уже наверняка на работе, а кто-то на полдороги в аэропорт. Пожалуй, вождение — полная противоположность танцам. Мне самой стало интересно: я что, теперь весь остаток жизни буду придумывать сложные способы загнать себя в депрессию? А все оттого, что я закончила книгу и приехала на встречу с человеком, который год назад взял с меня обещание, а его не оказалось дома.

Что на моем месте сделала бы любая другая женщина? Поехала бы к своему молодому человеку. Она бы плакала, ей бы совали в руки одноразовые платки, она бы все плакала, не задумываясь о том, что должна бы, напротив, радоваться и улыбаться, потому что у нее есть любимый человек, существо из плоти и крови, живущее в той же самой реальности, что и она. Я знаю, о чем говорю, я написала на эту тему целую книгу, как и обещала мужу Мэделин Лэнгл. Снова писать о том же самом мне хочется меньше всего, поэтому я кратенько резюмирую. Когда мне было пятнадцать, в моей комнате среди ночи возникла темная фигура. Было темно, но фигура светилась — одна из тех вещей, с которыми приходится мириться, когда речь идет о воображении. Фигура не была похожа на человеческую, но я сразу поняла, что во всех остальных отношениях, кроме облика, это существо как человек. Порой

выясняется, что внешний вид — это не то, что делает человека человеком.

Я сразу поняла: это сексуальный хищник, он надвигался на меня, а я оставалась в полном сознании и в одной только ночнушке, точнее в длинной футболке. Вот почему лучше спать в трусиках. Я была напугана, но не до такой степени, когда кажется, что лучше умереть, чем пошевелинуться или выдохнуть. Я пристально следила за фигурой и строила планы, как бы половчее соскочить с кровати и подхватить валявшиеся на полу джинсы. Тогда я еще вообще ничего ни в чем не смыслила и понятия не имела, что по сравнению с сияющей тьмой все человеческие движения замедлены в десятки раз. Я успела только слегка приподнять руку, как темнота навалилась на меня. Этот эпизод я растянула на целую главу, потому что знала — муж Мэделин Лэнгл придет от него в экстаз. А проще говоря, случилось вот что: он меня трахнул. Он это сделал, войдя в мое тело целиком. Вся темнота была теперь внутри меня, и я чувствовала, как она светится — будто рычажок громкости на магнитофоне, показывающий, куда его двигать. Всего лишь в прошлые выходные я впервые танцевала по-взрослому, соблазнительно: движения бедер и биение сердца слились в едином ритме, предрекавшем мне великие перемены. Однако я не подозревала, что это случится так скоро и вот таким образом. Позже я решила, что,

наверное, мой танец был исполнен такой силы, что притянул к себе события из какого-то дальнего уголка вселенной. Не хочу сказать, будто я сама этого просила, но бывают такие моменты, когда мы посылаем мысленные сигналы не только парням в зале, а вообще всем живым существам.

Кое-кто предполагал, что я выдумала историю с темной фигурой, чтобы справиться с болью от более «земного», обычного изнасилования. Если вас интересует эта теория, могу порекомендовать несколько отличных научных исследований о девочках, которые так поступали, вдали. Если я и была в первый миг напугана, то только потому, что не знала, смогу ли пережить такое наслаждение. Я думала, что, наверное, продала за это свою жизнь. Чтобы чувствовать, как мои подростковые желания возрастают до нечеловеческих пропорций. Чтобы рассматривать свое собственное тело и знать, что падение будет означать не просто смерть, а многократное умирание. Падение, длящееся миллион лет, как музыкальная кода, сыгранная на флейте ветром. А потом приземление, без единой мысли, но с разбитым сердцем. Потом мы обнимались, я была робкой и застенчивой. Я провела рукой сквозь темный силуэт и спросила, не больно ли ему, но знала, что никакие мои действия не причинят ему боли, я могу только доводить его до белого каления. Вот он снова скольз-

нул внутрь меня, а потом я ненадолго уснула и проснулась в страхе, что все закончилось. Но он все еще был там, окутал меня облаком и сгладил мой шрам от аппендицита — мне самой такое было бы не под силу.

- А что еще ты можешь?
- Любить тебя?
- А как насчет еще каких-нибудь трюков?
- Нет.
- Но я для тебя единственная?
- Ты самая чудесная на свете.
- Правда?
- Да, в сто раз лучше остальных.

Я оказалась в таком же положении, как все девочки, встречавшиеся с ребятами из других школ. Мы будто присутствовали на уроках, а будто и нет. Наши чувства было никому не задеть, потому что мы были где-то там, за пределами студенческого городка, далеко, как северное сияние. Я рисовала в своем блокноте картинки: темная клякса в центре сердечка. Клякса и я в пересекающихся сердечках. Я, клякса и полуребенок-полуклякса. Прежде чем лечь спать, я наносила на лицо макияж и сначала надевала миленькие ночнушки, но к концу старших классов стала ложиться в постель голой; я ждала. Все наши беседы проходили, точнее, протекали у меня в крови, а если мне хотелось услышать его голос, я удерживала на своем пластиковом синтезаторе мидиз и до средней октавы, и из-за этих звуков

доносился далекий, нечеловеческий, смешанный с шумом голос, похожий на рев мотора. В этой любви таилось острое и нетерпеливое ожидание. Он будет сосать мою грудь, и рот у меня пересохнет от жажды, мне тоже захочется у него отсосать. Я была убеждена, что трахать меня куда приятнее, чем все, что могла испытать я. Теперь-то я знаю, что это не так, но следует помнить, что технически я все еще оставалась девственницей. Я даже никого еще не целовала.

Эта история заканчивается в колледже. Я стала резкой и озлобленной, мне был нужен настоящий парень. Темная фигура плакала, так невероятно грустно, как может рыдать только воздух, а я наполнилась всепоглощающим сочувствием — но к самой себе. Я была уверена, что наши отношения вредят мне, я заделалась феминисткой, а за всем этим скрывалось обычное любопытство. Мне было интересно взглянуть на эту штуку, член. Темная фигура сделала единственный возможный ход: она пообещала прийти ко мне в человеческом облике. Как мужчина по имени Стив.

— Ты пойдешь со мной на свидание, когда я приглашу? — спросил силуэт.

— Да.

— Даже если я урод с ужасным характером?

— Все равно да.

— Нет, не пойдешь.

— Пойду!

— Ты говоришь так только потому, что торопишься.

— Не хочу по твоей милости пропустить автобус.

— До свидания, милая.

— Пока! А где мой рюкзак?

— Лежит на столе.

— А! Пока.

Примерно через год я встретила мужчину по имени Стив. Он был отцом моей подруги и умирал от рака. Я два месяца помогала ей ухаживать за ним. Иногда она выходила из комнаты, а я наклонялась над его постелью и шептала «привет», и он шептал «привет», я брала его за руку, и мы какое-то время держались друг за друга. Он не был моей темной фигурой. Но когда я растирала его иссохшие руки, я ощущала в них что-то поразительно быстрое, средоточие скорости. Все процессы в нем удивительно ускорились, и при этом ему приходилось умирать в оскорбительно замедленном темпе, потому что так происходит со всеми. В последние дни мы с подругой несли возле него неусыпную вахту, обе в отчаянии. Мы ставили музыку, которая могла бы ему понравиться, но на самом деле кто его знает... Какая ужасная ошибка — променять чудо на реальность! После смерти Стива я перестала дружить с его дочерью и уехала из общегития. Когда я начала писать, это было от страха. Я думала, что забуду; или притворюсь,

что забыла; или притворюсь, что притворюсь; или повзрослею. То, что мой консультант из колледжа, муж Мэделин Лэнгл, называл многообещающим произведением, родилось как доказательство. Однажды я вручу ему этот текст, и Стив кивнет и скажет: «Да, ми-диез, да, среднее до, да, наконец-то ты нашла меня, садись ко мне на колени, милая».

Я решила, что, наверное, стоит обогнуть дом Мэделин и посмотреть, нет ли у крыльца его машины. Либо так, либо надо начинать карьеру в какой-нибудь другой области, не писательской. Если я придумаю себе новое поприще до того, как доберусь до их дома, то развернусь и поеду своим путем. Я вела машину так медленно, будто бы она тоже размышляла. Выбирала для меня карьеру. Я поглядела в ветровое стекло и попыталась представить, кем видят меня прохожие, когда смотрят на мою машину. Но они не смотрели на мою машину, их взгляды были направлены внутрь себя. Они думали о себе и своих машинах; у них был бурный роман с собственной спешкой. Каждый шаг был для них как последний, но он оказывался не последним. Они не поднимали взглядов, не смотрели на мои фары и не шептали: «помощник по особым делам», — поэтому, завернув за угол квартала, где жила Мэделин, я все еще намеревалась стать писателем. Вот она, его машина. Только она не на месте; она была припаркована возле дома в другом кон-

це квартала. Может быть, всем остальным известно, что это означает? Сперва мне пришла в голову мысль о болезни Альцгеймера, и я испугалась, что мои жизнь и карьера оказались в руках человека, который даже не помнит, где его дом. После окончания колледжа прошел уже год, за это время его жизнь вполне могла рассыпаться на куски. Мэделин, должно быть, делала для него все возможное. Ох, Мэделин... А он сидит в машине. Я слышала, что у многих людей с болезнью Альцгеймера мозг возвращается на стартовые позиции, и они даже не помнят, как выйти из машины. Я зашагала к нему, чувствуя, как во мне просыпается новое призвание. Я стану сиделкой мужа Мэделин Лэнгл. С моей помощью у нее появится достаточно времени, чтобы написать продолжение. Я буду делать все, что обычно делают примерные дочери, только за деньги. До чего же прекрасно, когда в тебе кто-то нуждается. Я направлялась к машине.

Сначала мне показалось, что у него на коленях кошка, но потом я разглядела, что это Тереза Лодески. Мы обе посещали курс древнекитайской философии, первую его ступень. Она так и не сдала зачет, но теперь я убедилась, что все-таки некоторым образом сдала. Тереза Лодески была очень-очень миленькая, однако у нее имелась сестра-близнец Полина, которая была бесконечно милее. Если поставить их рядом и хорошенько разглядеть их лица, черточку за черточкой, пытаюсь

отыскать различия, вы так ничего и не найдете. Но все знали. Если на Терезу кто-то и обращал внимание, то лишь чтобы убедиться, что это не Полина. Когда выяснялось, что нет, от нее отворачивались; когда выяснялось, что да — задерживали взгляд чуть дольше. Это точно была Тереза, и она наконец нашла себя.

Мне следовало уйти в ту самую секунду, как я обнаружила, что у него нет Альцгеймера. Но у меня задрожали руки. Я была ангелом, глядящим с небес на землю, на одну конкретную машину, на двух представителей человечества, на их души и то, что скрывается за их душами: вакуум. Она подняла взгляд, наши глаза встретились, она вспомнила меня по древнекитайской философии. Муж Мэделин Лэнгл открыл рот. Я знала наверняка, сейчас он задаст один из пяти стандартных вопросов: кто, что, почему, где или когда.

- Кто это?
  - Та девушка.
  - Какая девушка?
  - Она уже ушла.
  - Она нас видела?
  - Да. Она ходила на курс по древнекитайской философии.
  - Что?
  - Мы вместе учились.
  - Ты, блядь, что — разыгрываешь меня?
- Ты ее знаешь?
- Наверное, мне пора.

— Блядь! Вот блядство! А меня она разглядела?

— Нет. Я ухожу.

— Она все еще там?

— Нет, она ушла.

Как людям удастся отпустить? Моя книга — это длинная перчатка, цепляющаяся за темную фигуру, которую я любила. Внутри перчатки находилась очень бледная, почти детская рука, которая так и не научилась ухватывать кожу. Было так промозгло, что асфальт казался влажным. Я растворялась в глазах каждого встречного. Вкус еды казался до невозможного странным. Дети подумали, что я тоже еще девчонка, они пытались вовлечь меня в игру, но я не могла ни играть, ни работать, я могла только удивляться. Зачем люди вообще живут? Каждую неделю я прочитывала весь раздел объявлений в газете от корки до корки. Недвижимость, работа, частные консультации, бытовые услуги, объявления о пропаже, музыканты предлагают свои услуги, знакомства, женщины и мужчины ищут друг друга и самих себя, свидания вслепую и автототехника. В конечном счете я сузила выбор до: «Мощное трио ищет классного второго гитариста, чтобы играть тяжелый рок» или «Анджела Митчелл, лицензированный социально-медицинский работник, предлагает целительный курс, направленные на единение тела, разума, духа и мира». Остановилась

на Анджеле Митчелл, потому что в трио требовался крутой тусовщик, а я даже толком не понимала, что это такое. Но, поднимаясь на лифте в офис Анджелы, я шептала себе под нос «крутой тусовщик», и эти слова почему-то меня успокаивали. Я надеялась, что хотя бы объявление Анджелы можно понимать буквально. Я вообразила себе сеанс парной психотерапии для нас с темной фигурой.

Но, сидя у нее в большом мягком кресле и глядя на абстрактную картинку с оранжевыми кругами внутри еще более оранжевых кругов, я обнаружила, что онемела. Когда она наконец спросила, зачем я пришла, я ответила, что рассталась со своим бойфрендом еще год назад, но до сих пор сожалею об этом. Она устремила на меня взгляд, полный такого безграничного сочувствия, что я немедленно разревелась. Мысли неслись вскачь: может, она захочет меня удочерить, или взять в помощницы, или стать моей любовницей. Я высморкалась, и она спросила, видела ли я мюзикл «South Pacific»^{*}

- Кажется, да, по телевизору.
- А помните сцену, где женщины моются?
- Нет.
- Они поют короткую песенку. Помните, о чем она?
- Нет.
- «Я смою этого мужчину с моих волос».

^{*} Один из старых бродвейских мюзиклов о расовых предрассудках.

- О!
- Понимаете, что я хочу сказать?
- По-моему, да.
- Хотите поговорить о чем-нибудь еще?
- Ну, я подумываю о том, чтобы подыскать работу. Как вы считаете, стоит?
- Несомненно.

Помощник по особым делам помогает учителю для особых нужд, который учит детей с особыми нуждами. В Бакмане, куда меня наняли, был переходный период. Первоначально это была школа для самых разных детей-инвалидов, но потом ребятишек с физическими пороками развития (с теми, которые видно невооруженным глазом) отправили в образовательный центр Логана. В Логане для учеников-колясочников была разработана потрясающая игровая система обучения, а еще там были «мягкие комнаты», где детей вытаскивали из инвалидных кресел и разрешали двигаться любым доступным способом. Учителям регулярно напоминали, что движение — не просто способ добраться из пункта А в пункт Б, это воля и эмоции; они там изобрели новый язык жестов. Раз в месяц к ним приезжала группа исследователей из «Майкрософта». Ученые снимали обувь, ложились на пол, а вокруг все шло своим чередом. Именно так они изобрели сенсорную компьютерную мышь. О Логане ходило столько разговоров, что мы с учениками чувствовали себя не

у дел. Мы читали слишком медленно или слишком быстро, но не понимая ни слова, мы были слишком нервными, чтобы учиться, слишком эмоциональными, слишком раздражительными; учебный процесс казался бесполезным.

Ученикам разрешалось держать оранжевые пузырьки с риталином и аддеролом* прямо на партах. Согласно правилам, они в любой момент и под любым предлогом могли быть освобождены от урока, стоило им только поднять руку и попросить. У риталина была куча побочных эффектов: головные боли, тревожность, нарушения сна, раздражительность, депрессия, расстройство пищеварения и панические атаки. Мне поручили детей, которым требовалась дополнительная помощь по части чтения. Теперь я знала, куда иду: с последних строк одной страницы в начало другой. Казалось, я могу заниматься этим до скончания веков, ведь ничто больше не имело значения. Я была само терпение: само определение терпения; само терпение, написанное с ошибками; само терпение, выговариваемое медленно-медленно, буква за буквой, первая «е» произносится как «и».

Летом школу под названием Обли, где тоже обучались дети с проблемами, прикрыли — оказалось, что при строительстве использо-

* Сильнодействующие лекарства, которые обычно прописывают детям с синдромом повышенной двигательной активности и расстройством внимания.

вался асбест. И Бакману пришлось принять всех тамошних учителей и учеников. У нас был запас мест, потому что часть ребят перекочевала в Логан, но все равно жизнь превратилась в кошмар. Дети освоились быстро, а вот учителя ненавидели друг друга, как сноха со свекровью. Каждый считал свою методику единственно правильной; на доске в учительской столовой регулярно появлялись воззвания в поддержку чистописания или против линеек перед звонком. Я была за чистописание. Я поставила подпись под воззванием за чистописание. Потом вышла из столовой и направилась в свой кабинет. Прибралась на учительском столе и написала мелом на доске слово «пуэбло»^{*}. Выводя букву «о», я затаила дыхание. Я выписывала ее медленно, очень медленно. В дверь класса постучались. «О» было закончено. Я отложила мел и зашагала к дверям. О, как стучит сердце. О, перехватило дыхание. О, и как я догадалась? Я распахнула дверь. У него были светло-каштановые волосы и рост повыше моего. Лицо у него было звериное, помесь кота и жирафа, один его вид красноречивее слов. Одевание его было небрежно и великолепно: просто области щедро прикрытой наготы. Он извинился за опоздание, а я ответила: «Главное, что ты пришел», — и обняла его. И его тьма на миг поглотила меня, а шепот: «Привет, милая», — просочился прямо

* Pueblo — индейское поселение (англ.), деревня (исп.).

в кровь. Он отпрянул, подросток отпрянул, но взгляды наши переплелись, словно пальцы в рукопожатии. Он вручил мне записку.

Уважаемый учитель,

Прошу извинить Стивена Крауза за отсутствие на уроках. На последней неделе в Обли он подхватил бронхит, поэтому не смог присоединиться к занятиям в Бакмане в апреле, вместе с другими учениками. Теперь он здоров и готов наверстать упущенное.

*Спасибо за понимание,
Мэрилин Крауз*

Он оказался не слишком сообразительным, да и зачем ему? Он был темной кляксой. Подростком, который нуждался во мне, и я как будто тоже была подростком и нуждалась в нем. Так что я взялась ему помогать. Я подсаживалась за его парту, и мы вместе разбирали параграфы, мучительно выговаривали слова, связывая их в человеческие предложения, в которых было мало смысла. Мне вдруг стало казаться, что речь вообще ничего не значит. Если я скажу: «Ты был моим воображаемым любовником», — это ничего не прояснит. На самом деле я уже пыталась это проделать, прямо сразу. Я принесла свою книгу, ту самую, на которой так и оборвалась моя писательская карьера, и, нервно ерзая, сидела рядом с ним,

пока он читал по слогам весь пролог, краткое содержание и посвящение ему, моей темной фигуре. Моему восхитительному, едва достигшему половой зрелости, аутичному одноразовому любовнику. Будущему любовнику.

— Я задам тебе несколько вопросов, чтобы проверить, как ты понял прочитанное. Хорошо?

— Хорошо?

— В книге рассказана правдивая история?

— Да. Нет, погодите, нет! Нет.

— Но это правдивая история.

— А, я так и подумал. А потом подумал, что вопрос с подвохом.

— Нет, все вопросы самые обычные.

— Ладно.

— Итак, автор пишет: «Когда мне было пятнадцать, в моей комнате среди ночи возникла темная фигура». О ком она говорит? Кто эта темная фигура?

— Кто?

— Да. Это ее отец? Это ты? Кто это?

— Хммммммммммм. Кажется, в этом куске книги нам этого не говорят.

— Правильно не говорят.

— Это был вопрос с подвохом.

— Ну, прости.

Это было что-то вроде водораздела. Я знала его, и он тоже где-то глубоко в душе знал меня, и моей задачей, как помощника по особым делам, было разбудить его память. Я напоминала

себе кого-то типа Энн Салливан. Впереди нас ждет переломный момент, как когда Энн плеснула в лицо Хелен Келлер водой, а та написала на руке Энн слово «вода» — сначала медленно, а потом быстрее и быстрее, плача и смеясь одновременно. Энн Салливан описала этот момент: «Внезапно у меня появилось зыбкое чувство, будто я что-то забыла — и радость от вновь пойманной мысли; и мне неожиданно приоткрылась тайна языка». Только нам-то предстояло открыть не тайну языка, а тайну саму по себе. Тайну, которая была первороднее речи и все еще скрывалась в тумане. Я видела, как внутри него клубится тьма. Я видела, как во время игры в баскетбол на перемене его ноги не касаются земли. Порой он летал. Не как птица, а легче — как человек.

Конечно, как помощник по особым делам я могла сделать не так уж много. Например, я могла молиться. Я молилась, глядя в его глаза, и моя молитва звучала так: «Привет, привет, привет». Иногда я слышала, как темная фигура отзывается, и тогда мне приходилось стискивать пальцы и держать руки по швам, подальше от мальчика. Мальчика, который был неотразим, как бывают неотразимы только мальчики. Ах, как он откидывал волосы с потного лба, какой насыщенный запах исходил от него, как его рука сжимала карандаш, сжимала карандаш, сжимала карандаш, его рука! Наши прежние отношения были так

просты, как сон, в котором любовники сливаются друг с другом полностью. А теперь появился дополнительный фактор, этот мальчик, и чувство, которое отпечаталось у меня изнутри, желание трахнуть его, как он трахнул меня, когда мне было пятнадцать, в другой галактике.

Я подумала, что ближе мне уже к нему, к темной фигуре, не подобраться. Так что вскоре я оставила попытки приучить его к чтению. Решила, что чтение — неподходящее направление для развития наших взаимоотношений. Не всем непременно надо быть грамотными, есть веские причины избегать слов и одна из них — любовь. Неспособность мальчика к обучению было способом темной фигуры сказать: «Я люблю тебя, я здесь, это я». Я старалась довольствоваться этим, а пока суть да дело мальчишка и сам влюбился в меня. Это было ужасное, кошмарное, прекрасное чудо. Это было, как мне казалось, то самое, что я упустила в старших классах. Он смотрел на меня, потом отводил взгляд, снова смотрел и снова отводил, потом нечаянно сломал карандаш и сказал «черт», и покраснел, и посмотрел на мои ноги, а потом на пол. Долгий, тяжелый взгляд на линолеумный пол. Естественно он видел там совсем другое: сиськи и раздвинутые ягодицы своей молодой училки, представлял, что бы он с ними сделал. Ничего в жизни я так не обожала, как наблюдать за ним, когда он смотрит на свою парту,

будто под ней прячется его стояк. Вообще-то так и было.

Это всегда происходит одинаково. Ученик идет домой из школы, а учительница, проезжая мимо, спрашивает, не нужно ли его подвезти. Паренек смотрит на учительницу. Солнце бьет ему прямо в глаза, он щурится, повисает пауза, во время которой во вселенной протекают всего два процесса: солнце светит, а парень щурится. Даже птицы не летают. Из-за солнца и прищур учительница на миг впадает в ступор, но этого не достаточно, чтобы спасти мальчишку. Она тянется через сиденье и открывает пассажирскую дверцу, и вместе с этим движением юность паренька заканчивается, и начинается зрелость.

— Подвезти тебя до дома?

— Как хотите.

— Тебя ждут дома к определенному времени?

— Нет.

— Куда бы ты хотел поехать?

— Э-э, давайте где-нибудь припаркуемся.

В первые шесть месяцев я постоянно пребывала в изумлении. Я глядела на другие парочки и недоумевала: как им удастся сохранять спокойствие? Они даже за руки держатся так, будто вовсе не держатся. Когда я держала Стива, то не отводила глаз от наших рук, не переставала восхищаться. Вот моя рука, та

самая, с которой я прожила всю жизнь — но смотрите-ка! Что это в ней? В ней зажата ладонь Стива! А кто такой Стив? Мой трехмерный возлюбленный. Каждый день я гадала, что же будет дальше. Что случается с людьми, когда они счастливы и перестают чего-то добиваться? Я предполагала, что останусь счастлива навечно. Я знала, что не разрушу наш мир, пресытившись и заскучав. Однажды я уже совершила такую ошибку.

Было несколько моментов, осложнявших дело. Во-первых, он не знал, что прежде мы уже встречались. Однако, как выяснилось, это не имело значения. Любовь все равно была у нас в крови. Он называл возникшее между нами чувство «странным», и мне нечего было добавить. Я целовала его ноги сзади, и они пели. Он разворачивался и затаскивал меня к себе на спину, и лежала там, как на разогретом песчаном пляже. Вот так. И это все. В этом смысл всего сущего.

Во-вторых, нас разделяла разница в возрасте. Когда встречаешься с человеком намного моложе себя, начинаешь замечать вокруг другие такие же пары. Ты встречаешь людей, у которых партнеры на пятнадцать или даже двадцать лет старше или моложе. Ты заводишь с ними разговоры.

— По-моему, это возбуждает.

— О да, по-моему, тоже. Ни за что не стала бы встречаться с мужчиной моего возраста,

они должны быть как минимум на десять лет моложе.

— Стив как раз на десять лет моложе меня. Кажется, ему нравится, что я старше.

— Конечно, нравится. У всех парней бывают фантазии насчет женщин постарше. Это все связано с матерями.

— Да, но я, слава богу, моложе его матери.

— А я нет. Мамаше Гейба сорок.

— В самом деле? А вам сколько?

— Сорок три. А вам?

— Двадцать четыре.

Мы научились вести себя осмотрительно. Здорово помогало, что людям вообще-то нет дела друг до друга, их волнует только собственная жизнь. Время от времени им надо удостовериться, что вы не замышляете убийство (убийство кого-то, кого они знают лично), а потом они снова возвращаются к своим рассуждениям об ожидающем их вскорости настоящем прорыве в отношениях с самими собой. Все постоянно хотят куда-то прорваться, как в песне «Doors»: «Прорваться насквозь (на другую сторону)». Но я-то вправду прорвалась. Уже дважды, и у меня возникло ощущение, что вселенная полна прорех, и можно управлять ею и даже при желании оставить с носом. И все это время я оставалась помощником по особым делам. Помогала ребятишкам направо и налево. Я старалась достучаться до их природных энергий и привести их, пусть не в буквальном, а в переносном смысле,

к возможным удовольствиям. Я хотела, чтобы все они однажды узнали, что такое любовь. Я хотела, чтобы девочки расправляли плечи и бесстрашно входили во тьму. Я хотела, чтобы мальчики немного уgomонились. На задних партах сидела горстка мальчишек, которые не обращали на учителей никакого внимания. Они то и дело обменивались записками, даже не удосужившись свернуть их в маленькие квадратики, чтобы было незаметно. Записки плыли над задними партами как огромные белые парусники. Это доводило меня до белого каления, ужасно хотелось учинить над ними что-нибудь унижительное, чтобы впредь не смели передавать такие исполинские записки. Для чего, спрашивается, человечество придумало складывать бумагу пополам и вчетверо? Как-то раз я метнулась вглубь класса и сцапала первый попавшийся парусник. Лист не сложили даже вдвое. Там было написано: «Кейтлин сосет у Стива К.».

Наверное, я должна была испытать облегчение, раз там упоминалось не мое имя. Но я не испытала. У меня пресеклось дыхание. Я была совершенно не готова к такому развороту. Мои бедра превратились в трясущееся желе, и я внезапно поняла, почему многие так любят оружие. Не для стрельбы — о боже, нет, я убежденная пацифистка, — просто приятно иметь его под рукой. Знать, что оно есть. Если бы у меня в ящике учительского стола лежал пистолет, я бы подумала о нем

и немного расслабилась. Я бы перевела дух и пожурела мальчишек. Но раз уж пистолета не было, я направилась к парте Кейтлин. Я взглянула в ее круглое лицо, и по классу словно бы пронесся легкий ветерок. Я попросила ее «пожалуйста, выйти в коридор», — оказалось очень сложно облечь воздух в такие слова. Она встала и пошла к двери, я за ней. Когда я проходила мимо Стива, он выглядел как пятнадцатилетний мальчишка, которому вот-вот достанется от училки. Мы с Кейтлин вышли в коридор. Там пахло воском и перезрелыми бананами.

— Так ты сосешь у Стива?

— У какого Стива?

— У Стива К.

— А-а, я-то думала, вы про другого Стива.

— Про Стива Гонсалеса?

— Ну да.

— Нет. Он твой парень?

— Стив Гонсалес? Нет.

— Я имею в виду Стива К.

— А-а. Да. Мы встречаемся.

У нее были две косички-колоска и джемпер с надписью «Tommy Girl». Она совсем не боялась меня. Она спросила, откуда у меня такие сережки, а я ответила, что мне их подарила на Рождество тетушка, а она сказала, что ей на Рождество такую фигню не дарят, а потом мы вернулись в класс. Я не смотрела на Стива. Я не знала, он ли был инициатором их отношений или у темной фигуры была особая сла-

бость к девочкам-подросткам, я не знала даже, что именно я подразумеваю под словами «темная фигура». Я на пару секунд прижалась разгоряченным лицом к доске, а потом написала слово «МИР». Пожалуй, это единственное преимущество в работе помощника по особым делам. Можно писать слово «МИР» на доске когда захочется. Кто станет возражать? Это и есть мир. А вдруг поможет, если напишешь...

В то утро я проснулась от того, что сосед обрезал ветки на дереве. Он не прекратит свое занятие, пока я не поднимусь с постели, сказала я себе. Дерево становилось все меньше и меньше. Скоро от него останется один пенек, и тогда сосед ползет под землю и примется за корни. Я все никак не могла собраться с силами и встать. Он покончил с корнями и теперь прорубался сквозь землю, и я сказала себе: когда сосед выберется наружу в Китае, тут я и поднимусь. У него ушел на это весь день. Я редела, вертелась в кровати и сворачивалась калачиком, сама не соображая, что делаю. Я корчилась от спазмов, от сердечной боли, я превратилась в один огромный орган, чья задача — скорбеть. Но к тому времени, как сосед добрался до расплавленного ядра Земли, я замерла. Я до того себя извела, что теперь меня хватало только на то, чтобы глядеть вверх, всем своим организмом исследуя потолок. Я чувствовала, как он подкапывается под улицы Шанхая, и тут вдруг, к собственному

ужасу, поняла, что проголодалась. Так тело выражает надежду на будущее. Когда он пробил слой почвы и глотнул китайского воздуха, я села. Он прокладывал себе путь в небо, вертикально, сквозь кроны деревьев, а потом в облака. Мой сосед пропилился в открытый космос. Он продолжал двигаться по Млечному Пути, сквозь звезды и звездную пыль. Он сделал громаднейший виток вокруг вселенной. А потом приземлился, негромко опустился у себя во дворе. Я приподняла занавеску и увидела, как он выключает поливальную машину. Вечерело. Если он заметит меня, загадала я, я буду жить дальше. Посмотри наверх, посмотри наверх, посмотри наверх. Он поднял взгляд, будто по собственной воле, и я помахала ему рукой.

Примечание: Хотя Мэделин Лэнгл действительно написала книгу «Стремительно вращающаяся планета», персонаж, носящий в этом рассказе ее имя, полностью выдуман. Это же касается и образа ее мужа.

Десять истин

Некоторые женщины прекрасно шьют, и остается только гадать: зачем они ходят на курсы кройки и шитья для начинающих? Мне нравится думать, что это от низкой самооценки. Они всегда держат себя в руках и рождены как будто специально для того, чтобы мы, все остальные, чувствовали себя неуклюжими, и при этом они видят себя в чудовищно искаженном свете. Я-то, по крайней мере, здраво оцениваю собственное мастерство. Я просто отвратительно шью. Однако, что интересно, я не

худшая в группе, хуже меня одна крошечная азиатка. Поначалу я думала, что она окажется отличной портнихой, ведь большинство одежды в мире производится именно в Азии. Да и, в конце-то концов, кто должен лучше справляться с пошивом кимоно: я или кто-нибудь из Китая-Японии? Но нет, она заставила меня расстаться с этими расовыми предрассудками! Не понимаю, что она пытается сострочить: платье в стиле кимоно или подстилку для собаки? Поначалу она ужасно меня отвлекала; я просто поражалась тому, как она трактует чужие указания. Например, преподавательница говорит: «Обрежьте излишки ткани», — а она аккуратненько складывает розовую фланель пополам, скалывает булавками и сидит, ожидает дальнейших инструкций. Что будет, если не слушать, что тебе говорят, и делать все наоборот? Как она поймет, что всё готово? Как она в последний день наденет это платье, если получится подстилка для собак? И почему никто не обращает на нее внимания? Может, мне следует вмешаться? А что я могу поделать? Но однажды преподавательница подошла ко мне и велела распороть пять последних швов. Я чуть не заорала: «Это вы мне говорите?! Я хотя бы шью для двуногих! Вы бы лучше на ее швы посмотрели!» И, словно бы прочитав мои мысли, преподавательница обернулась к ней, положила ей руку на плечо и сказала: «Сью, у тебя талант настоящего художника». Сью рассмеялась, преподавательница тоже — они

долго смеялись вместе. Такие дела. В общем, я поняла, что ничегошеньки не поняла. Но это и неважно, потому что я хожу на курсы совсем не для того, чтобы научиться шить. У меня совсем другие причины.

Он думает, я ничего не смыслю в компьютерах, но я смыслю достаточно, чтобы понять: он целыми днями только и занимается, что электронной перепиской. Я могу отличить рабочие таблицы от почтовой программы «Eudora». Он даже не убавляет звук в колонках, поэтому до меня весь день доносится сигнал: «Вам новое сообщение». И я еще должна делать вид, что это звук математической программы. Я сразу могу понять, когда он получает приятное письмо, сексуальное, он вдруг начинает держаться со мной свободнее, даже развязно — чтобы унять бешено колотящееся сердце. И это не поэтическая метафора, сердце у него действительно скачет — даже через рубашку видно. Я знаю о нем все, он голова, а я его шея. Я его секретарша.

Раньше он снимал два кабинета: один для себя и другой, совсем маленький, для меня. Но потом сказал, что настали суровые времена, и нам придется обойтись одним кабинетом на двоих. Суровые времена, как же! Вот как он складывает семьдесят два и тринадцать. Два плюс три будет пять — проверяет почту — один плюс семь будет — проверяет почту — восемь — проверяет почту — что в итоге дает,

черт бы меня побрал, восемьдесят пять. Вот так он разрывает свой день на мелкие кусочки, минута за минутой, аж больно смотреть. Бизнесмен посolidнее на его месте просто прикрыл бы фирму, пристрелил, чтобы не мучилась. Бухгалтер получше на его месте делал бы все сам, а не нанимал вместо себя еще одного бухгалтера, подешевле, и спас бы себя от катастрофы. Вы удивлены? Но вы же знали, что так оно и бывает. Бухгалтеры постоянно так делают, и повара индийских ресторанов тоже. Королевский панир? Отличный выбор. Официант передает заказ повару, повар передает заказ мальчику на побегушках, мальчик бежит через весь квартал и заказывает королевский панир в соседнем индийском ресторане: дешевое блюдо навынос. Вот почему в дорогих ресторанах ждать заказа приходится дольше. Весь бизнес так устроен. В данном случае я — тот самый мальчик на побегушках, я нанимаю настоящего бухгалтера, оберегаю чувство собственного достоинства шефа. Почему люди берутся за это? Зачем притворяются бухгалтерами, если таковыми не являются? Да потому, что стоит только ввязаться в дело, сказать, что займешься им, и вот... ты уже должен, все от тебя чего-то ждут, и становится проще действительно заняться. Думаю, он просто сказал ей на первом свидании, что бухгалтер. Потом заказал себе визитки с надписью: «Рик Марасовиц, бухгалтер, 236-4954», — и вручил возлюбленной. Потом установил телефон с таким

номером, потом приобрел письменный стол — для телефона, потом снял офис — для стола, а потом нанял меня. Так что, в некотором смысле, мы оба работаем на нее.

Хотелось бы знать, кто она такая. Может, она настолько прекрасна, что внушает мужчинам страх и трепет? Может, она настолько равнодушна, что не заслуживает правды? Может, она тоже лгунья, и они врут сообща? Или дело просто в любви, которая способна оправдать все на свете, даже самопожертвование и принесение в жертву других. Я не верю в психологию, утверждающую, что мы делаем все только ради себя. Это неправда. Человек — стадное животное, и все, что мы делаем, мы делаем ради других: потому что мы их любим или не любим. Она ни разу не заглядывала в офис, но иногда звонит. Обычно он просит меня ответить, что его нет на месте.

— Офис Рика Марасовица.

— Дана, это Эллен.

— Здравствуйте, Эллен.

(Рик кивает: да, он на месте, или трясет головой: нет, его нет.)

— Здравствуйте, а можно Рика?

— Нет, его нет на месте. Ему что-нибудь передать?

— Попросите его, пожалуйста, забрать мои эфирные масла по пути домой.

— Что за эфирные масла?

— Это что-то вроде лекарств, их получают из растений.

- Типа розовой воды?
- Ну, в данном случае речь об экстракте губастика, североамериканской орхидеи.
- А от каких он болезней?
- Помогает, если человек стесняется собственного тела.
- Ясно. Хорошо, я ему передам.
(Или в другой раз.)
- Алло, Рик на месте?
- Нет, его нет. Передать ему что-нибудь?
- Попросите его перезвонить мне как можно скорее?
- Где пожар?
- Что?
- Отчего такая спешка?
- Мне скучно.
- А, понятно. Я ему передам.

Так, постепенно, за несколько лет, я успела ее узнать. Конечно, не так хорошо, как знаю его, — я, например, не видела, как в течение дня ее бросает то в жар, то в холод. Но мы, люди, как плющ — растем там, где для нас найдется место. У нее, кажется, нашлось место для меня; она никогда не отвлекалась во время пауз и не говорила мимо трубки. Она никогда не давила, не пыталась наводить справки, но и не робела. Вот что мне нравится в людях — когда они не робеют. Перед некоторыми людьми по пути к дружбе нужно расстилать красную ковровую дорожку. Они не видят тысячу протянутых к ним отовсюду, словно листья на деревьях, рук.

— Офис Рика Марасовица.

— Дана, это Элен.

— Здравствуйте, Элен.

— Рик на месте?

— Только что отошел. Передать ему что-нибудь?

— Скажите ему, что я сегодня приду домой попозже.

— Почему же это?

— У меня курсы кройки и шитья для начинающих.

— Где?

— В Центре дополнительного образования.

— А, ясно. Я ему передам.

Это была протянутая рука, сухая женская ладошка, и я схватилась за нее. Я вернулась домой пораньше, чтобы перед занятиями успеть изучить свою квартиру. Мне хотелось взглянуть на всё ее глазами. Я всегда так делаю, прежде чем впустить в свою жизнь кого-то нового; пытаюсь понять, кто я такая, чтобы и окружающим было легче меня узнать. Я прошла по квартире, глядя на все глазами женщины, стесняющейся своего тела и обожающей шить. Я передвинула кое-что на кухне и небрежно бросила на кровать свой лучший свитер. Стерла пыль с телевизора и привела бумаги на столе в легкий беспорядок. Она сюда не придет, но я-то вернусь после встречи с ней и, разумеется, оценю собственную предусмотрительность.

Невозможно было сразу определить, кто из них Эллен, потому что в начале занятия мы не играли в игру «запомни имена остальных». С определенного возраста на курсах перестают играть в такие игры и совершенно напрасно. Я, к примеру, люблю, когда нужно ходить по кругу и рассказывать о себе что-нибудь. Жаль, что нет таких курсов, где можно ходить и ходить кругами, пока все наконец не поведают о себе абсолютно всё. А тут все сидели рядами, так что удавалось разглядеть далеко не каждое лицо. В классе было четырнадцать машинок простых электрических машинок «Зингер», и перед каждой сидело по ученице. Я почему-то не ожидала увидеть машинки, думала: будут нитки с иголками, женщины сидят с рукодельем и болтают. Рассчитывала, что это будет похоже на деревенские посиделки. Но когда преподавательница стала обходить ряды, проверяя, как у нас получается прямая строчка, я наострила уши. Головка с пушистой каштановой шевелюрой впереди меня пробормотала, что у нее проблемы со шпулькой. Эта фраза: «проблемы со шпулькой», — прозвучала совсем как «экстракт губастика». Милая темненькая головка, мягкие каштановые волосы, чудесные, чудесные волосы, прекрасная пушистая шевелюра. На следующий день на работе я смотрела на него по-новому, пыталась разглядеть в нем хоть какое-то обаяние, хоть что-то, на что могла клюнуть эта мягкость и нежность. Может быть, в нем все

это было, и было всегда, вот только я не замечала. Я ведь, можно сказать, ненавидела его.

В прошлые выходные я покупала в магазине тканей плед в красно-синюю клетку. Только я вышла из магазина, как вижу: она идет мне навстречу. Я замешкалась, а потом сообразила, что она все равно меня не узнает — ведь на занятиях я сидела позади нее. Поэтому я не стала с ней заговаривать. Я наблюдала, как она заходит в зал, двигается, не осознавая себя, как животное в документальных фильмах о природе. На следующий день на занятиях она достала из сумки такую ткань, что аж дух захватывало. На ней были нарисованы перья: самые разные перья самых разных на свете птиц. С моего места казалось, что это фотоизображения. Такое вообще возможно? Печатать фотографии на фланели? Я представила себе, как она мотается по всему миру, снимает всех этих птиц, а они собираются вокруг нее в стаи, учат ее летать, и вот она летит по воздуху на спине и совершенно не боится. На этой неделе у нее снова были проблемы со шпулькой, и у меня тоже. А Сью вообще вытащила шпульку из машинки и положила ее на пол. Теперь она была без шпульки, зато полна уверенности в себе. Вот такая она, эта Сью.

Эллен первая обратилась ко мне. Так часто случается, потому что я крупнее. Мелкие вещи устремляются к более крупным, а в случае

рек и океанов — и вовсе сливаются воедино. Мы-то, разумеется, не слились, зато разговорились после занятий, и я сообщила ей, что я и есть секретарша ее мужа. Я сказала, что это она вдохновила меня на занятия шитьем и что я надеялась познакомиться с ней поближе. Дружба должна быть построена на честности, это очень важно. Она кивала, и вообще была мила и очаровательна буквально во всем. Это не имеет никакого отношения к лесбийской любви, хоть я против нее и не возражаю. Допускаю даже, что женщина могла бы соблазнить меня, если бы медленно и умело исполнила при свечах стриптиз с легкими прикосновениями. Я готова к экспериментам, но тут об этом и речи не шло. После этого второго занятия мы пошли ко мне домой. Я устроила ей экскурсию по квартире, а когда она заглянула в спальню, ее взгляд упал на мой лучший свитер, который я каждый день нарочито небрежно бросала на кровать. «Какой уютный», — промолвила она, и нас обеих охватило ощущение уюта. Когда она увидела беспорядок на письменном столе, то призналась, что у нее то же самое. На телевизоре не оказалось ни пылинки, и она уже прониклась ко мне нежностью. Людям всегда нужно вначале немного помочь, ведь они так привыкли никого не любить. Это все равно, что сделать на одном куске глины углубление, чтобы второй кусок лучше к нему прилепился.

Я развела апельсиновый сок из концентрата и показала ей фокус с выжиманием в напи-

ток одного настоящего апельсина. При этом исчезает специфический привкус замороженного концентрата. Она пришла в восторг, а я рассмеялась и сказала: «Жизнь — простая штука». Я намекала: жизнь проста, когда ты рядом, а когда ты уйдешь, она снова станет нелегкой. Тот день был похож на день рождения, наш первый общий день рождения, а мы обе были подарками и открывали друг друга снова и снова. Например, мы решили смеяться ради обменяться туфлями. Мои были раза в два больше, чем у нее, но это нас не смущало. И дело было вообще не в туфлях, а в моих ногах и всех остальных частях тела. Ее рука была совсем рядом с моей, крошечная, как зародыш по сравнению с младенцем. Она сказала: «Может, я еще подрасту», — мы встали и сравнили наши ноги, они тоже здорово различались по длине; в нас все больше разгоралось любопытство: мы хотели, действительно искренне хотели знать друг о друге все, любые мелочи, все, в чем мы похожи, и все, в чем различаемся — если мы действительно различаемся. Мы хотели, чтобы вспышка молнии хоть на миг осветила морские глубины, чтобы мы разглядели целую вселенную, существующую там, под поверхностью воды, миллионы разноцветных рыб и диких животных; пусть нам покажут жизнь во всех красках! Мы прижимались друг к другу животами и губами. Губы тоже были разными, зато мои губы по размеру почти совпадали с ее ушком, а ее рука, обвившаяся

вокруг моей талии, казалась длинной и, что важнее, теплой. Мы стояли неподвижно и глядели друг на друга. Почему-то казалось, что это очень опасно — вот так смотреть друг другу в глаза, но мы не боялись. Как долго вы можете смотреть на человека, не отрываясь? Пока снова не вспомните о себе (это как снова после паузы окунуть перо в чернила)? Очень долго; вам просто больше не нужны чернила, вообще ничего больше не нужно... Потому что она была так же прекрасна, как я; она жила на свете, как и я; она страдала, как и я. Это она первая отвела взгляд и натянула простыню до подбородка.

Потом я налила еще апельсинового сока и показала ей, как делать из сока кубики льда. Но она сказала, что и сама знает. Она надела юбку и свои миниатюрные туфельки. Неожиданно обнаружилось, что уже очень поздно, и я со своего места заметила, что на телевизоре снова скапливается пыль. Возможно, я никогда больше не буду стирать с него пыль, просто незачем. От этого на меня навалилось такое бешеное отчаяние, что я вскочила, схватила тряпку и принялась срочно стирать эту проклятую пыль. Пока я возилась с телевизором, она заговорила:

— Можно задать тебе личный вопрос?

Я спросила:

— О чем?

И она промолвила:

— Ты смогла бы когда-нибудь с женщиной?

Я прекратила стирать пыль, замерла. Это был не вопрос, а ответ. Я могла ответить только согласием. Я сказала:

— Нет. Наверное, нет, разве что после медленного, качественного стриптиза, да и то не факт.

Она сказала:

— И я тоже.

Я оставила пыль в покое, сложила тряпку в несколько раз, пока не получился маленький квадратик, и крепко сжала в кулаке. Мне казалось, будто я выпила слишком много апельсинового сока, и теперь кислота разъедает мой желудок, а может, и всю меня. Я села и не шевелилась, стараясь поскорее прийти в себя и не рыгнуть. Я опустила взгляд на свои мощные бедра и вспомнила про ее мужа. Она собирала свои вещи: кошелек, ключи... Я выпрямилась, шагнула к ней и сказала:

— Сейчас я открою тебе десять истин о твоём муже, — я подняла вверх один палец. — Нуmero уно: он никакой не бухгалтер.

Она сказала, что уже знает об этом. А другие девять истин?

Я призналась, что на самом деле истина только одна, а остальные — просто связанные с ней подробности. Я спросила, не приходило ли ей в голову сравнение с индийским рестораном. Она не поняла, о чем я. Я объяснила, и она спросила:

— Это что, такая расистская шутка?

Я ответила:

— Нет, это чистая правда. Но ее предпочитают держать в тайне.

Но нас больше не интересовали ни тайны, ни тайная правда, ни правда вообще в каком бы то ни было виде.

Когда она ушла, я встала как вкопанная посреди гостиной. Я решила, что никому не возбраняется стоять посреди собственной квартиры сколько захочется. Я думала, что скоро мне станет скучно, но скучно не стало, стало только хуже. Я все еще сжимала тряпку для пыли и знала, что если смогу выпустить ее из рук, то снова обрету способность двигаться. Но моя рука была создана будто специально, чтобы стискивать эту грязную тряпку. Я работала у него секретаршей целых три года, и каждый год состоял из тысяч мгновений, все они были бы невыносимы, если бы не она. Теперь стало очевидно, что мы оба (по крайней мере, я) трудились ради нее. Как матери работают ради того, чтобы кормить своих детей, а мужья работают ради жен. Я почувствовала, как почва уходит из-под ног, и сказала себе: беги! Но я не могла взять и убежать, бросить все то, что я тщательно строила три долгих года. Я сжала тряпку еще сильнее и позволила проблемам захлестнуть себя с головой. Ноги мои подогнулись, и я опустилась на пол. Я плакала по-английски, плакала по-французски, пла-

кала на всех существующих языках, потому что в любом уголке мира слезы означают одно и то же. Своего рода эсперанто.

На следующий день я пошла на работу из любопытства, как люди после войны возвращаются в родную деревню, чтобы взглянуть, что от нее осталось. Скотч на месте, как и мой стул со столом, и он, и его стол. Но все остальное исчезло. Все, что не увидишь глазами. Остались только никудышный бухгалтер и его секретарша. В полдень он приблизился к моему столу и сказал: Элен рассказала о вашем маленьком тет-а-тет. Я уставилась на его рукав, как будто это было его лицо. Я и не думала, что дело зайдет так далеко, что мне придется испытать такое унижение. Я ведь даже не знала, что такое «тет-а-тет». Я рассматривала разные варианты: сбежать оттуда сию же секунду, или побриться наголо, или и его тоже обрить под ноль. Обрезать наши волосы, смешать их и поджечь, а потом сбежать. Но ничего из этого я так и не сделала.

В последний день занятий было устроено празднество с фруктовым пуншем, и мы все надели собственноручно сшитые платья. Дострочили последние швы, отгладили платья и надели их поверх одежды. Мы все выглядели как старые подруги. Как будто каждое утро просыпались под одной крышей, потягивались и дружно надевали платья. Клетчатые платья, платья цвета фуксии и ее платье

с перьями. Я стояла довольно далеко от нее, а она от меня — еще дальше. Я повернулась к другой женщине, дотронулась до ее пояска и спросила, как ей удалось сделать уголки такими ровными. Она сказала, что воспользовалась булавкой, что это очень просто и что она может показать мне, как это делается. Она положила кончики моего пояска на колени и начала выправлять уголки. С каждым ее движением пояс на моей талии подергивался. Я надеялась, что Элен смотрит на нас. Из-за обилия фланели в атмосфере чувствовалась какая-то мягкость; она даже заглушила вечный сквозняк, гулявший по залам Центра дополнительного образования. Две женщины бережно промокали салфетками грудь третьей, умудрившейся пролить на себя пунш. Стайка женщин помоложе делали друг другу прически. Однако расстояние между мной и Элен не сокращалось, линолеумный пол оставался гладок и холоден. Вдруг из ванной появилась Сью, она была совершенно голая и держала свое платье в руках. Она обнаружила, что не сможет его надеть, потому что это вовсе и не платье, а неизвестно что. Все остальные замерли и умолкли, а мы с Элен быстро переглянулись. Еще один отклик на нашу наготу, это как зараза, витавшая в воздухе. В ее глазах не было ни сожаления, ни любви, ни заботы. Но она видела меня, я не была для нее пустым местом — от этой мысли я вся прямо засветилась. Как мало нужно для счастья. Сью, ничуть

не смущаясь, прошла мимо собравшихся и установила свой ком фланели посреди комнаты, словно розовый улей или гигантскую луковицу тюльпана. Все женщины потянулись к бесформенной штуквине, как к костру. Она и правда была как костер — руками лучше не трогать, но глаз отвести невозможно.

Жесты

Перед смертью отец обучил меня несколькими движениям пальцев. Это были специальные жесты, чтобы соблазнить женщину. Он сказал, что не знает, понадобятся ли они мне когда-нибудь (учитывая, что я и сама женщина), но другого приданого, кроме них, у него для меня не было. Я знаю, что он хотел сказать: он имел в виду наследство, а не приданое. Всего движений было двенадцать. Он показывал их на моей руке, как язык глухонемых. Дело было в основном в скорости и силе нажима — в разных

комбинациях. Там были такие жесты, каких я раньше и представить себе не могла. Наверное, он выучил их в далеких заморских путешествиях. Неожиданные изменения скорости и направления. Вот пальцы ненадолго замирают, и это воспринимается как тишина, а потом следуют быстрые и протяжные поглаживания, которые он называл «свежеванием». Я хотела было все это записать, но он поморщился и спросил: «А ну как дойдет до дела? Что тогда? Станешь сверяться со своими записями? Ты должна выучить все назубок». И он продолжал демонстрировать «свежевание», поглаживая мою ладонь высохшими пальцами. Это походило на массаж. Он держался очень уверенно. Я не верила, что мне когда-нибудь достанет смелости воспользоваться его уроками. «Однажды ты сделаешь какую-нибудь женщину очень, очень счастливой», — сказал он. Но я знала, что еще ни разу в жизни не сделала никого очень, очень счастливым. Разве что, когда придет срок, призвать на помощь папу... Но он к тому времени давно будет мертв. К тому же, если такая женщина и найдется, она будет лесбиянкой и не захочет, чтобы он к ней прикасался... Придется мне проделывать все эти фокусы самой. Придется мне решать, когда она будет готова к движению номер шесть, а когда — к движению номер семь. Сможет ли она перенести напряженное мгновение неподвижности и тишины и окунуться в торопливую радость «свежевания»?

Мне нужно будет прислушиваться к ней, чтобы почувствовать. «Обращай внимание не только на ее дыхание, — сказал отец, — но и на пот, выступающий в ямке над ягодицами. Этот пот — твой тайный осведомитель. Только что она была сухая, как кошачья шкурка, и вот внезапно — наводнение в Кейптауне! Но не выжидай, не пытайся удостовериться, а то упустишь отход корабля — запрыгивай и действуй, действуй, действуй!»

Каждое утро, когда я пытаюсь настроиться на предстоящий день и подбодрить себя, я вспоминаю его слова, и это в самом деле приносит утешение. Я знаю, что однажды встречу самого важного в жизни человека, и у меня родится дочь, и я передам ей то, чему научил меня отец. Не выжидай, не пытайся удостовериться. Действуй, действуй, действуй!

Mon Plaisir

— Так очень симпатично.

— Знаю, но лучше состригите лишнее. Я хочу каре до подбородка.

— А может быть, чуть-чуть покороче? Что если вот так, до мочек ушей?

— Думаете, так мне больше пойдет?

— Нет, но тогда мы с вами сострижем больше десяти дюймов, и можно будет отдать их в «Волосы не для красоты». Это благотворительная организация, они там делают парики для детей, у которых проблемы с волосами.

— Вы что, работаете на них? На эту организацию?

— Нет.

— В таком случае, давайте остановимся на каре.

— Вы бы могли отрастить их еще на дюйм, а потом придете, и я сделаю вам вашу каре. Получится и нашим и вашим.

— Нет, мне нужно сегодня. Сегодня — первый день от оставшейся мне жизни.

— А-а. У меня такой день был на прошлой неделе.

— Правда? И что произошло?

— Ну, я просто проснулась и подумала: это первый день от оставшейся мне жизни.

— А что случилось потом?

— Я поехала на работу.

— А-а.

— Ну да.

— Ладно, давайте подарим какому-нибудь малышу новые волосы.

Когда муж увидел мою короткую стрижку, то одарил меня таким взглядом, какими мы обмениваемся, когда кто-то из нас забывает, кто мы такие. Мы не тот тип людей, которые покупают готовое какао «3 в 1», мы не сплетничаем, мы не покупаем одинаковые открытки «Hallmark» и не верим во всю эту индустрию поздравлений и праздников, вроде дня святого Валентина и свадеб. Короче говоря, мы стараемся держаться подальше от всего БЕССМЫСЛЕННОГО и отдаем предпочтение вещам ОСМЫСЛЕННЫМ. В тройку самых

осмысленных, по нашему мнению, вещей входят: буддизм, правильное питание, и внутренний ландшафт. Стрижки, как и подрезание ногтей на руках и ногах, относятся к той же категории, что и подстригание газонов. Мы не очень-то верим в подстригание газонов; мы занимаемся им, только чтобы избежать ненужных трений с соседями. Соседи у себя на участке обрезают даже кусты, придавая им смехотворные формы зверюшек. Карл посмотрел на меня так, будто я соседка и волосы у меня подстрижены в форме зверюшки. А потом продолжил расшифровывать стенограмму лекции о дхарме Барри Мендельсона — он кто-то вроде местного гуру. Карл расшифровывает стенограммы для нашей буддистской ассоциации «Дзендо» бесплатно. Иногда лекции такие длинные, что на их расшифровку уходит часов по пятьдесят. Но для него игра стоит свеч, потому что когда эти лекции появляются на официальном сайте «Дзендо», он может с гордостью сказать: это я их написал, и в каком-то смысле это действительно так.

Я пошла в спальню и прилегла на полу, чтобы не смять постель. С того места, где я лежала, были видны комья пыли и старые журналы под кроватью, это зрелище напомнило мне документальный фильм про муравьев, который мы смотрели с Карлом. Там, под землей, помещалась целая цивилизация, и жизнь там кипела не хуже, чем в наших надземных городах. Мы больше не живем половой жизнью. Я не

жалуюсь, сама виновата. Я лежу в кровати рядом с Карлом и посылаю сигналы своему влагалищу, но это всё равно что пытаться поймать кабельные каналы по телевизору, к которому кабельное телевидение вообще не подведено. Мозг требует секса, а влагалище просто ждет, когда в следующий раз захочется пописать. У него только и осталось работы, что писать.

В восемь Карл пошел на тайцзи, но вскоре вернулся, потому что не было тренера. На замену пришел другой инструктор, но Карл заявил, что это жалкая подделка.

— Ты хочешь сказать, он не настоящий тренер?

— Да он просто клоун какой-то! Всю дорогу пытался нас рассмешить.

— А-а. А я было подумала, что он выдавал себя не за того. Просто какой-то мужик с улицы.

— К тому же, он называл все упражнения по-английски!

— А правда, было бы чудно, если бы с улицы действительно пришел бы какой-то фрукт и давай преподавать тайцзи? Как если бы вместо тренера к вам пришел Боб Хоуп?

— Он назвал *юн шу* «руки обезьяны»! Я плачу по четырнадцать долларов за занятие вовсе не за «руки обезьяны».

Мы ложимся довольно рано, и я спрашиваю Карла, не хочет ли он понычнуться. Он не хо-

---

* Один из старейших и популярнейших американских комиков.

чет. Нянчиться — это один из наших обычаев. Что-то вроде буддизма или правильного питания, но в то же время и нет. Вообще-то нянчиться — это из другой области. Еще в ту же категорию можно отнести:

Мое никак не проявляемое раздражение без конкретного повода.

И:

Чувство, что в жизни есть «другой уровень», и мне необходимо перейти на него.

Карл, наверное, мог бы добавить что-нибудь от себя, а весь этот список можно озаглавить «Важные Вещи, Которых Мы Не Понимаем И Которые Никогда Не Станем Обсуждать». Мы долго читаем в постели, а потом гасим свет. Я читаю статью про аутизм. Помоему, сейчас куда ни глянь, всюду он, аутизм. Если бы у меня был ребенок, и он начал бы рвать бумагу на мелкие-мелкие кусочки, мне не понадобилось бы сто лет, чтобы поставить диагноз. Я бы моментально просекла: «О, священная корова! Я мать аутиста!» — и я бы сразу знала, что делать. Но у меня не будет ребенка-аутиста. У меня вообще не будет ребенка; я слишком стара для этого. То есть не совсем слишком, но почти. Решительная женщина еще могла бы продолжать попытки, но для таких, как я, уже поздно.

Я проснулась в семь утра и сказала себе: «Сегодня — второй день от оставшейся мне жизни». Это, в принципе, ничего не значило, просто отражало ощущение, что я на плаву.

Как будто мой корабль два дня назад снялся с якоря, и теперь я в пути. Я пытаюсь не упустить ничего из виду, как заправская туристка, хотя все вокруг мне знакомо. Я уже поступала так и раньше; собственно, это именно благодаря мне мы с Карлом четыре года назад перешли на здоровое питание. Я начала с того, что стала делать нам бутерброды на зерновом хлебе, потом пришел черед тайцзи (которое я так толком и не освоила), а потом мы перешли в буддизм. После недолгого сопротивления Карл полностью, всем сердцем принял новый стиль жизни. Иногда мне кажется, что его так напугали мои новые интересы, что он присоединился ко мне со злости. Словно хотел сказать: «Ты можешь убежать, но скрыться от меня тебе не удастся». Я расчесала свои сильно укоротившиеся волосы теми же плавными движениями, какими расчесывала былую длинную шевелюру, то и дело задевая расческой плечи. Это было новое, неуловимое и странное ощущение, и я ухватилась за него, как за свечу во мраке, надеясь, что оно приведет меня к еще более новой и еще более странной странности. Или, может быть, мне удастся накопить много новых взглядов, собрать их в кучу и обрести совершенно новое видение мира. С этой мыслью я еду в обувной магазин. Выбираю туфли в совершенно непривычном для меня стиле. Мы с продавщицей смотрим на мои бледные, в прожилках вен ноги в их желтых босоножках на высокой платформе и с ремешками.

- Вам их упаковать?
- Нет, я прямо в них и пойду.
- Я бы на вашем месте не стала...
- Почему?

— Ну, я сама обычно сперва несколько дней разношнью новую обувь дома. Если туфли окажутся неудобными, их можно будет вернуть.

— Отличный совет. Многим не мешало бы у вас поучиться.

- Люди любят усложнять себе жизнь.
- Я уж точно люблю.
- Сначала носите их дома. Это первый шаг.

- А какой второй?
- Выходите в них на улицу.
- А третий шаг?
- Третий? Ну, это вы уж сами решите.

Я надела новые туфли в машине и доехала в них до психолога, но прежде чем выйти, снова сняла. Стоит мне только войти в приемную Рут, как темные тучи, окутывающие мое сердце, рассеиваются и обнажают неровный ландшафт души, серый, обреченный городишко. При этом на меня всегда нападает ступор, и, чтобы вывести меня из него, Рут приходится задавать вопросы типа:

- Скажите, что может с вами произойти в самом худшем случае?
- У нас никогда не будет больше секса.
- Но это весьма маловероятно.

— Ну, у меня такое чувство, что я сама уже никогда этого не захочу. Мне уже все равно.

— У меня была одна клиентка, после авткатастрофы она действительно не могла больше заниматься сексом — ее парализовало. Но скажите, закончились ли на этом их семейные отношения?

— Да?

— Нет. Конечно, судьба бросает им вызов, но эта женщина по-прежнему любима.

Тут я начинаю реветь, растроганная любовью между этой покалеченной женщиной и ее возлюбленным. При этом меня терзает любопытство: почему Рут, говоря об этой семье, ни разу не упомянула слов «муж» или «партнер»? Может, они обе женщины, лесбиянки? Ну, конечно, да. И парализованная дама наверняка при этом баллотируется на пост губернатора. Я бы обязательно за нее проголосовала. Но существует ли она на самом деле, или Рут просто выдумала ее, как она (мне кажется) выдумывает ласковые и шутливые перепалки со своим мужем? На каждую мою ссору с Карлом у Рут находится подходящая история — мол, и они с мужем тоже прошли через нечто подобное, но вместо того, чтобы лаяться, муж говорил, что влюблен в ее брюзжание, а она потом сама искренне хохотала над собственной ворчливостью. Боже, это звучит так, мать твою, здорово; хотела бы я искренне смеяться над собой, хотела бы я быть ворчуньей... Рут дает мне коробочку с бумажными салфетками — вытереть

слезы, и сеанс подходит к концу. Я бесшумно вытираю нос и жду, вот выйду из кабинета — тогда высморкаюсь как следует.

Когда я прихожу домой, Карл медитирует. Мне нравятся эти минуты, потому что глаза у него закрыты и у меня есть возможность вести себя так, как я хочу. Я надеваю новые босоножки и опускаюсь на диван, он сидит в позе лотоса на ковре, прямо напротив. Сначала я в полной тишине начинаю изображать брюзгу: горблюсь и хмурю брови. Потом поднимаюсь и одними губами произношу:

— Ну, что стряслось, моя ворчунья?

Я опускаюсь, горблюсь и беззвучно шевелю губами:

— Вечно ты погружен в эти чертовы медитации!

Привстаю:

— Чепуха, моя ворчунья (почему-то во время этого воображаемого разговора мы с Карлом болтаем на сленге, как дети из фильма «Маленькие негодяи»), ты придираешься. Я работаю над двуединством тела и разума.

Я, надутая, снова горблюсь:

— Медитации-шмедитации. У меня, знаешь ли, тоже свое двуединство тела и разума.

Я привстаю:

— Ну конечно, ворчунья, ты тоже состоишь из двух половинок, как горошинка.

Я снова опускаюсь, готовясь к важному моменту. Обхватив себя руками покрепче,

я сжимаю губы и тихо, искренне смеюсь над собой. Хм-хм-хм-хм. Сперва у меня сердце разрывается, и я начинаю плакать. Но плакать давно вошло в привычку, и я заставляю себя двигаться дальше: опускаю взгляд прикрытых веками глаз и стараюсь почувствовать себя искренней и простодушной. Хм-хм-хм-хм. Я попадаю в ритм и забываю о смехе, просто делаю выдох на счет «четыре». Руки обвивают грудную клетку, меня охватывает приятное чувство: будто я скачу на лошади галопом. Хм-хм-хм-хм. На скаку я вдруг понимаю, что еду галопом рядом с Карлом. Неужто это медитация? Может, я случайно открыла какой-то мощный индийский способ дыхания? Хм-хм-хм-хм. Может, этому обычно учат только гуру, да и то после многолетних тренировок? Даже в «Дзендо», куда ходит Карл, не преподают эту премудрость, за ней нужно ехать напрямиком в Индию — хм-хм-хм-хм. А я вот наткнулась на этот способ случайно, ничего не подозревая — как Далай-ламы, которые сразу рождаются с этим титулом, даже не зная об этом. Я, самая обычная американка — хм-хм-хм-хм — практикую древнее забытое индийское искусство целительного дыхания. То-то Карл обзавидуется, когда ему расскажут, когда за мной приедут и заберут туда, куда он никогда не сможет попасть. «Прости, — скажу я, — но это больше и важнее, чем наши отношения». Он пожмет плечами и тоже попытается изобразить древнюю технику ды-

хания — хм-хм-хм-хм, — а я сочувственно рассмеюсь, потому что это настолько жалкая пародия, что мне хочется его ущипнуть. Дыхание у меня уверенное и быстрое, я сжимаю себя в энергичных объятиях и слегка встряхиваю собственное тело. Это реально, мой гнев реален, он древний и забытый, хм-хм-хм-хм! Внезапно я замираю и открываю глаза. Перед мной Карл. Почувствовав мой взгляд, он тоже открывает глаза и смотрит на меня. Вот она я. Вот они мы, в собственной гостинной.

В эту ночь он хочет понянчиться, и я задираю ночнушку. Мне не нужно больше ничего делать, моя грудь в его распоряжении, и он начинает ее посасывать. От этого на меня всегда наваливаются грусть и жажда. Они словно превращаются друг в друга, жажда обладает глубиной и оттенками, которые больше свойственны грусти: жажда это боль, вой, рыдания. А грусть ограничена жалкими рамками жажды, нужен всего лишь глоток эмоций, чтобы ее утолить. Эти противоречивые чувства, должно быть, сами нейтрализуют друг друга, когда в груди есть молоко. Я чувствую эрекцию Карла, член прижимается к моему колену, однако я переживаю, и через некоторое время все проходит. Он отлепляется от соска, и мы лежим в полутьме — она уже стала для нас привычной.

— Ты заметил какие-нибудь перемены в моем облике?

— Ты про стрижку?

- Не только.
- Это внутренние перемены?
- Да, и еще я купила новые туфли.
- А-а.

Мимо дома проехала машина, мы глядели, как по потолку скользят отсветы фар. Карл легонько надавил на мою ступню, а я — на его. Так мы делали, когда в первый раз оказались в одной постели. Этому жесту уже семь лет. Никакого традиционного периода ухаживаний у нас не было; мы встретились на торжественном ужине, и как-то быстро выяснилось, что нас обоих неделю назад бросили. К тому времени, как мы прекратили обсуждать наших бывших, мы уже год жили вместе. Я нажала на ступню Карла, а он — на мою. Если бы жесты были людьми, то вот этот по возрасту оказался бы второклашкой. Это всего лишь движения. И все-таки, время от времени проделывая этот трюк, я чувствую себя чуточку ближе к нему. Как будто бы наши ступни состоят в идеальных, честных и полных любви отношениях, но от щиколоток и выше мы теряем друг друга. Я снова нажимаю на его ступню снизу, но он не откликается. Он уже уснул.

На восьмой день от оставшейся мне жизни я начала сомневаться: правда ли это новая, оставшаяся мне жизнь или продолжение той же самой. Мне нечего было продолжать. Вторым шагом программы было надеть новые туфли на улицу, я так и сделала. Я прогулялась

по округе. Прошлась по запруженной улице и завернула в популярное кафе, где любили собираться ребята из колледжа. Я не могла ничего заказать, потому что не захватила с собой кошелек, поэтому просто воспользовалась туалетом. И не только туалетом, но и туалетной бумагой, мылом, водой и бумажными полотенцами — всем, что могла предложить мне дамская комната. Выйдя оттуда, я принялась рассматривать доску объявлений. У многих объявлений и листовок снизу болтались отрывные язычки с телефонами, это тоже было бесплатно, поэтому я оторвала по одному язычку от каждого. Потом я отправилась домой. Я легла на пол в спальне, заглянула под кровать, и мне в голову снова пришли те же самые мысли про муравьев. Целая цивилизация. Я перевернулась на живот и, почти прижав губы к коврику, запела популярную песенку «Для чего я живу, влюбленная девчонка?» — только без влюбленной девчонки, просто «Для чего я живу?», но с тем же напряжением, с тем же надрывом. Я вытащила обрывки объявлений и разложила их на ковре. Они были самых разных цветов, включая флуоресцентные. На многих — один только телефонный номер и больше никаких опознавательных знаков. Я сложила эти загадочные кусочки в отдельную кучку и стала изучать остальные. Три были о пропаже кошек, в одном объявлении предлагали отдать котенка в хорошие руки, в другом приглашали актеров в массовку, еще в двух искали съемные

квартиры, а в одном, наоборот, предлагали комнату в коммуналке для веганов, в последнем искали няню для ребенка. Я разложила их в порядке важности, а потом по цветам радуги. Я щурилась на радугу, пока она не слилась в размытое пятно, а потом прошептала себе инструкцию к третьему шагу: «Тебе решать».

В тот вечер мне вдруг стало жаль своих волос. Я залезла на сайт «Волосы не для красы» и посмотрела на фотографии довольных клиентов. Конечно, парика из своих волос я ни на чьей голове не нашла — еще слишком рано, но все равно картинки мне помогли, уж очень они были жизнеутверждающие. Улыбающиеся крошки с роскошными шевелюрами держали в руках собственные старые фотографии, где они были лысыми и хмурыми. На сайте я узнала, что на один парик, кроме моего хвостика, уйдут еще волосы девяти других «доноров». И что седые волосы отделают от остальных и продадут в коммерческую фирму по производству париков, чтобы окупить расходы на пересылку и поддержку сайта. Так что я в некотором смысле оказалась женщиной нарасхват. Бывшие частички меня теперь путешествовали по свету, компенсировали расходы и вступали в долгосрочные отношения с такими же частичками других женщин. Я так и видела, как бывший мой хвостик ведет лекции на тему о смысле и уровне жизни. С этими вдохновляющими мыслями я залезла

в кровать. Я надавила на ступню Карла, и он ответил мне тем же.

— По-моему, нам пора переходить на следующий уровень.

— Ты имеешь в виду детей?

— Ты же знаешь, я слишком стара для этого.

— Почти, но все же не слишком.

— Ага. Но я не об этом. Я хочу, чтобы мы кое-чем занялись вместе.

— Ты про секс?

— Нет. С чего ты решил?

— Как это с чего? Ты же сказала «вместе», вот я и подумал...

— Но тебя ведь устраивает, как обстоят дела сейчас.

— Мы можем сделать это прямо сейчас и покончить с разговорами?

Мы проделали все, как было заведено. Карл пососал мою грудь, а я помогла ему подрочить. Потом я отвернулась и принялась мастурбировать, а Карл гладил меня по затылку. Я кончила, и Карл убрал руку. Я повернулась к нему в темноте.

— Не спи.

— Я и не сплю.

— Не хочешь узнать, что я понимаю под «следующим уровнем»?

— И что же?

— Скажу, только если ты пообещаешь, что сделаешь это со мной?

— А может, я уже сделал?

— Нет.

— Так что же это?

— Обещаешь, что сделаешь это?

— Хорошо.

— Думаю, мы с тобой должны попробовать-ся в массовку. Ну, поработать статистами.

Как и в случае с зерновым хлебом, нельзя сказать, чтобы Карл с энтузиазмом ухватился за идею. Когда я показала ему ядовитозеленую бумажку с телефоном и названием фильма: «Привет, Максамиллион! Пока, Максамиллион!» — он только рассмеялся. А еще он был ошеломлен тем фактом, что я совершенно ничего не смыслю в том, как снимается кино. Это так просто — знать больше меня, — так что Карл не смог побороть искушение. И мы ввязались в авантюру.

Вернуться в парикмахерскую после столь краткого перерыва было приятно. Там было тепло и влажно, гудели фены, и пахло профессиональным шампунем. Патрисия показала нам благодарственную открытку из «Волос не для красоты», Карл был впечатлен. Он предоставил себя в ее руки с таким рвением, будто она собирала кровь для «Красного креста». Я время от времени отрывала взгляд от журнала и смотрела, как у него дела. Работы было много, но по мелочи: подравнять бороду и стрижку, подстричь волосы в носу и ушах, проредить брови — по-моему, без этого никак. Нужно было выглядеть заурядно и опрятно,

иначе мы будем отвлекать внимание от актеров первого плана.

Я не слышала его слов, но, кажется, у Карла сегодня было особое мнение по любому вопросу — он болтал с Патрисией не переставая. Она кивала, то и дело отступая на шаг назад и глядя на него, как на незаконченную картину, опять кивала и принималась подстригать и подравнивать. Патрисия и Карл разговаривают в теплом, полном приятных запахов зале — я могла бы любоваться ими вечно. Мне ничего не стоило представить, как они занимаются сексом: юбка у нее задрана, он входит в нее, а она запускает пальцы ему в волосы, прямо как сейчас. Она могла бы отсосать у него, ему бы понравилось. В этот момент я испытывала к Карлу нежность и сестринские чувства к ней. Хотя нет, «сестринские» — это слишком сильно сказано, такое отношение ей еще надо было заслужить. Я мысленно пожелала ей побольше разных трудностей и испытаний, даже таких, какие мне самой пережить пока не доводилось. Она наклонилась, аккуратно подравнивая его брови, а потом отступила на шаг назад, развернула его к зеркалу и спросила:

— Ну, как вам?

Я предложила следующим делом пойти в обувной магазин, но Карл возразил, что в кино редко показывают обувь.

— Это потому, что они показывают крупным планом лица. Но на наши-то лица никто

камеру наводить не станет, мы будем ходить туда-сюда на заднем фоне, поэтому наша обувь будет видна!

— Если мы будем от камер на таком расстоянии, что будет видна обувь, она получится такой мелкой, что никто и не разглядит.

Я тоже об этом подумала, действительно похоже на правду. Даже странно, откуда Карл столько всего знает о киносъемках. Еще в самом начале, высмеивая мое предложение наняться статистами, он заявил:

— Даже если бы эта идея не была такой дурацкой, непрофессиональной и почти до неприличия банальной, у нас бы все равно ничего не вышло. Ведь мы же не состоим в гильдии.

— В какой гильдии?

— В профсоюзе актеров второго плана.

— Неужели такая организация и правда существует?

— А ты что же, думаешь, они пускают на съемочную площадку кого попало?

Но они пускали. Позже мы зашли на сайт по подбору актеров и выяснили, что киношники, после того как выберут профсоюзную квоту, в самом деле приглашают людей с улицы. Еще мы прочитали, насколько нужны и важны актеры второго плана — несмотря на термин, они вовсе не второстепенны. Представьте себе шумный салун на Диком Западе. Когда дверь открывается, и входит главный негодяй, откуда мы, зрители, узнаем, что он негодяй? Да потому что сотни статистов вдруг замирают, так

и не донеся до рта кружки с пивом, не выложив на стол карты, и даже брошенные дротики застывают в воздухе. Я зачитала все это Карлу вслух, когда он закончил свою ежевечернюю расшифровку записей.

— А теперь можно, я тоже тебе кое-что прочитаю?

— Что?

— Да или нет?

— Да.

— Если ты можешь разглядеть красоту в дереве, тогда ты знаешь, что такое любовь.

— Красиво сказано.

— Мне тоже так кажется.

— Это из лекций?

— Да, эта мысль снизошла на меня после ужина.

— Снизошла... через наушники?

— Ну да.

На третий день от оставшейся Карлу жизни и на одиннадцатый день жизни, оставшейся мне, я принялась названивать по телефону. На киношном сайте говорилось, что готовность часами набирать номер студии — это уже первый шаг к съемкам. Это настоящий, проверенный и вполне профессиональный способ искать работу, хоть он и здорово смахивает на розыгрыш призов по радио. Режисерам нужны как раз такие люди, которые готовы делать практически что угодно и с радостью будут часами маяться дурью.

Пока я жала на кнопку повторного набора, я посетила немало сайтов о ремесле статистов, на этих сайтах были ссылки на сайты о прославленных голливудских звездах, а на тех, в свою очередь, ссылки на сайты о звездах порнофильмов. Я вдруг обнаружила, что смотрю записи домашней веб-камеры хорошенькой девушки по имени Саванна Бэнкс. Вопреки ожиданиям, Саванна была не голая. Она сидела за письменным столом: сначала, кажется, заполняла какие-то счета, а потом звонила по телефону. Сначала я подумала, что она проверят сообщения на автоответчике, а потом догадалась, что девушка, как и я, набирает на повторный набор. Я внезапно преисполнилась уверенности, что она тоже хочет попасть в массовку «Привет, Максамиллион! Пока, Максамиллион!» Если она дозвонится первой, меня ждет громадное разочарование. Мне эта роль нужна куда больше, чем ей; она одинока, у нее есть веб-камера и много-много других вариантов. Она откинулась на спинку стула и ждала. Что ж, я тоже умею ждать. Пока мы играли на равных. Потовая ситуация. А потом я выиграла.

— Съемочная группа.

— Алло! Я звоню по поводу подбора актеров!

— В какой фильм?

— «Привет, Максамиллион! Пока, Максамиллион!»

— А, на этот фильм труппа уже набрана.

— В самом деле?

— Да.

— Ох...

— Да, ну что ж...

— Ну...

— Ладно, может быть, им понадобится еще один человек. Наверняка сказать не могу, но не исключено, что они не откажут — только отправляйтесь туда прямо сейчас.

— Вообще-то речь не только обо мне, я хотела попасть на съемки вместе с мужем, а он сейчас на тренировке по тайцзи.

— Хм, двое — это вряд ли.

— Но в этом-то вся и соль — мы обязательно должны сниматься вместе.

— Ну, не знаю, может, они и двоих возьмут. Я и впрямь не знаю.

— А вы бы что сделали на нашем месте?

— Берите ноги в руки и скорее туда.

— Правда?

— Вам ведь нечего терять?

— Нечего.

— И захватите каждый по три рубашки.

— Я захвачу четыре!

Я повесила трубку и снова поглядела на Саванну. Она торопливо надела пальто и схватила сумочку. Я сгребла наши рубашки и выскочила на улицу. Так нечестно! У Саванны было преимущество. — мне еще предстояло дождаться Карла.

Это была трагическая любовная история. Максимилион — старик, который влюбился

в маленькую девочку и ждет, пока она повзрослеет, только чтобы умереть в день ее восемнадцатилетия. Мы участвовали в одной из ранних сцен, где Максимилион ведет свой шестилетний предмет обожания в изысканный французский ресторан под названием «Mon Plaisir». Мы и еще двадцать два статиста были поделены на пары и рассажены за столиками с длинными скатертями. Максимилион и девочка сидели совсем рядом с нами, держались за руки и смотрели друг другу в глаза так, что мне бы на их месте стало неуютно. Но не мое дело судить о любви между какими-то двумя вымышленными персонажами. Дэйв, ассистент режиссера, велел нам разговаривать и есть, как мы всегда и делаем, когда приходим побаловать друг друга в дорогой французский ресторан, только кушать надо было помалу, чтобы порций хватило на все четыре-пять часов съемок. Карл поглядел на свою тарелку; для нас игнорировать французские блюда было просто, мы уже давно перешли на макробиотическую диету. Итак, мотор!

— Привет.

— Привет, Карл.

— Обычно за ужином мы не говорим друг другу «привет».

— Я, пожалуй, отхлебну немного воды.

— Я тоже.

— Нет, нам нельзя пить одновременно!

— Почему же это?

— Это будет выглядеть неестественно.

— Но я действительно хочу пить.

— Ну так подожди.

Карл откинулся на спинку стула и подо-
ждал.

— Ты что?! Мы должны поддерживать
разговор!

— Видишь ли, я не актер. К тому же, я во-
обще не собирался сюда идти.

— Отлично! Получается, это я во всем
виновна...

— СТОП! Стоп-стоп-стоп!

Так мы усвоили свой первый важный урок
о съемках в массовке. Когда Дэйв попросил
нас разговаривать так, как мы разговарива-
ли бы, придя поужинать в приличный ресто-
ран, он хотел, чтобы мы разговаривали есте-
ственно, но без слов! Беззвучно. Он думал, мы
об этом знаем. А мы вообще не знали, что мы
тут делаем. Внезапно я вспомнила про Саван-
ну и огляделась, но ее в зале не было. Ну ко-
нечно, не было. Возможно, она жила совсем
в другом городе. Возможно, она сейчас на на-
стоящем свидании в настоящем французском
ресторане. Мы с Дэйвом обменялись взгляда-
ми. Теперь мне стала очевидна вся условность
нашей реальности: мы не могли уйти, не могли
сменить партнеров. Максимилиан погладил
ручку девочки своими морщинистыми паль-
цами, и Дэйв снова скомандовал: «Мотор».
В зале стояла тишина, дюжина пар беззвуч-
но разговаривали, и лишь за одним столиком
раздавались звуки, как в реальной жизни. Мы

с Карлом вдруг одновременно обратились друг к другу одними губами, словно оба потеряли голос. Но вскоре поняли, что так не пойдет, в нашей немой вселенной должен быть какой-то порядок. Но прежде чем мы успели приноровиться, Дэйв снова заорал: «Стоп!»

— Давай по очереди.

— Угу.

— Как в обычной беседе.

— Конечно.

Дэйв налетел на нас, как не в меру ретивый официант. «Так! Мне нужно больше веселья, больше жизни, разговоры должны быть радостными и непринужденными! Но молча! Понятно?! Да? Тогда мотор!»

Теперь нам каким-то образом удалось в точности выполнить просьбу Дэйва. Мы говорили по очереди, менялись ролями, слушали, кивали, беззвучно кивали и поглощали пищу малюсенькими кусочками. Мы шевелили губами, гримасничали, время от времени жестикулировали, словно подкрепляя слова, мы были оживлены, как молодая парочка за разговорами и едой. Карл даже время от времени прерывал меня, произносил что-то одними губами и кивал, будто соглашаясь с моими словами. И вообще вел себя так, что я чувствовала, как чувствуют люди во время приятного разговора, — он говорит что-то веселое. Я беззвучно рассмеялась, а Карл улыбнулся. Это была настоящая улыбка от радости, что ему удалось меня рассмешить. Это было так чудесно — ви-

деть его улыбающимся, что я просияла, я ощущала себя красивой как никогда, и тут съемки снова остановились.

Теперь, когда нам было позволено говорить, мы умолкли. От смущения мы даже не решались посмотреть друг на друга. Я, нервничая, ждала возобновления съемок, и, когда камеры заработали, подняла взгляд на Карла и увидела в уголках его глаз улыбчивые морщинки. До чего же неотразим он был в классической рубашке и с новой стрижкой. Он налил нам еще вина, и, подняв бокалы, мы безмолвно воскликнули: «За нас!» И я знала, что под «нами» мы оба имеем в виду не нас, а двух наших персонажей, которые впервые встретились за ужином в «Mon Plaisir». Я протянула руку через столик, и Карл быстро накрыл мою ладонь своей. Я вспыхнула как спичка. И съемки опять остановились.

Мы снова ждали, опустив взгляды. Ладонь Карла по-прежнему покоилась на моей, но уже безжизненно. И, пока киношники переустанавливали свет, я задумалась: сколько еще дублей осталось? Хватит ли нам их?

Во время съемок я сжала палец Карла, а он вцепился в мой. Теперь стало очевидно, что надо торопиться, мы устремились друг к другу, я поймала его за поросший бородой подбородок, и мы быстро поцеловались, стараясь не перетягивать на себя внимание от главных персонажей. За нашим столиком воцарилась особая атмосфера — полная скорби

и безысходности. Мы не сводили друг с друга глаз, каждый вдох был вопросом: «Да?» И тут же следовал ответ: «Да». Мы падали и поднимались, падали и поднимались. Мы погружались на прекрасную и опасную глубину; я всегда чувствовала, что эта глубина существует, что она совсем близко, только неизвестно, где. Дубль шел за дублем — проблемы с камерой разлучили нас минут на двадцать, но потом мы снова воссоединились. Чувство юмора Карла в тишине словно бы расцвело, он делал неожиданные едва заметные бессмысленные жесты, и я еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться в голос. А я не могла сделать ни одного движения, которое не было бы связано с любовью. Всякий раз, когда я ерзала на стуле, бралась за вилку, откидывала волосы со лба, я проделывала это через силу, словно бы тонула в медовой гуще, и каждый жест нес в себе скрытый смысл. Я боялась, что мы слишком громко дышим. Я поймала его за руки, он скинул ботинки там, под столом, и наши прикосновения ступнями были красноречивее слов. Дэйв завопил:

— Стоп, снято! — и потом: — Для массовой съемки окончены. Всем спасибо, все свободны!

Мы с Карлом в тревоге посмотрели друг на друга. Команда принялась аплодировать, все захлопали в ладоши; а мы смогли лишь неловко подняться из-за стола и покинуть комнату вместе с остальными «посетителями ресто-

рана». Не глядя друг на друга, мы разошлись и побрели в разные раздевалки. Снова встретились у машины и поехали домой в гнетущей тишине. Когда мы шагали через лужайку, Карл остановился, чтобы аккуратно свернуть шланг, который я бросила накануне. Я немного подождала его, а потом почувствовала себя глупо и пошла в дом. Было уже поздно, поэтому я занялась ужином. Мы сели за стол, и тут меня осенило: до чего же странно! Вот мы снова сидим за столом вдвоем и едим в тишине. Я зацепила вилок овощи и заплакала. Карл поднял на меня взгляд. Мы смотрели друг на друга через стол. Обоим было ясно: нам нечего больше делать вместе. Стоп, снято!

В следующие недели мы сами себе удивлялись. Наши привычки тут же разделились; я просыпалась в гостевой комнате с утра пораньше, а он засиживался допоздна, болтая с незнакомыми буддистами в чатах. Как соседи по общежитию, мы инстинктивно стали хранить пищу в холодильнике на разных полках, и продукты каждый покупал себе сам. Оказалось, что у нас разные пристрастия в еде. Мы начали подыскивать себе отдельное жилье, и порой хватались за одни и те же объяснения. А наши и раньше-то сократившиеся до минимума интимные моменты и вовсе сошли на нет. Где все эти нежности, куда они подевались? Пошли в переработку и достались какой-нибудь паре молодоженов из Китая? А может, какие-нибудь юные швед и шведка

сейчас прикасаются друг к другу ступнями? Мы помогали друг другу при переезде: сначала перетаскивали коробки в однокомнатную квартиру-студию, которую он нашел по соседству, а потом ехали через весь город на грузовичке к моему новому жилью. Когда в кузове не осталось больше вещей, мы обнялись, и я подумала: «Не пройдет и минуты, как я окажусь в новом, моем собственном жилище». Карл снова забрался в кабину, помахал мне из окошка и был таков. Я развернулась и направилась к дому. «Вот и все, — думала я. — Иду домой». Но не успела я дойти до дверей, как услышала автомобильный гудок. Карл вернулся. Оказывается, я забыла на переднем сиденье садовую лопату. Мы обсудили, что теперь с ней делать, ведь ни у кого из нас не было приусадебного участка. Я вдруг почувствовала, что этот разговор о лопате может затянуться навечно. Я представила себе, как мы, состарившись, все еще стоим на дорожке, а между нами — лопата. Я протянула руки к окошку и взяла ее. Машина с Карлом развернулась. Я пошла с лопатой к дверям. «Вот так, — думала я. — Теперь я одна. — Я оглянулась, чтобы удостовериться в этом. — Да».

Родимое пятно

— Если мерить по шкале от одного до десяти, где десять — это роды, то ощущения будут на тройку.

— На тройку? В самом деле?

— Да. Так они сказали.

— А что еще бывает на тройку, для сравнения?

— Ну, пять — это когда тебе вправляют челюсть.

— Значит, будет не так больно?

— Да, не так.

— А двойка — это как?

- Если тебе по ноге проедет машина.
- Ого, значит, будет хуже?
- Зато все быстро закончится.
- Ну ладно, хорошо, я готова. Нет, по-
дожди! Дай-ка я поправлю свитер. Всё, теперь
порядок.
- Отлично.
- Значит, на тройку.
- Верно. Ну, пошли.

Лазер, который описывали как прозрачный белый свет, больше напоминал кулак, лупящий по поверхности операционного стола, а ее тело было как чашка на столе, подпрыгивающая с каждым ударом. Оказалось, что «три» — это просто цифра. Она описывает боль ничуть не лучше, чем деньги описывают товар, который на них можно купить. Две тысячи долларов, чтобы вывести пятно от портвейна. Что-то вроде родимого пятна, оно выглядит неопрятно и неуместно, как будто это красная клякса во всю щеку — результат излишнего баловства. Она разговаривала со своим телом, как с питомцем на приеме у ветеринара: «Тшшш, все в порядке, прости, мне так жаль, что приходится так поступать с тобой». В этом нет ничего необычного; многим кажется, что их тела неповинны в их проступках, как животные или растения. Хотя тут и проступка-то никакого нет. Она терпеливо ждала с четырнадцати лет, пока пластическая хирургия не подешевеет, как компьютеры. В девяносто

восьмом лазеры наконец стали доступны, как хлеб — ешьте досыта и становитесь идеальными. О да, идеальными. Она считает, что не волновалась бы так из-за этого пятна, если бы не принадлежала к числу тех, о ком говорят: «Была бы красавицей, если бы не один изъян». Это особая каста, живущая по особым законам. Никто не знает, как с ними обращаться. Обычно мы палимся на них, как на оптическую иллюзию, что-то вроде вазы, образующейся из силуэтов целующейся парочки. Вот, сейчас, это ваза... а сейчас видны только целующиеся... ой, постойте, это все-таки ваза! Нет, это и то и другое! Откуда в мире берутся такие противоречия? А тут ведь ситуация еще похлеще: иллюзия красоты и уродства возникает и исчезает, и вместе с ней меняется наше восприятие. Мы уродливей ее, а в следующий миг радуемся, что не оказались на ее месте, а потом снова видим ее в таком ракурсе, что она кажется невозможной красавицей. Она — и то и другое; мы тоже и то и другое; Земля продолжает вращаться.

Теперь в ее жизни начинается новый период, она просто красавица, без всяких изъянов. Эти ощущения знакомы лишь победителям. У вас когда-нибудь случалось так, чтобы самое заветное желание вдруг исполнилось? Тогда вы знаете, что выигрыш бывает каким угодно, только не таким, каким вы его себе представляли. Бедняки, выигравшие

в лотерею, не становятся богачами. Они так и остаются бедняками, выигравшими в лотерею. Она стала очень красивой женщиной, в которой не хватало чего-то уродливого. Все ее победы строились на отсутствии чего-то, и это ощущалось. Оказалось, что фантазии об удалении пятна таили в себе мощную силу; любой придурок, ехавший вместе с ней в автобусе, мог представить, как чудесно она будет выглядеть без этого изъяна. А теперь в эту игру больше не сыграешь, остались лишь обманутые ожидания. И она ведь не идиотка, она чувствовала это. В первые месяцы после операции она получала массу комплиментов, но все они сопровождались странной растерянностью.

— Теперь ты можешь зачесывать волос наверх и больше открывать лицо.

— Ага, я обязательно попробую.

— погоди! Повтори, что ты сейчас сказала.

— «Я обязательно попробую». А что?

— У тебя был еле заметный акцент, он пропал.

— Какой еще акцент?

— Ну, знаешь, такой слабый норвежский.

— Норвежский?!

— Разве твоя мать не норвежка?

— Она из Денвера.

— Но у тебя все-таки есть что-то вроде акцента... Особая манера выговаривать слова.

— Правда?

— То есть сейчас уже нет. Акцент исчез.

И она испытывала вполне настоящее чувство утраты. Хотя и знала, что у нее сроду не было никакого акцента. Все дело в родимом пятне, оно было таким заметным, что окрашивало даже ее голос. Она не тосковала по пятну, зато тосковала по своему норвежскому наследию: это все равно что узнать о своих далеких родственниках только после их смерти.

Однако если смотреть на ситуацию в целом, это были пустяки. Ощущение потери причиняло ей куда меньше вреда, чем бессонница (но больше, чем дежавю). Со временем она заводила все больше новых знакомств, эти люди никогда не видели ее родимого пятна. Их не преследовало неуловимое чувство, будто чего-то не хватает. Одним из таких людей был ее муж. Стоило только взглянуть на него, и все становилось понятно. Не то чтобы он никогда бы не женился на женщине с пятном от портвейна во всю щеку... Но, наверное, все-таки не женился бы. Многие на его месте поступили бы так же, причем не худшие представители рода человеческого. Конечно, время от времени ей встречаются пары, в которых у кого-то родимое пятно, как разлившийся портвейн, но это не мешает второму партнеру или партнерше искренне любить его. В таких случаях она начинает ненавидеть мужа. И он это чувствует.

- Ты злишься?
- Нет.
- Я же вижу.

- Ничего подобного. Я просто ем салат.
- Я тоже их вижу. Я видел, как они вошли.
- У нее пятно еще больше, чем было у меня.

Мое не спускалось на шею.

- Будешь суп?
- Он наверняка эколог. Разве не похож?
- Может, тебе стоит перебраться за их столик?
- Возможно, я так и поступаю.
- Так чего ж ты сидишь?
- Ты что, доел весь суп? Я думала, мы собирались разделить порцию.
- Я же тебе предлагал.
- Хорошо, тогда не видать тебе салата.

Мелочь, конечно, но тем не менее между ними пролегла трещина. А трещина, как и любая вещь, со временем либо исчезает, либо растет, а она не исчезала. Шли годы. Трещина росла, как ребенок, незаметно, но ежедневно. Поскольку они, фигурально выражаясь, играли за одну команду, а любая команда стремится выиграть, им постоянно приходилось подстраиваться к этому невидимому росту. Они молча прощали друг другу отсутствие той любви, на которую оба рассчитывали. В доме, которым была их жизнь, оставались пустые комнаты, предназначенные для любви, и теперь они оба старались заполнить их модной мебелью. Герман Миллер, Джордж Нельсон, Чарльз и Рэй Имсы. В доме становилось тесно. Казалось: если захочешь резко повернуться,

придется сносить стены. И вот что произошло потом: она пыталась снять крышку с новой банки с джемом и со стуком опустила ее на стол. Это известный совет, кухонная хитрость: если крышка не снимается, постучите банкой об стол. Это не ведьмовство и не черная магия, просто способ ослабить давление под крышкой. Она стукнула слишком сильно, и банка треснула. Она вскрикнула. Муж тут же примчался на звук. Повсюду были красные брызги, и он тут же решил, что это кровь. Этакая воображаемая очевидность — вы настолько в чем-то уверены, что даже думать не надо. Но в следующую секунду страх отступает, и вы вновь обретаете контроль над собой. Это джем. Везде. Она смеялась и выбирала осколки стекла из клубничного месива. Она смеялась над учиненным ею же беспорядком, голова ее была опущена, она смотрела на пол, а волосы закрывали лицо, как занавес, а потом она подняла взгляд на мужа и попросила:

— Принеси мусорное ведро, а?

И тут это случилось снова. На миг ему показалось, что у нее на щеке родимое пятно. Оно было ярко-красное и больше, чем он воображал раньше. Более кровавое, чем сама кровь, как зараженная кровь или кровь животных, как та кровь, что, по мнению расистов, течет в жилах представителей других наций: кровь, от которой надо держаться подальше. Но он тут же сообразил, что это всего лишь джем, рассмеялся и потер ей щеку кухонным

полотенцем. Ее безупречную щеку. Ее родимое пятно.

— Милая.

— Так ты принесешь ведро?

— Милая.

— Что?

— Сходи и посмотришь в зеркало.

— А что такое?

— Сходи и посмотришь в зеркало.

— Прекрати говорить загадками. Зачем ты меня пугаешь? Что там?

Он глядел на ее щеку. Она машинально прижала ладонь к родимому пятну и помчалась в ванную.

Она долго не выходила оттуда. Наверное, минут тридцать. Вряд ли вам доводилось испытать то, что испытала за эти полчаса она. Она глядела на пятно цвета портвейна, медленно вдыхала и выдыхала. Она будто снова вернулась в прошлое, когда ей было двадцать три, только теперь ей уже стукнуло тридцать восемь. Пятнадцать лет она прожила без этого родимого пятна, и вот оно — появилось опять. На том же самом месте. Она потерла пальцем его края. Оно доходило почти до правого глаза, через краешек правой ноздри, тянулось через всю щеку к уху и заканчивалось на челюсти. Фиолетово-красное. Она не думала вообще ни о чем, не испытывала ни страха, ни разочарования, ни тревоги. Просто смотрела на пятно так, как если бы вдруг увидела человека, умершего пятнадцать лет на-

зад. Ох, неужели это ты?! Теперь стало ясно, что оно всегда оставалось на месте, просто до сих пор было невидимым и вот — проявилось. Она вглядывалась в эту красноту, чередуя вдохи и выдохи, и вскоре обнаружила, что впала в своеобразный транс. Она так и подумала: похоже, я в трансе. Она словно растворилась в пространстве. Так продолжалось минут двадцать пять — довольно долгий срок, чтобы просто вот так стоять и ни о чем не думать. Обычно вы замираете на секунду или две, а то и вовсе на полсекунды, а потом тратите весь остаток жизни, пытаясь описать это состояние, вернуть его и пережить снова. Вы говорите: «Я словно растворился в пространстве», — и машете руками в воздухе. Но руки тут вообще ни при чем, и вам это известно. Она вышла из транса резко, будто взлетающий самолет. Она больше не сливалась с пятном, теперь она смотрела на него с высоты. Похожее на озеро, оно все уменьшалось и уменьшалось, пока не стало лишь маленькой точкой посреди просторной области. Точкой, которая была очень дорога пилоту самолета, поэтому он завис над ней, но приземляться не собирался. Она отмотала от рулона полоску туалетной бумаги и высморкалась.

Он сообразил, что стоит на коленях. Он ожидал ее возвращения, преклонив колени. Он волновался, что она не позволит ему любить себя такую, с пятном. Он уже давным-давно, минут двадцать или тридцать назад, решил,

что пятно — это к лучшему. Он видел его всего мгновение, но уже успел привыкнуть. Пятно — это хорошо. Оно словно залог чего-то большего. Теперь можно будет завести ребенка, подумал он. Атмосфера в доме разрядилась. Джем с пола так и не убрали, но это никого не волновало. Он сказал себе, что не встанет с колен и дождется, пока она не выйдет из ванной. Он надеялся, что сможет свободно поведать ей о той свободе, которую он только что ощутил. Он хотел сохранить в себе это чувство. Он надеялся, что она не попытается снова избавиться от пятна. Ей нужно оставить его, им нужно завести ребенка. Он услышал, как она сморкается, как она открывает дверь. Он так и не встанет с колен. Сейчас она увидит его на полу и все поймет.

Как рассказывать детям сказки

Том наворотил дел. И, похоже, теперь расплачивался за это. Не осталось ничего такого, чего мир не успел бы ему высказать. Я спросил у него про жену.

— А Сара вообще что-нибудь говорит насчет этого?

— Конечно. Но у нее эта ситуация тоже уже в печенках, так что толку не добьешься.

— Это ужасно.

— Ага.

— А тот студент?

— Она ни за что не перестанет с ним трахаться.

— Вот черт. Черт, черт, черт.

— Ага.

— А она знает о твоих... делишках? О твоих похождениях?

— Нет.

Мы сидим в тишине и потягиваем чай. Подумать только: двенадцать лет назад я была одним из вышеупомянутых делишек. Я надавила пальцем на холодный чайный пакетик. Не прошло и нескольких минут, как мы обнялись и разошлись каждый в свою сторону.

Он не звонил мне пару недель. Для нашей дружбы это вполне нормально: исповедовался и удрал, но я беспокоилась. Я думала: а вдруг наш последний разговор — это начало чего-то большего? Точнее, не сам разговор, а возникшие в нем паузы. Там было много черных дыр, наполненных глотками чая, и, вспоминая тот день, я живо могла себе представить, как во время одной из таких заминок кладу свою ладонь поверх его руки. Мы погружаемся в черную дыру, а потом, естественно, никто уже не помнит, что там происходило. Ведь может же человек искать утешения в старой подруге, и ради этого залезть ей не только в душу. А если подруга действительно старая и проверенная, она действительно может как следует утешить. С такими благими помыслами я отправила Тому электронное письмо: «Может, пообедаем?»

И он ответил: «Сара беременна, у нас будет ребенок!!! До скорого, мне пора бежать. Просто хотел, чтобы ты узнала эту новость именно от меня. Счастливо! Том».

Когда настала пора дружеских визитов к новоиспеченным родителям, мамаша Тома завела папку, где были расписаны дни посещений и имелся список здоровых и полезных продуктов, которые нужно было приносить в подарок. Вот что называется системный подход. Меня проинструктировали: если дверь никто не откроет, продукты следовало оставить на крыльце в специальной корзине с надписью: «Спасибо вам, друзья!»

Я выбрала самый последний из всех возможных дней, надеясь, что со временем перестану ужасаться и научусь радоваться за них. Но вот день настал, а никакой радости я не испытывала. Я постучалась в дверь совсем тихонечко, собираясь оставить продукты в корзине с надписью: «Спасибо вам, друзья!», что на самом деле означало: «Жратву класть сюда». Но дверь распахнулась немедленно.

— Дэб, слава богу, ты пришла! Не можешь ее поддержать?

И мне вручили младенца. Следуя указаниям, я прошла мимо зареванной Сары, которая иронично помахала мне рукой, прямо в бывший кабинет, а ныне детскую. Том поглядел на меня, подмигнул с извиняющимся видом и прикрыл за собой дверь, оставив меня одну. Воцарилась тишина, а потом...

— Нет, я этого не говорила! Но могла бы, если б захотела, потому что это, в конце концов, мое тело!

— Но в твоём теле был наш ребенок! Ты могла ей навредить!

— Это совершенно безопасно, если речь не о жестком сексе!

— А! Так значит, все-таки было!

Я затаила дыхания и прижала девочку к груди, как будто она — это я. Голоса надолго умолкли, я вообразила, что Сара сейчас беззвучно рыдает. Но вдруг раздался ее голос, совершенно ясный и не искаженный чувством вины.

— Ага.

— Ага. И на что же был похож этот нежесткий секс, раз он был такой нежесткий?

— Он был нежный.

Дичь какая-то! Всё это для меня слишком дико, они словно живут среди медведей и сами они медведи, слова их вылетают из смертоносных, клыкастых пастей. Я бы услышала эту перепалку из вторых или даже третьих рук. «Мы ужасно поссорились». — «Я слыхала, они ужасно поссорились». — «У меня есть знакомая, которая знает одну парочку, а те несколько лет назад ужасно поссорились. Может быть, они вообще ссорились постоянно, моя знакомая не может сказать наверняка, она только недавно сообразила, что не так-то и хорошо знала этих людей — у нее были некоторые виды на мужа, но теперь эти виды —

еще более древняя история, чем та древняя, историческая ужасная ссора».

Том начал орать. Интересно, меняются ли при этом податливые мозги новорожденной в ответ на отрицательные импульсы? Я попыталась внести в шум интеллектуальную нотку, чтобы поберечь психику ребенка. Я прошептала:

— Ну, разве не интересно послушать, как кричит мужчина? Это разрушает наши стереотипы о том, что позволено и чего не позволено мужчинам. — А потом я попробовала ее успокоить: — Шшшшш...

Она уткнулась мне в грудь, ища сосок, и я сунула ей в рот палец. Младенец уснул, и я поняла, что, держа его на руках, я могу думать лишь о вещах космического масштаба. Я размышляла о похожем на шар Солнце, о пищевых цепочках и о времени, которое казалось мне каким-то невыразимым чудом. Я прильнула к малютке всем телом. Том и Сара остались где-то далеко-далеко, во мне вдруг буйным цветом расцвели первобытные инстинкты, мое сердце болезненно расширилось, впуская в себя отпрыска моих друзей. Я изучила каждую миниатюрную модель пальца на ее ладошках; я разглядывала ее закрытые глаза с великолепными ресницами, намек на красивый в будущем носик. Но я никак не могла припомнить ее имя. Я всмотрелась в ее личико. Лилия? Нет, там было что-то не столь невинное, что-то чересчур умное. Я уставилась

на плюшевого зайца и на кроликов-акробатов, выстроившихся в рядок на полке. Лана? Нет. Клоуны наклонялись и выгибались, мой взгляд постепенно сфокусировался на них. Это были не просто клоуны-акробаты, а алфавит; они будут корчиться вечно, составляя имя: Лион.

Мне уже были знакомы подобные случаи: некоторые женщины находят «своих» детей постепенно, естественным образом, без всяких формальностей вроде зачатия или усыновления. Для меня это было действием интуиции, но моих бойфрендов такая ситуация смущала.

— По-моему, мы навещали Лион совсем недавно, разве нет?

— Нет, мы не видели ее с тех пор, как она научилась плавать в надуватниках.

— Разве это можно назвать плаванием?

— Ой, перестань, ты же знаешь, что она боится воды. Это серьезное, чрезвычайно важное дело!

— Почему бы не ограничиться просто «серьезным», а определения «серьезное, чрезвычайно важное» мы прибережем для наших отношений? Можем мы так поступить? Можем мы приберечь это для каких-то действительно серьезных и чрезвычайно важных событий, которые произойдут с нами?

— Это каких же, например?

— Ну, например... я не знаю... серьезные, чрезвычайно важные... чувства между нами.

— Охо-хо, кажется, беседа обещает быть долгой. Послушай, ты вовсе не обязан идти туда со мной. Просто забрось меня к ним и за-
бери в четыре.

Она бежит ко мне, кожа усеяна сотнями капелек воды, розово-желтый купальник в цветочек, солнечный свет в глазах, из красного ротика рвется радостный вопль. Мокрая, она врезается мне в ноги, ей столько всего нужно рассказать!

Конечно, я заезжала к ним и раньше, но всегда держалась в стороне, и вот сегодня, этим утром, я приехала снова. Поначалу я держалась в стороне, но потом дала себе волю! Я дала себе волю! И не могла нарадоваться! Это продолжалось всего девять секунд! Я думаю, могло быть и дольше, но мне нужно было отдохнуть, посидеть на подстилке, потому что я очень устала, а твой папочка сказал, что ты вот-вот выйдешь, и я ждала, я ждала тебя почти миллион лет. А теперь давай зайдем в дом? Ты видела мою подстилку? На ней нарисована девочка в купальнике и маленькая собачка, не наступай на нее, ну вот, ты все смяла, можешь расправить? Ага. Ну, теперь-то пойдем в дом? Сможешь меня проводить?

Потом мы плескались в бассейне, она обвила ногами мою талию, обняла одной рукой за шею, а другой загребала воду, указывая, куда нам двигаться. Мы были тяжелые и неуклюжие, но при этом невесомые и грациозные.

На глубокой стороне бассейна она крепко цеплялась за меня и взвизгивала; на мелкой — высвобождалась из моих объятий и показывала чудеса храбрости. Каждую пару минут она проверяла свои нарукавники — надавливала на них, чтобы удостовериться, что они не сдуваются.

— Кажется, вот этот сдулся.

— Нет, все в порядке.

— А можешь еще немножко его надуть?

— Мы же не хотим, чтобы он лопнул?

— А проверить можешь?

— Все нормально, видишь? Он абсолютно такой же, как и второй.

Она пощупала второй, серьезно поглядела на меня, широко распахнула глаза и снова принялась скакать, резвиться, верещать и брызгаться. Сара покосилась на нас поверх журнала, а потом снова опустила взгляд. Том смотрел на нас с другого конца двора, наши взгляды встретились, и я на миг вспомнила себя девятнадцатилетнюю, пьяно прижавшуюся щекой к его груди на вечеринке, а он целовал мою макушку и бормотал: «Ты же знаешь, если бы я только мог...» Просто невероятно, что когда-то он был пунктом номер один среди моих желаний. Теперь он всего лишь отец Лион, она обладает всей той дерзостью, теплотой и хитроватым обаянием, которые я когда-то пыталась найти в нем. Лион погрузила мордашку в воду и задрала ручонку в нарукавнике повыше, постепенно разжи-

мая кулак — по одному пальчику на каждую секунду. Раз, два, три, четыре, пять, потом в воздух устремляется другая рука: шесть, семь, восемь, девять, десять; обе руки подняты, пальцы растопырены, — и вот из воды появляется личико, облепленное мокрыми волосами, по щекам размазаны сопли. Хватая ртом воздух, сердитая малютка потрясает у меня перед носом кулачками.

— У меня кончились пальцы! Я была под водой больше десяти секунд! Ты же видела, что больше, да? Ты считала?

— По-моему, я досчитала до тринадцати.

— Да нет же, не меньше двадцати семи!

— Хочешь знать, как считать после десяти?

Начинай снова с первого пальца.

— Нет!

— А ты запомни, что сосчитала до десяти, а потом начинай заново, с одиннадцати.

— Я же сказала, что нет. Не хочу знать!

— Но как же ты будешь считать, если чего-то много?

— Когда больше десяти, считать будешь ты!

— Хорошо, но что, если меня не будет рядом? — Она рассмеялась, выскочила из бассейна и помчалась к лежащей в шезлонге Саре. Девчонка взвизгнула — звук напоминал смех пьяного — и плюхнулась сверху на мать.

— Чего смеешься?

— Дэб.

— Да, она веселая. Зайчушка-веселушка.

В пятницу была ночь свиданий, она называлась так потому, что вечером Сара и Том отправлялись на свидание, а Лион оставалась ночевать у меня. Но, поскольку Том с Сарой чаще все-таки оставались дома и ругались, а мы с Лион тем временем ходили в кафе и смотрели кино, ночь свиданий вскоре стала означать для нас с малышкой Ночь Бесконечного Веселья. Не стоит недооценивать ту радость, которую могут доставить друг другу при общении восьмилетний ребенок и почти сорокалетняя женщина. Обычно мы начинали с «Мисо на счастье», нашей любимой японской забегаловки. Название казалось нам ужасным, зато лапша там была вкусная. Мы говорили обо всем на свете, включая (но не ограничиваясь этим) мои седые волосы: надо ли мне их красить? Смогу ли я покрасить их самостоятельно? Или мне стоит позвать мышонка с крошечной кисточкой, чтобы он покрасил каждый волосок? И почему Том и Сара столько ругаются? Не виновата ли в этом Лион? Нет, разумеется, нет. А может ли она сделать так, чтобы они помирились? Тоже нет. И еще: подарят ли ей родители набор фломастеров из двадцати четырех цветов, и если да, то обзавидуется ли ее лучшая подружка Клэр, когда она, Лион, принесет их в школу? Наше предположение: еще как обзавидуется. И почему последний ухажер Дэб бросил ее?

— Это я его бросила.

- Может, ты мало с ним целовалась?
- Уверяю тебя, дело не в этом.
- Расскажи мне, сколько раз в день вы целовались, и я скажу, хватало ли этого.
- Четыреста.
- Это мало.

Если в прокате шел какой-нибудь хороший детский фильм, после ужина мы отправлялись в кино, но чаще мы ходили в кинотеатр повторного фильма и смотрели классику: «Маккейб и Миссис Миллер», или «Бонни и Клайд», или «На слом!». Мы были отчаянными фанатками Уоррена Битти. Сначала я беспокоилась насчет сцен секса и насилия, но Лион обнаружила, что, если фильм снят до 1986 года, она вполне может примириться с любыми сценами. Поэтому «Красные» (1981) ее устраивали, а вот «Иштар» (1987) — уже нет. После кино мы шли ко мне домой и сразу в ванную, известную также как «Ля Салон Пари». Мы придумывали всяческие зелья, смешивая шампуни, и проверяли их друг на дружке: как они пахнут, как пенятся, придают ли красоты. Мы осматривали тельце Лион — не появились ли на нем признаки половой зрелости, но те никак не появлялись. (Разумеется, потом они появились, но это случилось гораздо позже, через годы после закрытия нашего импровизированного салона красоты на дому.) Спали мы вдвоем, на моей огромной постели, ширина которой аккурат равнялась длине. На ней можно было спать и вдоль, и поперек — без

разницы, поэтому Лион каждый вечер вертелась волчком, выбирая направление. «Сегодня мы-ы-ы бу-удем спа-а-ать... — и вдруг падала навзничь, — вот так!» Она лежала неподвижно, сохраняя направление, пока я передвигала подушки к нашему новому северу. Потом мы читали старинную книжку под названием «Как рассказывать детям сказки и несколько сказок на ночь». Когда я читала обычные «Бродяжка Билли и его мяч» и «Лис и лось», Лион начинала скучать, зато оживлялась, когда я переходила к главе «Настрой сказочника: рассуждения о методе, манере и голосе с психологической точки зрения». А потом мы засыпали. Сперва обнявшись, а потом спиной к спине — от Лион ночью исходило столько тепла, что рядом с ней становилось невыносимо жарко.

К тому времени, как ей исполнилось девять, она проводила у меня три-четыре дня в неделю, а Сара и Том, все так же не ладившие друг с другом, ночевали у своих друзей. Время от времени Том, в эйфорическом порыве, предлагал мне познакомиться с очередной его пассией.

— Она великолепна, мне кажется, ты оценишь.

— Хм, спасибо, но мне и без нее хорошо.

— Ты что, ревнуешь?

— Нет.

— Но раньше ты ревновала, когда была помоложе.

— Может быть.

— Вот Сара точно ревнует. Может, хоть на фото хочешь взглянуть?

— Нет.

— Ну, что ты о ней думаешь? Разве она не само совершенство?

— Совершенство.

— Хочешь, оставь фотку себе.

— Да зачем она мне?

— Ну, не знаю, ты могла бы повесить ее на холодильник...

— Не хочу, чтобы Лион ее увидела.

— О, да они уже знакомы.

Когда Лион исполнилось десять, у нее начался период духовных исканий. Никто из нас троих не интересовался религией, поэтому ей приходилось добывать сведения из всех возможных источников. Она называла свою веру «Плеяды»: адская смесь мифологии, историй про Анну Франк, рассказов подружки Клэр, ходившей в воскресную школу и носившей крестик, потрепанной книжицы «Самый маленький ангел» и ее собственных сумасбродных верований. Она придумывала и исключала ритуалы по мере необходимости; иногда она устраивала Дни Тьмы, в которые просила меня прикрывать лицо вуалью или вообще не приближаться к ней. В день рождения маленькой мисс Франк мы плакали, а кто не мог взять и заплакать по собственной воле, должен был шепотом перечислить все свои дурные поступки, раскрыв книгу на последней странице —

там, где Анну нашли эсэсовцы. Действенность «Плеяд» во многом проистекала из способности пробуждать чувство вины. Лион носила на шее серебряную подвеску со знаком Земли-Геи, которую я чуть было не выкинула. Эта штука, кроме всего прочего, символизировала влагалище, но Лион, конечно, об этом не знала. А что самое удивительное, так это то, что она делала вид, что терпеть не может эту подвеску. Когда Клэр начинала возмущаться по поводу того, что должна носить «этот старый дурацкий крестик», Лион говорила: «Кому ты об этом говоришь! Мне родители вообще вон что велели таскать».

— А что это такое?

— Символ нашей религии.

— Ты что, еврейка?

— Нет, тут вообще всё сложно. Давай я тебе покажу, снимай свою кофту.

— Что это ты надумала?

— Я только прикоснусь своей подвеской к твоей спине.

— А-а, ты про это. Религия тут ни при чем. Мама мне так делает, ногтями, она называет это Щекотунчик.

— Щекотунчик?

— Ага.

— Она вот так же трогает твою спину?

— Ага.

— Не обижайся, но твоя мама, возможно, извращенка.

— Нет, она не такая!

— Этот твой Щекотунчик — на самом деле часть любовных игр, чтобы привести тебя в нужное настроение.

— Какое еще настроение?

— Я имею в виду безудержную страсть.

Той ночью в постели Лион вернула мне подвеску. Щекотунчик никогда не был напрямую связан с «Плеядами», но я проделывала его как религиозный обряд годами, сначала раскачивала кулон одной рукой, а потом, когда та уставала, другой.

«Плеяды» оказались на удивление долговечной религией; к двенадцати годам Лион все еще придерживалась своей веры. Однако на смену подвеске и привычным ритуалам пришли более сложные мистические практики — вот так же правоверные иудеи иногда переходят в каббалу. Однажды вечером она аккуратно разорвала три простыни в цветочек на широкие полосы и попросила меня запеленать ее, как мумию, в знак празднования Дня Ура — это было что-то вроде плеядного Рождества.

— Туже.

— По-моему, и так достаточно туго.

— Хорошо, спасибо.

Она улеглась, связанная по ногам и рукам, и стала таращиться в потолок.

— А что, если тебе понадобится в туалет?

— Схожу прямо тут.

— Как хочешь.

— Вот и хорошо. Спокойной ночи, Дэб.

- Ладно. Счастливого тебе Дня Ура. Ура!
- Ура.

Посреди ночи я проснулась от ее воплей. Этого можно было ожидать, Боже, конечно, ей же было так неудобно! Я разматывала обмоченные полоски ткани, а она давилась от рыданий.

- Я думала, что умру.
- Это я виновата. Зря я тебе разрешила...
- Нет, не говори так!
- Но посмотри на себя, солнышко, ты замерзла, расстроилась и плачешь.
- Это же церемония! Она и должна так закончиться!
- Ну хорошо, отлично. Ура.
- Ура! Я в полном порядке!

На исходе 2003 года я встретила мужчину по имени Эд Борджер. Точнее, мы все встретили. Мы вчетвером виделись с Эдом Борджером раз в неделю; он был нашим семейным психологом. В тот год у Лион началась острая аллергия, это был отчаянный год, когда она почти целиком и полностью оказалась на моем попечении. Идея о консультациях у психолога пришла в голову Тому; по-моему, он надеялся, что этот профессиональный неудачник изумится, какие запутанные у нас обстоятельства, и обвинит во всем мать, то бишь Сару. Однако Эд оказался невозмутим и предложил нам привнести в свою жизнь побольше разнообразия и динамики, которая сослужила бы каждому из нас добрую

службу. Что-то в его манере речи внушало надежду, что динамика действительно поможет, если не нам, так хоть какой-нибудь другой растерянной семье. А мы так и останемся без сил, без движения, четыре человека, полные противоречивых чувство друг к другу.

Несколько первых сеансов представляли собой зрелище, которое было нам с Лион хорошо знакомо: мы наблюдали, как Том и Сара убивали друг друга, потом возрождались из пепла ради любви, после чего быстро надоедали друг другу. Лион театрально закатывала глаза и даже пыталась безмолвно подавать мне знаки: мол, давай поедим мороженого, когда все закончится? Но я не обращала на нее внимания из симпатии к Эду Борджеру. Эд показался мне чудесным человеком. Я с готовностью платила свою треть от ста пятидесяти долларов за сеанс, и искренне желала, чтобы он изменил мою жизнь. Со временем он стал вовлекать в разговоры и нас с Лион. Девочка произнесла великолепную, полную подросткового эгоцентризма речь, в которой перечислила, чего ей не хватает на эмоциональном плане.

— Мне нужен мир и покой, никаких скандалов, пока я делаю уроки и сплю. Мне нужен черный рюкзак фирмы «ДженСпорт»...

— Милая, это не имеет отношения к эмоциям...

— Мне нужно, чтобы мамочка замолкла и дала мне закончить список, потому что кто

она такая, чтобы говорить имеют мои желания отношения к эмоциям или нет. Мне нужно оставаться у Дэб, когда я в таком настроении.

Тут Эд решил мягко на нее надавить.

— Тебе больше нравится жить у Дэборы?

— Да, но маме это не по вкусу.

(Мама открывает рот, чтобы вмешаться, и тут же закрывает его.)

— А как ты думаешь, почему ей это не по вкусу?

— Потому что, ну, вы знаете, Дэб и папа...

(Я крепко сцепляю руки, Том глядит в пол.)

— Так что там у Дэб и твоего папы?

— Вы же знаете.

— Нет, не знаю. Ты стесняешься говорить о том, что думаешь на самом деле?

— Они раньше были женаты. Вот почему Дэб... она мне как вторая мама.

(Том охает, Сара смеется, я перебиваю Лион.)

— Мы никогда не были женаты, мы просто друзья! И всегда были друзьями.

— Ой. А как же...

— Что — как же?

— Ой, ну, я не знаю. Я думала... Не знаю. Спасибо вам всем, что наконец сказали. Теперь я чувствую себя дурочкой.

И мы все в один голос принялись уверять малышку, что она не дурочка, совсем даже наоборот, что она проницательная, и чувствительная, и, возможно, даже ясновидящая. Может, она вспомнила что-то из прошлой жизни?

Мы рассмеялись; возможно, ей было известно что-то такое, чего не знали мы! Может, именно поэтому в этой жизни нас связала такая крепкая дружба! Эд наблюдал за нами, сохраняя вежливую дистанцию, явно не покупаясь на нашу болтовню, но и не вынося суждений, просто глядя, как его желанная динамика гонит нас по кругу. Еще кружочек, пожалуйста.

В тот день, когда Эд Борджер наконец заставил говорить и меня, у меня был ПМС, видимо, поэтому связной речи у меня не получилось. Вместо этого я ревела на все лады, поскуливая, описывала ту опустошающую черную полосу, в которую мы все попали. После сеанса три моих близких человека обняли меня, и в сплетении их рук я почувствовала себя в безопасности. Лион сунула свою ладошку в мою, а Том спросил, хочу ли я поговорить о своих чувствах. Я поглядела на него, на его дочку, и на какую-то долю секунды увидела чары, которые сковывали меня, как паутина, отражающая солнечный свет. Заклятие было наложено давным-давно, в том возрасте, когда я сама жаждала угодить в ловушку, и теперь распространилось на следующее поколение. Сара погладила меня по спине холодной ладонью, видение развеялось, и я почувствовала, что мне нечего сказать.

Мы ходили к Эду целый месяц, всего пять сеансов, сошлись на том, что он очень нам помог. Пришла пора прекратить консультации. Кое-кто из нас (Сара) был готов прекратить

с самого начала, но теперь мы были едиными, к тому же Лион больше не страдала от приступов аллергии. Сара и Лион могли препираться по поводу аллергии до бесконечности. Когда глаза и кожа девочки воспалялись и делались красными, Сара твердила: «Это что, твой способ привлекать к себе всеобщее внимание? Аллергия? Это все, на что ты способна?» Эд посоветовал девочке говорить: «Мама, мне нужна твоя забота и ласка», — на что Сара должна была отвечать: «Тогда скажи мне, чем я могу тебе помочь» или в крайнем случае «Я сейчас не могу, обратись, пожалуйста, к Дэб». Они опробовали этот метод в моей гостиной; Лион отыграла свою роль безупречно, а вот Сара сначала взяла ласковый тон, но потом сбилась с курса и пробормотала: «Скажи, чем тебе помочь, моя малышка, моя взрослая малышка. Ты что, действительно хочешь, чтобы я разговаривала с тобой вот так?! Разве ты от этого не чувствуешь себя совсем маленькой?» Видимо, чтобы защититься от материнских упреков, угловатое тело Лион вдруг сделалось роскошным и женственным — и всё это за одно лето, стоило ей только перейти в старшие классы. Этот элегантный пышнозадый ответ был великолепен; я бы не смогла придумать ничего лучше.

Еще Эд посоветовал, чтобы родители принимали как можно больше участия в воспитании девочки, поэтому Лион с неохотой начала ночевать дома два раза в неделю. В эти вече-

ра я не знала, куда себя девать. Я не привыкла спать одна, хоть у меня уже давно не было мужчины. В первый вечер я обычно занимала себя уборкой, а вот во второй на меня всегда нападала хандра. Вскоре я научилась убираться медленнее, деля работу на два одинаково приятных и насыщенных вечера, которые всякий раз прерывались звонками Лион.

— Мама ушла с Жуаном, а папа торчит в гараже и говорит по мобильнику.

— А ты что делаешь?

— Пока ничего. Может, позвоню Кевину, попрошу его прийти и вылизать мою киску.

— Лион!

— А что? Я уже разговаривала с ним сегодня.

— А вот и нет.

— А вот и да, на семинаре.

— И что между вами произошло?

— Он сказал...

— Значит, это он первый проявил инициативу? Хорошо.

— Я знаю.

— Ладно, действуй.

— Он сказал: «Уверен, ты уже прочитала книгу целиком...»

— «Моя Антония»?

— Ага. И я сказала: «Нет, я даже не дочитала то, что задали вчера». Вот и все.

— Хорошо. Он считает тебя умной.

— Знаю. Пойду помастурбирую, пожалуй, и буду думать о нем.

— Ну что ж, иди.

— Да я пошутила! Можно подумать, я бы сказала тебе, если б действительно собиралась мастурбировать!

К тому времени, как я столкнулась с Эдом Борджером в магазине «Треjder Джо», Лион проводила у меня только половину недели. Об этом мы с Эдом разговорились, стоя с батонами хлеба в руках. Он считал, что это серьезный прогресс. Я сказала, что мы всем обязаны ему. Он сказал, что его батон вечно успевает заплесневеть раньше, чем он его дост. Я сказала, что ему нужно класть хлеб в морозилку, тогда такой проблемы не возникнет. Он сказал: «А вкус от этого не испортится?» Я сказала: «Нет, если вы будете делать из этого хлеба тосты». Он сказал: «Неужели можно поджаривать замороженный хлеб?» Я сказала: «А как же».

Мы отнесли купленную снедь по машинам и решили, что у нас есть еще сорок минут, пока скоропортящиеся продукты не начнут портиться — как раз хватит, чтобы пропустить чашечку чаю.

Помнится, во время сеансов я представляла себе: вот если бы Эд только хотел выслушать, что я думаю на самом деле; вот если бы в комнате не было ни Тома, ни Сары, ни Лион; что если бы я могла просто говорить, и говорить, и говорить; что если бы я выговорила, и Эд

сказал мне, что я гений, а остальные — полные придурки; что если бы Эд признался, что его всегда ко мне тянуло; что если бы он стянул с меня одежду, а я с него, и мы бы сжимали друг друга в объятиях до скончания света... Все это крутилось у меня в голове, когда мы прихлебывали чай. А разговор крутился, в основном, вокруг Лион.

— Думаю, однажды она станет настоящей красавицей.

— Уже почти стала! Со времени вашей последней встречи она сильно выросла.

— Стала повыше?

— Ага, и развилась во всех остальных отношениях.

— Значит, развилась.

— Ага. И, кажется, благодаря этому у нее почти прошла аллергия. Как вы думаете, такое возможно? С медицинской точки зрения?

— Ну, с медицинской точки зрения все возможно.

— Вот и я так думаю.

— Как?

— Что все возможно.

— Ну, не то чтобы все. Например, как ни посмотри, свиньи не летают.

— Ага, но почему-то когда я сижу здесь, рядом с вами, мне кажется, что они могли бы.

— Могли бы?

— Летать.

— А-а...

— Простите, я несу черт знает что?

— Нет-нет, что вы! Конечно, нет.

Эд Борджер положил свой йогурт в мой холодильник и попросил меня напомнить ему об этом, когда он будет уходить. Лион была у родителей, но на кровати валялся ворох ее вещей. Я сгребла их в охапку и сунула в шкаф. Потом я погасила свет. Стягивать друг с друга одежду мы не стали, каждый аккуратно разделся сам. Прежде чем мы приступили к делу, Эд спросил, позволено ли ему плакать, и я сказала: «Позволено, однозначно», тогда он уткнулся лицом в мою грудь и застонал. Когда он оторвался от меня, я заметила, что лицо у него не мокрое.

— Это потому, что я плачу сухими слезами.

— А-а. И что же, в самом деле есть такой термин? Сухие слезы?

— Ну, у меня есть теория, что мужчины плачут не меньше женщин, просто они делают это иначе. Поскольку мы никогда не видели наших отцов плачущими, каждому приходится изобретать собственный метод.

— Мой отец плакал.

— Правда? По-настоящему?

— Ага. Постоянно.

— Может быть, дело в том, что его отец не стеснялся плакать при нем? И научил этому сына?

— А может, в том, что у мамы был роман на стороне, который длился шестнадцать лет.

Я пошла в ванную и как следует подмылась, как всегда перед сексом. Прежде чем вернуться в спальню, я немного замешкалась в кори-

доре; я увидела, как он стоит на моей большой квадратной кровати на коленях, яростно уставившись на лампу. Разминая член обеими руками он добился того, что тот встал. Я так живо помнила, как он сидит у себя в кабинете, наблюдая, кивая и сдержанно посмеиваясь. И вот он, Эд Борджер, во всей красе со своей смехотворной теорией о сухих слезах. Но я тоже могу быть доброй; пусть себе верит во что хочет. Стоя там, в полутемном коридоре, я решила, что сама этого хочу. Если ты навсегда станешь моим мужчиной, Эд Борджер, я стану твоей женщиной. Он вдруг прекратил онанировать, обернулся и посмотрел прямо на застывшую в тени меня. Как будто он услышал меня, как будто отвечал на мой обет. Я помахала ему рукой. Но он смотрел не на меня, а куда-то мне за спину. Еще не успев оглянуться, я поняла в чем дело. Это Лион.

За этим событием последовали пять мучительных диалогов; пятый состоялся по пути к дому ее родителей. Лион отказалась сесть на переднее сиденье рядом со мной.

— Зачем тебе это?

— Затем, что, когда ты сидишь сзади, я чувствую себя водителем.

— Так ты и есть шофер.

— Лион!

— А что? Разве ты не просто нянька и шофер? Разве родители платят тебе не за это?

— Ты прекрасно знаешь, что они мне не платят.

— Ну, знаешь, это твои проблемы, не мои.

— Лион, мы одна семья!

— Нет, ты же на самом деле нам не родня, ты только помогаешь нам, так же, как помогал Эд. Очень здорово, что вы сошлись и трахаетесь. По-моему, прислуга всегда должна трахаться друг с другом. Я только за. Мы все за это.

— Не говори Саре и Тому, пожалуйста.

— Ха!

— «Ха» означает, что не скажешь? Или скажешь?

— Просто «ха».

Но она не рассказала. С тех пор она больше не ночевала у меня. Она относилась ко мне как к приятельнице родителей, пробегала со своим бойфрендом мимо нас троих, крича: «Всем пока!» — и махая рукой. Эта перемена почти растворялась среди всех остальных перемен: Лион училась водить, вечно язвила, сделалась феминисткой. Том и Сара уверяли меня, что их она тоже игнорирует, что мы все в одной лодке. Но я-то знала, в чем дело. Я винила в ее отчуждении только себя; все произошло в одночасье. Чувство вины было сокрушающим; вот это действительно переживание, о котором стоит побеседовать с психологом. Временами я подумывала о том, чтобы обратиться к Эду, в конце концов, он же профессионал. Но сможет ли он оставаться объективным? Нет, не сможет. И чем больше я размышляла об этой необъективности, тем больше мне хотелось позвонить ему.

— Доктор Борджер у телефона.

— Привет, Эд, это Дэб.

— А, Дэб, привет.

— Мы... хм... давно не общались.

— Что у тебя на уме, Дэб?

— Ну, после того дня ты так ни разу мне и не позвонил.

— Я подумал, что не следует продолжать отношения после того, что произошло.

— Лион больше у меня не ночует, так что она не узнает.

— Ты скучаешь по ней?

— Да, конечно.

— Так значит, дело вообще-то не во мне?

— Нет, в тебе. Некоторым образом. Ты имеешь к этому отношение.

— А мне кажется, ты переносишь свою тоску по Лион на меня.

— Правда?

— Такое возможно.

— О...

— И еще, Дэб...

— Что?

— Очень жаль, но я не могу сейчас говорить. Перезвоню позже, из дома. Ты ведь хочешь, чтобы я перезвонил?

— А ты сам хочешь?

— Если ты хочешь, я перезвоню.

— А что если я не хочу? Ты просто не позвонишь, и у тебя внутри ничто не шелохнется?

— По-моему, для нас будет лучше оставить все как есть.

Время шло, грубо, неизящно и без моего согласия. Мое общение с Томом и Сарой стало нерегулярным: меня пригласили на выпускной вечер Лион, на день рождения Тома, День благодарения и рождественский ужин. Лион так и не приехала домой из колледжа на рождественские каникулы, зато прислала нам троем водолазки с эмблемой UBC — Университет Британской Колумбии, город Оканган. Она удрала быстрее и дальше, чем я могла себе представить. Ну кто, скажите на милость, уезжает учиться в Канаду? С деньгами было напряженно, поэтому на летние каникулы она все-таки приехала: жила у родителей и работала в магазине органических товаров, принадлежавшем одной лесбиянке. Я отоваривалась там куда чаще, чем нужно, как и ее бывший школьный бойфренд, но, в отличие от него, я не спрашивала, скучает ли она по мне, не подстерегала ее после работы и старалась, чтобы наши разговоры оставались легкими и веселыми.

— Здорово, что у вас есть плоские персики!

— Да, только я-то тут причем? Это не мои персики.

— Вообще-то, чисто технически — твои. Ты же здесь работаешь.

— Временно. Чтобы на самом деле тут закрепиться, надо отработать несколько месяцев, лизать киску хозяйке и все такое. Пакет нужен?

Остаток лета и всю осень я считала себя матерью лесбиянки (с ударением на слово «лесбиянки», а не на «мать»). Я покупала книги у и про лесбиянок и про их родителей, поддерживающих своих дочерей несмотря ни на что. Я надеялась, что население Оканагана терпимо относится к ее образу жизни и представляла себе, как Лион обнимает за талию другую девушку, может быть, мужеподобную. Я читала, что в паре лесбиянок одна обычно мужеподобная, а другая — женственная, и не сомневалась, что Лион — женственная. Я подумывала о том, чтобы вступить в организацию «Родители, семьи и друзья лесбиянок и геев». Я гадала, вступили туда Том и Сара или нет; скорее всего, нет — они все еще были слишком поглощены своими проблемами. Они продолжали препираться, но острота и надрыв сменились горечью, что, похоже, было к лучшему. В декабре Том позвонил мне и пригласил меня на рождественский ужин.

— Лион тоже будет. Она приезжает домой.

— О, отлично.

— У нее новый ухажер. Ты в обморок хлопнешься, когда его увидишь.

Следующие дни я провела в слезливом изумлении. Теперь все позади, к тому же я ей не мать. Мне уже почти пятьдесят. И со всем этим было трудно смириться. Но что тут поделаешь? Почему-то вышло так, что расставание с идеей о том, что она лесбиянка и что у нее есть мужеподобная подруга, оказалось труднее,

чем расставание с самой Лион несколько лет назад. А может, это была все та же застарелая боль, только теперь я ощутила ее с новой силой.

Я опоздала. Но Лион пока не было; Том и Сара сказали, что она объявится к десерту. Я коротала время, болтая с другими старыми друзьями семьи, многих из которых знала еще по колледжу. Я восхищалась их несерьезным, поверхностным отношением к Лион. Один мужчина думал, что она все еще учится в школе. Только мы уселись за стол, как в дверь позвонили. Вошел кто-то в просторной объемистой куртке и принялся разматывать шарф. Это был Эд Борджер. Он помахал рукой и сказал: «Всем привет, — а потом добавил: — Лион тоже сейчас подойдет, договорит по телефону и подойдет».

Но я уже не слышала его слов, все мое внимание было направлено на его рубашку. Это была особая разновидность вечерней рубашки — вроде тех рубашек, которые были популярны в 60-х, но немного видоизмененная, специально для тех, кто не застал 60-е. В этом-то и заключалась проблема, потому что Эд Борджер должен был помнить 60-е, он тогда был подростком. По идее, ему следовало избегать такой одежды, она не выглядела на нем как стиль ретро и должна была напоминать ему о том времени, когда он только зарабатывал первые очки в обществе. Должно быть, он не сам купил себе эту рубашку, ее купил кто-то, не за-

ставший 60-х. Но тут меня отвлекло появление Лион, она поздоровалась с собравшимися, нежно погладив Эда по спине. В первое мгновение я видела лишь ее ладонь на рубашке, даже не саму рубашку. Но потом взгляд снова сфокусировался на рубашке со всеми ее оранжевыми и желтыми полосками, и я снова глубоко и напряженно задумалась на том, кто из рожденных в конце 60-х, в 70-х, 80-х, 90-х или — давайте посмотрим правде в глаза — даже в начале нового тысячелетия подарил ему эту рубашку. Задумайтесь, каково это: родиться в 2000 или 2001 году. Все родившиеся в 2001 уже вполне могут выговорить слово «рубашка». Они могут даже, под бдительным оком мамы, преподнести кому-нибудь рубашку в подарок. Картинка постепенно обретала четкость. Я так и видела перед собой малышку в комбинезончике и варежках, стоящую на соседском крыльце с рождественским подарком в руках. Разумеется, ее не обязательно подарили именно на Рождество — ого, он проводит рукой вдоль шеи Лион, странно, — могли и на Пасху или любой другой праздник. Просто Рождество первым пришло на ум, сейчас ведь как раз рождественский ужин, свободная ассоциация, но рубашку не назовешь совсем новенькой, нет-нет, ее уже носили; интересно, они смеются в унисон, как люди, у которых уже есть стаж совместного смеха, как минимум шесть месяцев — кстати, о шести месяцах, рубашка, похоже, именно такого возраста, полгода, значит, куплена

в июне. Однако в июне нет никаких праздников, кроме самого лучшего из всех — летних каникул, которым радуются не только школьники, но и студенты колледжей. И даже те, кто по финансовым соображениям вынуждены разъезжаться по домам. Сперва они расстроены — снова этот унылый, скучный городишко, но потом начинают получать удовольствие, им нравится чувство, что сами они изменились, а жизнь — нет; яркие воспоминания, встречи со старыми друзьями (например, в магазинчике, который держит одна лесбиянка) и с теми, кого назвать друзьями затруднительно. Ты сталкиваешься со старым врагом, это тяжело, почти болезненно, но вот ты примеряешься к былому гневу, и оказывается, что ты давно из него выросла, здорово возмужала. А бывший враг — ах, до чего же восхитительно это осознать! — это ужасное чудовище ползает на коленях, желая прощения. Как безумно, дико и возвышающе взирать на него сверху вниз, разглядывать намечающуюся лысину у него на макушке и понимать, что, откровенно говоря, ты сама много лет назад выдумала себе персональное пугало. Так что вполне возможно, эта рубашка в стиле ретро была куплена в июне, или скорее даже в июле, в дни, полные счастьем обладания, без раздумий о том, как молодежная рубашка будет смотреться на стареющем мужчине. Том налил Эду бокал вина.

— Ну что, как ваш бизнес? Ваши семейные консультации?

— Не жалуюсь, Том.

Мы ели в тишине: и те, кто знал Эда лично, и те, кто просто ощущал, что в комнате воцарилась атмосфера неловкости.

— Да уж, надо думать, жаловаться вам не на что.

Мы ели запеканку из батата, печеный картофель и копченый окорок.

— Что ты сказал, Том?

Эд накрыл своей ладонью руку Лион; взгляды собравшихся были устремлены на Тома. Тот растерянно поглядел на Лион, и все остальные тоже. Она сверлила взглядом Сару, та нехотя оторвала взгляд от тарелки и посмотрела на дочь. А потом Лион, как ни в чем не бывало, выдернула ладошку из-под руки Эда и передала мне картошку, хоть я и не просила. Я взялась за блюдо, она не отпускала, и мы несколько секунд вместе держали его на весу над столом. Мой взгляд медленно скользил с блюда на ее блузку, а потом на ее лицо. Что я боялась отыскать в ее глазах? Жадность и злорадство? Лукавство? Стыд? В них светилась давняя любовь, самая большая любовь в моей жизни, и еще торжество.

УДК 73

ББК 84.7 (Сое)

Д-42

Miranda July

«No one belongs here more than you»

Оформление обложки Тёмы Казакова

Джулай, М.

Д-42 Нет никого своего/ Миранда Джулай; Пер. с англ.
Саши Збарской и Ирины Копыловой. —
М.: Гаятри, 2008. — 256 с.

ISBN 978-5-9689-0133-0

Сборник нежных и жутких рассказов удивительной актрисы и кинорежиссера Миранды Джулай — восхитительные слова, собранные в ошеломительные комбинации смыслов. О растерянности, о странных любовях, о прекрасноужасных мелочах каждого дня. Четвертая книга серии «ЖЗЛ. Женщины — замечательные люди».

Перевод Саши Збарской и Ирины Копыловой

Редакторы: Ирина Копылова и Надя Шапран

Верстка: Тёма Казаков

Корректор: Панда Грин

Подписано в печать 15.12.2007

Формат 70×90/32; печать офсетная; тираж 3000 экз.

Заказ № 0716590.

ИД «Гаятри»

113035, Москва, ул. Балчуг, д. 11

www.livebooks.ru

© Miranda July, 2007

© «Гаятри», 2007

ISBN 978-5-9689-0133-0

9 785968 901330 >

SUBSCRIBE.RU
ИНФОРМАЦИОННЫЙ КАНАЛ

POST1

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

